

ТОЛСТОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

Крекшино, 1909 г.

Слева от Толстого — его невестка Ольга Константиновна Толстая
(сестра А. К. Чертковой) со своими детьми Соней и Илюшей.

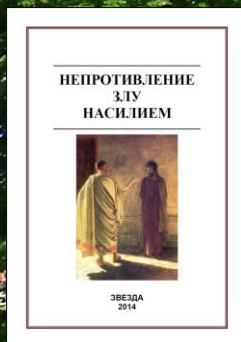
На траве сидят крестьяне М. Ф. и С. М. Соломахины.

№ 5 ●● *Май* ●● 2016

ТОЛСТОМУ АЛЕХАНДРУ МАЙ 2016

Электронная библиотека «Вне насилия» предлагает своим читателям сборник «Непротивление злу насилием».

<http://antimilitary.narod.ru/samizdat.htm>

«Толстовский Альманах» доступен для скачивания в электронной форме:

На сайте электронной библиотеки «Вне насилия»:

<http://antimilitary.narod.ru/samizdat.htm>

На сайте «Зеленая палочка»:

<http://zpalochka.narod.ru/bibl.html#TA>

На страницах социальной сети «В Контакте»:

https://vk.com/religious_anarchism

<https://vk.com/club116670169>

Свои замечания и предложения просим читателей направлять в нашу редакцию по эл. адресу:

Tolst.Almanah@gmail.com

Не в силе Бог, а в правде.

16+

Издание
религиозно-философское,
общественно-социальное и
литературно-художественное

ТОЛСТОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 5 • М а й • 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ГОЛОС Л. Н. ТОЛСТОГО

Милосердие. Мысли Л. Н. Толстого	3
Л. Н. Толстой. Проезжий и крестьянин	7

ВОКРУГ Л. Н. ТОЛСТОГО. ПРОШЛОЕ

Э. Кросби. Fiat Lux. Пер. Л. Н. Толстого	15
С. Т. Семенов. Толстой и революционеры	17
И. И. Горбунов-Посадов. В чем смысл нашей жизни	20
А. С. Малород. Всеедино	25

ВОКРУГ Л. Н. ТОЛСТОГО. СОВРЕМЕННОСТЬ

В. Адаменко. Революция и права человека	26
И. Овчаренко. О Дне Победы 9 Мая	29
В. Адаменко. Невеселые размышления о 9 мае	31
В. Аньянов. О разногласиях	38
П. Ефремов. Письма из Германии	41
А. Фетисов. Плоды ненасилия	49
А. Фетисов. Источник жизни	52

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

А. С. Пругавин. Сютаевцы. <i>Окончание</i>	59
Джим Форест. Дороти Дей	125
И. Д. Кизилова. 15 мая — Международный День Отказника	144
Памяти Нильса Кристи	149

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

И. Ф. Наживин. Забастовка	159
А. И. Белоусов. На воле и др. <i>стихи</i>	185
Основные издания «Посредника»	190
Календарь литературных дат	194

В подготовке альманаха принимают участие:

*В. Адаменко (Россия), В. Аньянов (Россия),
Т. Бейсембаев (Казахстан), П. Ефремов (Россия—Германия),
И. Овчаренко (Украина) и др.*

Замечания и предложения просим читателей
направлять в редакцию по адресу:
tolst.almanah@gmail.com

Милосердие

Мысли Л. Н. Толстого

Милосердие начинается дома. Если для проявления милосердия нужно куда-то ехать, то то, что ты хочешь проявить, едва ли есть милосердие.

Милосердие, чтобы быть истинным, должно быть совершенно независимо от одобрения людей и предполагаемой награды в загробной жизни.

Для того чтобы любить не словом или языком, а делом и истиною, богатому надо давать просящему, как сказал Христос.

А если давать просящему, то, как бы много имения ни было у человека, он скоро перестанет быть богат. А перестанет быть богат, то исполнит то, что Христос сказал богатому юноше.

Ни на чем так не видна жестокость жизни богатых, как на их попытках милосердия.

Богатые благотворители не видят того, что то, чем они благодетельствуют бедного, они вырвали из рук часто еще более бедных.

Благотворительные учреждения могут быть бесполезны или вредны, могут быть полезны (что бывает очень редко), но никогда не могут быть нравственны. Такие учреждения только яснее всего указывают на полное исчезновение в людях, устраивающих их, не только чувства, но и понятия сострадания и вытекающего из него милосердия.

Помощь, которую оказывают открыто богатые люди бедным,

есть в лучшем случае дело учтивости, но никак не милосердия. Человек спрашивает вас: как пройти в такое-то место? Из учтивости надо остановиться и сказать ему. Другой просит дать ему 5 копеек, 5 или 50 рублей. Если у вас есть лишние 5 копеек, рублей или десятков рублей, надо дать их ему, это тоже будет дело учтивости, но в поступке этом не будет ничего общего с милосердием.

Милосердие состоит не столько в вещественной помощи, сколько в духовной поддержке ближнего. Духовная же поддержка прежде всего в неосуждении ближнего и уважении к его человеческому достоинству.

Вещественное милосердие только тогда истинное, когда то, что ты даешь, ты оторвал от себя. Только тогда получающий вещественный дар получает и духовный дар.

Если же это не жертва, а излишек, то это только раздражает получающего.

Подача милостыни только тогда доброе дело, когда то, что подается, есть произведение труда.

Пословица говорит: сухая рука прижимиста, потная рука торовата. Так и в «Учении 12 апостолов» сказано: пусть милостыня твоя потом выходит из руки твоей.

Лепта бедной вдовы не только равноценна богатейшим дарам, но только эта лепта и есть настоящее милосердие.

Только бедные, трудящиеся могут иметь счастье милосердия. Богатые, праздные лишены этого.

У богатого на 3-х человек 15 комнат, и нельзя пустить согреться и переночевать нищего.

У крестьянина 7-ми аршинная изба на 7 душ, и он охотно пускает странника.

Истинное милосердие — только милосердие сильного, отдающего свои труды и усилия слабому.

Из книг:
«Круг Чтения» и «Путь Жизни».

Разных авторов

Кто имеет достаток, в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое, — как пребывает в том любовь Божия? Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиною.

1 Ин. гл. 3, ст. 17—18.

Всякому, просящему у тебя, давай и от взявшего у тебя не требуй назад. И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними.

Лк. гл. 5, ст. 30—31.

Будь правдив, не служи гневу, давай просящему, — ведь он просит тебя о немногом; к святым приблизишься ты, шествуя этими тремя путями.

Дхаммапада.

Милосердием и кротостью, отречением от себя ты обезоруживаешь всякого врага. От недостатка дров тухнет всякий огонь.

Сингалезское буддийское.

Мощь дана человеку не для того, чтобы он давил слабого, а чтобы он поддерживал его и помогал ему.

Джон Рёскин.

Всякое доброе дело есть милосердие. Дать воды жаждущему — это милосердие. Принять камни с дороги — это милосердие. Убеждать ближних, чтобы они были добродетельны, — милосердие. Указать страннику его путь — тоже милосердие. Улыбнуться, глядя в лицо ближнего, — милосердие.

Магомет.

Как первое правило мудрости состоит в познании самого себя, — хотя это всего труднее, — так и первое правило милосердия состоит в том, чтобы довольствоваться малым, хотя и это так же трудно; и только такой довольный и умиротворенный человек и явится сильным для оказания милосердия другим.

Джон Рёскин.

Прежде отстань от хищения, а потом давай милостыню. Удержи руки от лихоимства и тогда простирай их на милостыню. Если же мы теми же самими руками одних будем обнажать, а других одевать, то милостыня будет поводом к преступлению. Лучше не оказывать милосердия, чем оказывать такое милосердие.

Иоанн Златоуст.

Будьте сострадательны к тем бедным, которые нетерпеливы и озлоблены. Подумайте, как трудно терпеть несчастному бедствия всякого рода, в убогом жилище, между тем как в нескольких шагах от него проходят люди пресыщенные и роскошно одетые.

Из «Благочестивых мыслей».

Если кто смущается и соблазняется при виде ближнего своего, впадающего в грех, и под предлогом любви к добру питает злобу, тот не имеет истинного милосердия, основанного на любви к Богу, ибо все, что истекает от него, носит на себе печать спокойствия и смирения и побуждает нас обра-

щать мысли на свои недостатки.

Из «Благочестивых мыслей».

Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою.

У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая.

Чтобы милостыня твоя была в тайне, и отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

Мф. гл. 6, ст. 1—4.

Не считайте себя милосердными, когда вы уделяете бедному не только от избытка вашего, но и жертвуя необходимым для жизни. Истинная любовь требует от вас, чтобы сверх этого вы дали ему еще и место в своем сердце.

Из «Благочестивых мыслей».

Из книги «Круг Чтения».

Л. Н. Толстой

Проезжий и крестьянин

В крестьянской избе.

Старик проезжий сидит на коннике и читает книгу. Хозяин, вернувшись с работы, садится за ужин и предлагает проезжему. Проезжий отказывается. Хозяин ужинает. Отужинав, встает, молится и подсаживается к старику.

Крестьянин. По какому, значит, случаю?..

Проезжий (*снимает очки, кладет книгу*). Поезда нет, только завтра пойдет. На станции тесно. Попросился у бабы у твоей переночевать. Она и пустила.

Крестьянин. Что ж, ничего, ночуй.

Проезжий. Спасибо. Ну, что ж, как по теперешнему времени живете?

Крестьянин. Какая наша жизнь? Самая плохая!

Проезжий. Что ж так?

Крестьянин. А оттого так, что жить не при чем. Такая наша жизнь, что надо бы хуже, да некуда! Вот у меня девять душ, все есть хотят, а убрал шесть мер, вот и живи тут. Поневоле в люди пойдешь. А пойдешь наниматься, цены сбиты. Что хотят богатые, то с нами и делают. Народа размножилось, земли не прибавилось, а подати, знай, прибавляют. Тут и аренда, и земские, и подземельные, и мосты, и страховка, и десятскому, и продовольственные — всех не перечтешь, и попы, и бары. Все на нас ездят, только ленивый на нас не ездит.

Проезжий. А я думал, что мужички нынче хорошо жить стали.

Крестьянин. Так-то хорошо жить стали, что по дням не евши сидят.

Проезжий. Я потому думал, что очень уж деньгами швырять стали.

Крестьянин. Какими деньгами швырять стали? Чудно ты говоришь. Люди с голоду умирают, а он говорит: деньгами швыряются.

Проезжий. А как же, по газетам видать, что в прошлом году на семьсот миллионов, — а миллион ведь это тысяча тысяч рублей, — так на семьсот миллионов вина мужички выпили.

Крестьянин. Да разве мы одни пьем? Погляди-ка, как ее попы окалывают, за первый сорт. А бары-то тоже спуска не дают.

Проезжий. Все это малая часть, большая часть на мужиков приходится.

Крестьянин. Так что же, и пить уже ее не надо?

Проезжий. Нет, я к тому, что если на вино в год дуром семьсот миллионов швыряют, так, значит, еще не так плохо живут. Шутка ли — семьсот миллионов, — и не выговоришь.

Крестьянин. Да как же без ней-то? Ведь не нами заведено, не нами и кончится; и престол, и свадьбы, и поминки, и магарычи: хочешь не хочешь — нельзя без ней. Заведено.

Проезжий. Есть же люди, что не пьют. А живут же. Хорошего ведь в ней мало.

Крестьянин. Чего хорошего, акромья плохого!

Проезжий. Так и не надо бы пить ее.

Крестьянин. Да пей не пей, все равно жить не при чем. Земли нет. Была бы земля, все бы жить можно, а то нет ее.

Проезжий. Как нет ее? Мало ли ее? Куда ни погляди, везде земля.

Крестьянин. Земля-то земля, да не наша! Близок локоть, да не укусишь!

Проезжий. Не ваша? Чья же она?

Крестьянин. Чья? Известно чья. Вот он, толстопузый черт, захватил тысячу семьсот десятин, сам один, и все ему мало, а мы уже

и кур перестаем держать — выпустить некуда. В пору и скотину переводить. Кормов нету. А зайдет на его поле теленок али лошадь — штрах, продавай последнее, ему отдавай.

Проезжий. Да на что же ему земли-то столько?

Крестьянин. На что ему земля? Известно на что: сеет, убирает, продает, денежки в банку кладет.

Проезжий. Да где же ему такую Палестину вспахать да убрать?

Крестьянин. Точно ты махонький. На то у него деньги, наймет рабочих, они и пашут и убирают.

Проезжий. Рабочие-то, я чай, тоже из ваших?

Крестьянин. Которые — наши, которые — чужие.

Проезжий. Да ведь все же из крестьян?

Крестьянин. Известно, из нашего же брата. Кто же, акромя мужика, работает? Известно, мужики же.

Проезжий. А кабы не шли к нему мужики на работу...

Крестьянин. Ходи не ходи, все равно не даст. Будет пустовать земля, а дать — не даст. Собака на сене, сама не ест, другим не дает.

Проезжий. Да как же он свою землю убережет? Ведь, я чай, верст на пять? Где же ему поспеть укараулить?

Крестьянин. Чудно ты говоришь. Он на боку лежит, брюхо отращивает, на то у него сторожа.

Проезжий. А сторожа-то, гляди, опять из ваших?

Крестьянин. А то из каких же, известно, из наших же.

Проезжий. Значит, мужики сами для господ землю обрабатывают, да еще сами ее от себя караулят?

Крестьянин. Как же быть-то?

Проезжий. А так и быть, что не ходить к нему на работу да и в сторожа не наниматься, тогда бы земля вольная была. Земля Божья, и люди Божьи — паши, сей, убирай, кому нужно.

Крестьянин. Забастовку, значит? На это, брат, у них солдаты есть. Пришлют солдат — раз, два, пали — кого расстреляют, а кого заберут. С солдатами разговор короткий.

Проезжий. Да ведь солдаты тоже из ваших? Зачем же они своих стрелять будут?

Крестьянин. А то как же, на то присяга.

Проезжий. Присяга? Это что же, присяга?

Крестьянин. Аль ты не русский? Присяга — одно слово присяга.

Проезжий. Клянутся, значит?

Крестьянин. А то как же? На кресте, Евангелии присягают: за престол-отечество живот положить должен.

Проезжий. А на мой разум, не надо бы этого делать.

Крестьянин. Чего не надо бы?

Проезжий. Присягать не надо.

Крестьянин. Как же не надо, когда в законе положено?

Проезжий. Нет, в законе нет этого. В законе Христовом прямо запрещено: не клянись, говорит, вовсе.

Крестьянин. Ну? Как же попы-то?

Проезжий (*берет книгу, раскрывает, ищет и читает*), «Вам сказано: держи клятвы, а я говорю — не клянись вовсе. Но да будет слово ваше «да, да», «нет, нет», а что сверх этого, то от лукавого» (Мф. гл. V, ст. 33, 38). Значит, по Христову закону нельзя клясться.

Крестьянин. А не будут присягать, и солдат не будет.

Проезжий. А на что же их, солдат-то?

Крестьянин. Как на что? А как если на нашего царя да чужие цари пойдут, как же тогда?

Проезжий. Сами цари ссорятся, сами пускай и разбираются.

Крестьянин. Ну! Да как же так?

Проезжий. А так, что кто в Бога верит, тот, что ему ни говори, убивать людей не станет.

Крестьянин. Почему же поп в церкви указ читал, что война объявилась, чтоб запасные собирались?

Проезжий. Про это не знаю, а знаю, что в заповедях — в шестой прямо сказано: не убий. Запрещено, значит, человеку человека убивать.

Крестьянин. Это, значит, дома. А на войне-то как же без этого? Враги, значит.

Проезжий. По Христову Евангелию врагов нету, всех любить велено. (*Раскрывает Евангелие и ищет.*)

Крестьянин. Ну-ка, почитай!

Проезжий (*читает*). «Вы слышали, что сказано древним: не убивай; кто же убьет, подлежит суду. А я говорю вам, что всякий гневающийся на брата подлежит суду». Еще сказано: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. гл. V, ст. 43, 44).

Продолжительное молчание.

Крестьянин. Ну, а подати как же? Тоже не отдавать?

Проезжий. Уж это как сам знаешь. Если у тебя самого дети голодные, так известное дело, прежде своих накормить.

Крестьянин. Так, значит, вовсе и солдат не надо?

Проезжий. А на кой их ляд? Миллионы да миллионы с вас же собирают, шутка ли прокормить да одеть ораву такую. Близу миллионов дармоедов этих, а польза от них только та, что вам же земли не дают да вас же стрелять будут.

Крестьянин (*вздыхает и качает головой*). Так-то так. Да кабы все сразу. А то упрись один или два, застрелят или в Сибирь сошлют, только и толков будет.

Проезжий. А есть люди и теперь, и молодые ребята, поодиночке, а стоят за Божий закон, в солдаты не идут: не могу, мол, по Христову закону быть убийцей. Делайте, что хотите, а ружья в руки не возьму.

Крестьянин. Ну и что же?

Проезжий. Сажают в арестантские — сидят там, сердешные, по три, по четыре года. А сказывают, там хорошо им, потому начальство тоже люди, уважают их. А других и вовсе отпускают — гово-

рят: не годится, слаб здоровьем. А он косая сажень в плечах, а не годится, потому — бояться принять такого, он другим расскажет, что солдатство против закона божеского. И отпускают.

Крестьянин. Ну?

Проезжий. Бывает, что отпускают, а бывает, что и помирают там. Да и в солдатах помирают, да еще калечат — кто без ноги, без руки...

Крестьянин. Ну и прокурат же ты, малый. Хорошо бы так, да не выйдет так дело.

Проезжий. Отчего не выйдет?

Крестьянин. А оттого...

Проезжий. От чего от того?

Крестьянин. Оттого, что начальству власть дадена.

Проезжий. Да ведь власть-то у начальства только оттого, что вы его слушаете. А не слушайте начальства, и не будет и власти.

Крестьянин (*качает головой*). И чудно ты говоришь. Как же без начальства? Без начальства никак невозможно.

Проезжий. Известно дело, невозможно. Да только кого ты начальством считать будешь: исправника али Бога? Кого хочешь слушать: исправника или Бога?

Крестьянин. Да это что и говорить. Больше Бога не будешь. Первое дело — по-Божьи жить.

Проезжий. А коли по-Божьи жить, так Бога и слушать надо, а не людей. А будешь по-Божьи жить, не станешь с чужой земли людей сгонять, не станешь в десятских, старостах ходить, подати отбирать, не пойдешь в стражники, в урядники, а пуще всего в солдаты не пойдешь, не будешь обещаться людей убивать.

Крестьянин. Так как же попы долгогривые-то? Им видать, что не по закону, а что ж они не учат, как должно?

Проезжий. Об этом не знаю. Они свою линию ведут, а ты свою води.

Крестьянин. То-то долгогривые черти.

Проезжий. Это напрасно: что других осуждать. Надо каждому самому об себе помнить.

Крестьянин. Это как есть.

Долгое молчание. Крестьянин покачивает головой и усмехается.

Это, значит, ты к тому, что если дружно взяться всем сразу, — напором, значит, — так и земля наша будет, и податей не будет?

Проезжий. Нет, брат, не к тому я говорю. Не к тому я говорю, что по-Божьи жить, так и земля наша будет, и податей платить не станем, а к тому говорю, что жизнь наша плохая только оттого, что сами плохо живем. Жили бы по-Божьи, и плохой жизни бы не было. О том, какая была бы наша жизнь, если бы по-Божьи жили, — один Бог знает, а только то верно, что плохой жизни не было бы. Сами пьем, ругаемся, деремся, судимся, завистуем, ненавидим людей, закона Божьего не принимаем, людей осуждаем: то толстопузые, то долгогривые, а помани нас денежками, мы готовы на всякую службу идти: и в сторожа, и в десятские, и в солдаты, и своего же брата разорять, душить и убивать готовы. Сами живем по-дьявольски, а на людей жалуемся.

Крестьянин. Это верно. Да только трудно, уж как трудно! Другой раз и ее стерпишь.

Проезжий. А для души терпеть надо.

Крестьянин. Это как есть! Оттого и плохо живем, что про Бога забываем.

Проезжий. То-то и дело. Оттого и жизнь плохая. А то глядишь, забастовщики говорят: дай вот этих да вот этих господ да богачей толстопузых перебьем, — все от них, — и жизнь наша хорошая будет. И били и бьют, а пользы все нет никакой. Тоже и начальство: дай только, говорит, сроку, перевешаем да переморим по тюрьмам тысячу, другую народа, устроится жизнь хорошая. А глядишь, жизнь только все хужеет.

Крестьянин. Да это как есть. Разве можно не судом, надо по закону.

Проезжий. Вот то-то и дело. Одно из двух: либо Богу служи, либо дьяволу. Хочешь дьяволу — пьянствуй, ругайся, дерись, ненависть, корыстовайся, не Божьего закона слушайся, а людского, — и жизнь будет плохая; а хочешь служить Богу — его одного слухай: не то что грабить или убивать, а никого не осуждай, не ненависть, не влипай в худые дела, и не будет плохой жизни.

Крестьянин (*вздыхает*). Хорошо ты, старичок, рассказываешь, дюже хорошо, только мы мало слушаем. Ох, кабы побольше так наставляли нас, другое бы было. А то придут из города, тоже свое болтают, как дела исправить, болтают хлестко, а слушать нечего. Спасибо, старичок. Речи твои хорошие.

Где же ложиться будешь? На печке, что ль? Баба подстелет.

12-го октября 1909 г.

В основе очерка «Проезжий и крестьянин» — действительные эпизоды, встречи и беседы Толстого с крестьянами. Первая запись разговора была сделана Толстым в Крекшине у Чертковых 11 сентября 1909 г. В процессе работы Толстой меняет композицию, состав действующих лиц, стремится исключить все автобиографическое. Последнее исправление в текст очерка было внесено 22 октября 1909 г. При жизни Толстого очерк не публиковался. Впервые напечатан в 1917 г. в газете «Утро России», № 116 от 10 мая.

Собрание сочинений в 22 тт. Том 14. М., «Худ. лит.», 1984.

Эрнест Кросби

FIAT LUX

(ДА БУДЕТ СВЕТ)

пер. с английского Л. Н. Толстого

Кто же вы, чтобы так дерзко вызывать общество?

Разве общество не непреодолимо?

Тем более непреодолимы мы, на нашем месте.

Бесконечные силы природы действуют через нас.

Узкое прошедшее через нас разливается в

широкое будущее.

Если мы только стремимся быть впереди воли Божьей, —

Бог действует через нас.

Кто же имеет более права, чем мы, на то, чтобы

преобразовать мир?

Но мы не поднимем пальца против ваших

старинных учреждений.

Мы не поднимем пальца и будем убеждать других,

чтобы они убрали свое оружие.

Мы назначаем саблю и ружье на ту полку музея,

где лежат орудия пытки.

И мы знаем, что скоро и полицейское устройство и

выборный ящик последуют за ними.

Вы бы могли победить нас, если бы мы опирались на

вооруженные батальоны или на большинство.

Но мы знаем, как бороться с совами и летучими
мышами общественных суеверий.

Мы не употребляем ружей.

Тот, кто поднимает меч, от меча же и погибнет.

Мы обращаемся только к свету истины, и все враги,
ослепнув, бегут перед нами.

Мы зажигаем огонь любви, и все зажжены им.

Скоро исчезнет ложная честность, которая живет на труде
других, исчезнет ложная власть, которая опирается на наси-
лие.

Исчезнет ложная почтенность, которая поддерживается
привилегиями, исчезнет ложное богатство, которое извлека-
ется из бедности ближних.

Исчезнет ложная религия, которая покрывает все эти
обманы своим изношенным плащом лицемерия.

Ночи прошло уже много, и день близок.

Ночные птицы и животные уже прячутся в темные углы.

Скоро поднимется солнце правды, неся исцеление
на своих крылах.

Благодарим Бога, что хотя через нас его лучи,
хотя и смутно, отражаются.

Эрнест Ховард Кросби (1856-1907) – американский поэт, публицист, самый деятельный распространитель взглядов Л. Н. Толстого в США. В оригинале напечатано в книге «Plain Talk in Psalm and Parable» [Простые беседы в псалмах и притчах]. By Ernest Crosby. London 1899. Перевод появился в журнале «Молодая воля» 1907, № 1 от 14 мая. Отрывок был включен Л. Н. Толстым в составленный им «Круг Чтения».

С. Т. Семенов

Толстой и революционеры

У Л. Н. Толстого всегда было отрицательное отношение к стремлению отдельных групп возбудить человеческие массы к насильственному освобождению и захвату политической власти в свои руки. Он не верил в возможность того, чтобы миллионы разнородной человеческой массы, разобщенные огромным пространством, разностью понятий о жизненных интересах, темных и забитых, — оказались бы способными согласно произвести такой колоссальный переворот; а если бы и произвели, то удержать свое освобождение менее жестокими способами, чем это делается демократическими правительствами. И поэтому, когда после неудач Японской войны в России пошло брожение в городах, на фабриках и заводах, и в деревнях по соседству с крупными помещичьими экономиями, —

Лев Николаевич, несмотря на то, что был горячим сторонником пробуждения человеческого сознания в отдельных лицах и проповедником освобождения земли от частной собственности, не мог стать на сторону поднимавшегося движения. Он написал тогда целый ряд статей: «Об общественном движении в России», «Единое на потребу», «Великий грех» и другие, где говорилось, что нельзя дольше выносить того ужасного состояния, до которого доведен русский народ беззаконным отношением к его судьбе власть имущих, но вылезть из трясины при помощи революции он не допускал никакой возможности. Всем памятно, в каком одиночестве остался тогда великий старик. Даже многие из его идейных почитателей, увлеченные вздувшимся общественным потоком, отошли от него. Те же, что почитали его только, как

большого художника с небывалою славою во всем мире, обрушились на него с упреками, что он яко бы поддерживает реакцию, что в нем жив еще классовый дух, и посылали ему подчас грубые ругательства. Конечно, обвинения в сочувствии реакции и поддержке ее были ни на чем не основаны. Это доказывало его знаменитое «Не могу молчать», быстро отрезвившее большинство его горячих обвинителей. Они устыдились своих обвинений и снова воспылали к великому писателю безграничным уважением. Но Лев Николаевич остался неизменным себе до конца. Уже в конце августа 1910 г., за два месяца перед окончательным отъездом из Ясной Поляны, он писал из Кочетов, где он тогда находился, одному политическому ссыльному в Тобольскую губернию:

... «То, что вы говорите о перемене мировоззрения среди революционеров, я думаю, несправедливо. Чем больше я живу и вдумываюсь в условия жизни и причины жестокости и безумия нашей жизни, — тем все яснее и яснее для меня ста-

новится то, что одна из причин этого — суеверие о том, что один человек не только может устраивать жизнь другого и даже многих людей, но что забота о таком устройстве и насилие, употребляемое при этом, — суть не только не дурные и безрезультатные и глупые и жестокие дела, но нечто очень возвышенное и похвальное. Родители устраивают жизнь своих детей, религиозные учителя устраивают веру своих пасомых, правительства устраивают всю: и гражданскую, и экономическую, и всякую жизнь своих подданных; революционеры же едва ли не больше страдают этим суеверием, желая также устроить жизнь людей по-своему. Только бы каждый думал о своей жизни: как получше прожить, как можно меньше делать гадостей, а не заботился бы о жизни других, и девять десятых существующего зла исчезла бы. А только старайся получше жить, и он волей-неволей будет влиять на жизнь других людей и самым могущественным образом содействовать улучшению ее».

Заканчивается это письмо

следующим, характерным для Льва Николаевича, пожеланием своему корреспонденту:

«Прощайте, дай вам Бог, тот Бог, который живет во всех лю-

дях и голос Которого зовет нас к единению и любви, дай вам этот Бог того блага, которое Он дает всем, кто ищет его. Любящий Лев Толстой».

«Голос Толстого и Единение», № 4 (10), 1918.

Сергей Терентьевич Семенов (1868-1922) — писатель из крестьян, высоко ценимый Л. Н. Толстым, который написал предисловие к его «Крестьянским рассказам» (см. наш Альманах, № 2). Был наиболее популярным автором издательства «Посредник». В 1909-13 гг. оно выпустило собрание сочинений Семенова в 6 томах. В 1912 г. Академия наук отметила это издание премией. Пьесы Семенова стали, пожалуй, самыми популярными произведениями этого жанра среди крестьян. Написал он и ряд воспоминаний: «Двадцать пять лет в деревне», «По чужим землям» и др.

И. И. Горбунов-Посадов

В чем смысл нашей жизни

(Из письма к трем рабочим)

Дорогие братья! Вы просите меня познакомить вас с моим воззрением на жизнь. Трудно мне сейчас вкратце написать вам об этом, но попробую.

Вся наша жизнь идет из одного вечного источника, из одной небесной, как ее называют, вечной родины, из единого духа. Рождаясь здесь в теле на земле, мы являемся здесь для того, чтобы воплощать здесь в жизни высшие стремления этого единого во всех нас духа. Дух же этот единая вечная любовь. Души наши — все частицы единой вечной души, и здесь на земле, как и в вечности, эти частицы единой любви стремятся чрез все, разъединяющее их здесь на земле, соединиться воедино. И все усилия душевной работы нашей должны быть направлены на соединение с братскими человеческими ду-

шами и на осуществление такой земной жизни, в которой правителем ее, царем ее, распорядителем жизни являлась бы эта всеобщая всемирная любовь, которая хочет равного блага каждой душе, каждому человеку, каждой семье, каждому одинаково племени и народу, каждому уголку земли.

И потому мы должны работать в таком направлении, чтобы все блага любви, счастья, правды, все лучшие блага жизни одинаково доставались всем — всем людям — так называемым близким ли нашим, так называемым далеким ли нашим, всем людям без различия родства, классов, племени, государств.

Нашей семьею должно быть все человечество. Нашей землею весь мир.

Стремясь к общему счастью, мы стремимся установить ис-

тинное совершенное братство, совершенное равенство, совершенную свободу, как необходимые условия для осуществления царства истины в мире.

Истинное братство, это такое братство, при котором совершенно всех людей, без различия классов, родства, без различия племен и государств, мы считаем братьями и, зная, что мы с ними частицы единой души, никогда не перестаем сознавать и на деле исповедовать это братство, хотя бы эти люди и злоумышляли дурное и поступали дурно с нами, объявив себя нашими врагами. Мы же знаем, что врагов никаких нет, потому что все люди части единой души, а есть просто заблуждающиеся наши братья.

И мы знаем, что единственное истинное оружие против всякой междучеловеческой и международной вражды есть любовь.

В мире до сих пор старались победить так называемых врагов злом, насилием, кровавым оружием. Люди, называя друг друга врагами, шли друг на друга войною и терзали друг друга, принося себе беспредельные

бедствия, как это происходит и сейчас. И от этого средства зло в мире только все росло и увеличивалось. И только истинное братство всех со всеми при всяких условиях может победить зло и привести к счастью людей и народов.

Мы должны стремиться к тому, чтобы все народы стали единою семьею, без разделения на государства и племена, потому что государства и племена это созданные заблуждением в человеческим загородки, мешающие людям — частицам единой души — соединиться вместе для счастья всего человечества.

Что все люди равны — это ясно из предыдущего. И надо лишь исповедовать это равенство на деле, чтобы не было ни в чем одних людей ниже, других людей выше, никаких между нами господ, начальников ни в каком смысле. Каждый должен стремиться послужить людям-братьям, а ни в чем не превенствовать над ними, не должно быть среди людей никакого начальства, никаких властей, никаких предводителей, председателей, никаких особенных

над другими лиц. В каждом человеке, кто бы он ни был, хотя бы он был последний в глазах людей, пропащий человек, бродяга, проститутка, преступник, в каждом человеке мы почитаем брата-человека, частицу единой мировой души. Мы должны чтить Бога в каждом человеке, потому что душа каждого человека есть проявление единой мировой души, которая есть Бог, высшее начало жизни.

Из этого всеобщего братства и всеобщего равенства вытекает и исповедание нами истинной, совершенной свободы. Над братьями-людьми между нами не может быть допустимо никакое насилие. Никакого человека ни из-за чего нельзя лишить свободы, ни над каким человеком нельзя делать никакого насилия, никакого человека нельзя заставлять силою делать что-нибудь, принуждать к чему-нибудь, хотя бы ты считал, то, к чему ты принуждаешь, самым важным и нужным.

Если ты совершаешь насилие над душою человеческой, ты совершаешь насилие над Богом; если ты совершаешь насилие над телом человека, то ты со-

вершаешь насилие над оболочкой, в которой проявляется здесь на земле дух Божий, совершаешь насилие над оружием, посредством которого единая мировая душа может действовать в мире, потому что тело — оружие этой души.

Вот почему во имя братства, во имя равенства, во имя свободы для нас недопустимо не только отнятие у человека жизни, отнимая которую мы отнимаем у Бога возможность воплощения Божьего через этого человека в этом мире, для нас недопустимо поэтому никакое умерщвление человека ни в обычной жизни, ни на войне (не говоря уже о том, что, как я сказал, для нас нет никаких врагов, а все братья), хотя бы другие люди шли на нас с пушками и бомбами. Не только в убийстве мы не можем участвовать, но и решительно ни в каких насилиях над человеком, потому что мы почитаем, как святыню, всякую жизнь человеческую. Руки мы своей не занесем никогда ни над большим, ни над маленьким братом нашим человеком. Волос с головы его не упадет от нашей руки. Ни на кого никогда

не нападём мы. Никому никогда мы не ответим на удар ударом, только телом своим защитим того, на кого нападают. Никакого оружия поэтому никогда не возьмём мы в наши руки. Всеми силами стремимся мы никому не сделать никакого вреда, — не только насилия, но ничем никогда не оскорбить, не обидеть брата-человека, стараться не гневаться, не иметь в сердце что-нибудь худое на него. А если есть что-нибудь, стараться вырывать из сердца своего с корнем. Не мстить никогда, а всегда прощать и забывать злое.

И в этом духе стараться направлять жизнь свою.

Существующую теперь жизнь, проходящую в борьбе всех против всех, одних людей с другими, одних классов с другими классами, одних народов и государств с другими, жизнь такую стремиться заменять такою жизнью, где бы люди, наоборот, стремились во всем помогать друг другу, все силы направляя на то, чтобы всем и каждому было лучше, чтобы повсюду воцарилась высшая правда, братство, любовь, высшая справедливость, совершен-

ное равенство и свобода.

Вот, милые братья, в самых кратких беглых чертах, как я понимаю смысл жизни и то направление, по которому должна бы направляться она.

Вы спрашиваете об общественных обрядах. Я думаю, что никаких внешних обрядов не должно быть, никакой церкви, никакой секты, ничего, что отделяло бы нас от других людей. Если другие люди отделяются друг от друга своей разноплеменностью, разнопартийностью, разноцерковностью, разными сектами, то между нами не должно быть так. Люди всех племен, всех вер, всех сект, всех партий, — наши дорогие братья. Конечно, в человеке есть потребность находить поддержку в дружеском, братском, высшем духовном общении. И потому, если не назначая, как другие, какого-нибудь постоянно определенного дня, вы будете собираться, чтобы почитать вместе лучшие книги мудрости, попеть вместе хорошие песни духа, побеседовать о смысле жизни и о том, как лучше проводить в жизнь свою веру, как лучше помочь друг другу и то-

му или другому из окружающих братьев-людей, нуждающихся в помощи, как лучше влиять на общую окружающую жизнь, чтобы общая жизнь становилась бы более братской, более справедливой, более любовной, — все это и будет тем делом жизни, которое Богу—Истине и нужно вместо всяких обрядов. Пусть будет вашим обрядом и молитвою, вашим богослуже-

нием служение мыслью, словом и, главное, делом живой любви к единой всемирной душе, воплощающейся для нас в каждом брате-человеке, и, вероятно, во всяком живом создании.

Вот, милые братья, что пока я могу написать вам.

Буду очень рад, если вы напишите мне, что вы думаете о том, что я здесь написал вам.

Ваш брат **И. Горбунов-Посадов.**

10-го июля 1917 г.

«Обновление жизни», № 1, 1917.

Иван Иванович Горбунов-Посадов (1864-1940) — один из ближайших друзей и последователей Л. Н. Толстого, русский поэт и педагог, издатель книг для народного и детского чтения, глава толстовского издательства «Посредник» (с 1897 г.). Вместе с женой редактировал журналы «Маяк», «Свободное воспитание», «Обновление жизни». Основные книги: «Песни братства и труда», «Освобождение человека», «Война войне», «Сострадание к животным и воспитание наших детей», «Освободители черных рабов» и др.

А. С. Малород

Всё едино

Весь обширный, чудный мир,
Вглубь и ввысь, и в даль и в ширь,
Всё — великая семья,
Всюду жизнь и всюду я.
Всё доступно для меня
В блеске солнечного дня.
В неба ясную лазурь
От земных невзгод и бурь —
Я мечтаю — унесусь,
Птичкой звонкою зальюсь.
Изумрудную волной
В море с рыбкой золотой
Буду резво я играть,
Брызги — жемчуг рассыпать.
Иль прелестным мотыльком
Вместе с лёгким ветерком
Буду весело порхать,
Аромат цветов впивать.
Всюду, всюду, всюду я:
В небе, в птичке, в мотыльке,
В море, в рыбке и в цветке —
Всюду жизнь и всюду я,
Всё доступно для меня!

Виталий Адаменко

Революция и права человека

Из переписки с П. Ефремовым

«Вообще, везде, где сейчас относительно уважаются права человека, достигалось это всегда революцией, и никак иначе».

Когда я учился в школе, в наших учебниках было написано примерно то же самое. Это шло как от утверждения, что «насилие — повивальная бабка истории», так и от традиционного взгляда на насилие в политике. Но мне думается, наоборот: соблюдение прав человека развивается только в мирное время, когда нет ни войн, ни революций.

Если бы история и политология были бы науками в том же смысле, что физика или микробиология, мы бы поставили в лаборатории эксперимент и по итогам выяснили, кто из нас прав. Взяли бы 100 абсолютно одинаковых государств, в половине провели бы революции и сравнили бы: где лучше соблю-

даются права человека: там, где были революции, или где их не было? Но этого сделать невозможно. Остается, как в астрономии, только наблюдать.

Достаточным доказательством в пользу одного из двух мнений было бы получено так: нужно составить карту, хронологию революций во всех странах; составить хронологию развития всех значимых элементов прав человека: отмена религиозных преследований, цензуры, инквизиции, рабства, пыток, смертной казни, расстрелов мирных демонстраций, всеобщего призыва в армию и т.п.; а также развитие бесплатной медицины, образования, пенсий и т.п. — и наложить их друг на друга. При этом не придавая статус революции тому, что ей не является, как, например, отделение американских колоний от Британской империи или нашу Перестройку. И тогда вы-

яснилось бы, есть ли связь между соблюдением прав человека и революционной борьбой? И какая это связь: прямая или обратная?

Вся задача такого рода мне не под силу (а может быть, кто-то уже проводил?), но отдельные элементы я вижу.

В XX веке наилучшим образом права человека соблюдаются в Северной Европе, в Скандинавии — там, где революций никогда не было. Причем многие из этих стран до сих пор являются монархиями — отсюда вопрос: обязательно ли было свергать королей?

Еще нужно уточнить выражение "в ходе революции" или "вследствие революции" — думаю, что под этим нужно понимать действия, совершенные новой властью и в течение ближайших лет после прихода к власти. Ведь никому же в голову не приходит написать, что в 50-60-е годы Хрущев дал пенсии, дешевое жилье и паспорта колхозникам в результате нападения фашистской Германии на СССР в 1941 году или массовой коллективизации 1929 года, но

находятся историки, и не только советские, которые все либерально-демократические изменения в Англии приписывает случившейся там в XVII веке революции.

В XVIII веке была эпоха Просвещения, практическим результатом чего было ослабление цензуры и инквизиции, первая отмена смертной казни в одном из итальянских государств, отмена пыток в одном из немецких государств (в Пруссии). Именно через изменение общественного мнения, а не через революцию. Французская революция все это и прекратила. Террор, смертная казнь как норма, появление военного диктатора и войны как закономерное последствие. Подавление рабочих объединений и введение всеобщего призыва. Всеобщий принудительный призыв разрабатывал еще Макиавелли, но первой ввела французская революция.

Рабство в пределах всей Британской империи было отменено в 1809-33 гг. в результате агитации и парламентской дея-

тельности. Если бы не национально-освободительная борьба США, то и там рабство закончилось бы мирно и на 30 лет раньше. Гражданская война в США обошлась во много раз дороже, чем стоил бы выкуп всех рабов.

В капиталистически развитых европейских странах, в первую очередь в Англии, во второй половине XIX века стала развиваться система бесплатной медицинской помощи, пособий. Все это никак не в результате революционной борьбы. Можно поразмышлять, как именно это было достигнуто, но точно в Англии революций не было. Не было их и в XX веке ни в Западной Европе, ни в США, а медицина, образование, пенсии и пр. и пр. там постепенно развивались.

В нашей стране "оттепель" наступила не в результате революционной борьбы, а потому что тиран умер, но перед смертью так измучил страну, что проекты либеральных реформ

созрели не только у Хрущева, но и у Микояна, и даже у Берии.

Перестройка наступила не в результате борьбы, насильственной или ненасильственной, а потому что умерли подряд несколько старых марксистических лидеров, но перед смертью так завели стану в тупик, что новому волей-неволей пришлось стать либералом и демократом.

В XX-XXI вв. революции постоянно идут в Латинской Америке, Азии, а с 50-х и в Африке. Каждые вновь пришедшие, с левым ли уклоном, с правым ли, с исламским ли или каким другим, устанавливают диктатуру, террор и втаптывают свой народ в кровь и нищету. Единственное, что действительно реализуют такие революции, это месть по отношению к предыдущим властям. Страны, в которых в XX веке были революции — это страны, в которых права человека соблюдаются в наименьшей степени.

Февраль 2016

Илья Овчаренко

Ко Дню Победы 9 Мая

На войне нет Победивших — на войне все проигравшие.
Радоваться Победе, значит радоваться убийству людей.
Лао Цзы

Я бросил нож — не нужен он.
Там нет врагов, там все мы — люди.
Там каждый, кто вооружен, —
Нелеп и глуп, как вошь на блюде.
В. Высоцкий

Я бы радовался дню Победы как дню установлению Мира, но когда люди (правители) проводят его в восхвалении патриотизма и военными парадами, красуясь военной мощью, для меня это уже совсем не праздник Мира. Ведь это радость тому, что когда-то привело к войне.

Гордость военной мощью, милитаризмом и патриотизмом — все это неотъемлемые составные части начала всех войн. Поэтому не нужно обманываться, это праздник самолюбования

и силы, но никак не радость Миру без Войны.

Многие признают, что в лучшем Мира не должно быть войн, границ, не должно быть армий. Так зачем же мы нахваливаем священность своих границ и несокрушимость, героичество наших Армий?

Я считаю, что этот день нужно, кроме запрета военных парадов, еще переименовать в «День Мира». Так как радоваться Победе это значит: победил = сокрушил = уничтожил — это значит Убийство, мы радуемся дню Убийств.

Люди, не нужно радоваться «дню Убийств».

Победа предполагает победу над врагом, но наш враг это не немцы или другие народы, наш Враг — это причины Войны, т. е. массовое бездумное подчинение людей-солдат, которое возможно только при муштре и

дисциплине, т. е. существование армий.

Но я понимаю позицию правителей, им выгодно, чтоб люди служили идолу Сильной Родины, а по сути служили их грязной политике...

2015

Л. Н. Толстой о причинах войны:

Должны воспитывать молодые поколения так, чтобы, как теперь стыдно молодому человеку проявлять свой грубый эгоизм, например, тем, чтобы съесть все, не оставив другим, столкнуть слабейшего с дороги, чтобы самому пройти, отнять силою то, что нужно другому — так же бы было стыдно желать увеличения могущества своего отечества; и так же как считается глупым и смешным теперь восхваление самого себя, так же бы считалось [глупым] восхваление своего народа, как оно теперь производится в разных лживых отечественных историях, картинах, памятниках, учебниках, статьях, стихах, проповедях и глупых народных гимнах.

«Патриотизм или мир?», 1895.

Много злого делают люди ради себялюбия; еще больше зла делают они ради семьи; самые же ужасные злодеяния делаются людьми ради государства. И что удивительнее всего, это то, что люди, делающие все эти хитрости, обманы, шпионства, поборы с народа и ужасные смертоубийства, войны, гордятся своими злодеяниями.

«О присоединении Боснии...», 1908.

Виталий Адаменко

Невеселые размышления о 9 Мая

Из переписки с Одессой

Иногда мне кажется, что наш простой народ празднует день окончания войны, а правительство — день победы (одних над другими), что не совсем одно и то же.

Но у Вас-то еще хуже: полстраны празднует то, что другая половина считает днем траура. А "царство, разделившееся в себе, не устоит".

Вернусь к своей семье и поясню, если кому интересно. С маминой стороны мои бабушка и дедушка происходят из самарских деревень, с папиной стороны — из Воронежа. Бабушка — точно русская, а дедушка тоже считался русским, хотя украинская фамилия откуда-то да взялась. В Третьем Рейхе тех, кто имел менее 25% еврейской крови, евреями не считали — вот и я считаюсь русским. Семья была вполне

средне-советской, не было у нас в роду ни троцкистов, ни баптистов, ни бандеровцев, ни махновцев. И по нашему мнению семья получила от советской власти подарков и оплеух столько же, сколько и в среднем по стране.

До войны дедушка закончил с.-х. институт и был агрономом, потом при сахарном заводе. Ему предлагали стать интендантом, но он решил пойти вперед и служил при зенитке. Потом ранило, потом в 1943 так ранило, что он почти до конца войны пробыл в госпиталях, а домой пришел с потертым вещмешком и двумя костылями. Но пришел, ему повезло, он не попал в мясорубку для своих же инвалидов (см.: <http://irwi99.livejournal.com/831709.html>). Более того, он дожил до 80 лет.

Конечно, как и все, радовался 9 мая 1945 — окончанию войны, смерти, возвращению

домой. Думал ли он тогда о славе русского оружия, распространении социализма на запад, присоединении исконно русской Калининградской области и пр. — я не знаю.

Бабушка попала под оккупацию как раз у вас в Одессе, и что-то мне рассказывала в детстве про приезд румынской королевы. Не знаю, я не сверял с книгами по истории. Через короткое время мужу ее сестры удалось какими-то проселочными дорогами вывести их из зоны оккупации.

Воронеж был разбит, как вспоминала бабушка, русскими же войсками, — для того чтобы выбить оттуда немцев. Возвращаться было некуда, а в нашем городе мужу сестры моего дедушки дали квартиру — как инженеру завода, эвакуированного сюда, в тыл. Так мои предки по папиной линии и оказались здесь.

После войны бабушка устроилась работать кассиром в одном госучреждении. К ним в бухгалтерию часто заходил один из участников войны, дошедший до самого Берлина. Просто так, чтобы похвастаться

перед женщинами, он постоянно и с подробностями рассказывал, как он чувствовал себя в Германии победителем: одну молодую немку заставлял мыть ему ноги, потом пить эту воду. Работавших в бухгалтерии точно таких же молодых женщин, только русских, тошнило от таких рассказов, но ничего возразить ему они не смели. Поэтому он снова приходил и снова рассказывал о том же. Полагаю, он рассказывал еще и про обычные "подвиги" на войне, но моей бабушке запомнилось только это.

А ее брат воевал, остался после войны служить в Германии, потом привез оттуда, опять же, в Одессу, не только семью, но и очень большое повышение по службе и едва ли не вагон всяких ценностей, добытых там "сравнительно честным путем", как говорил Остап Бендер. В общем, их положение стало таково, что они стали смотреть на всех остальных родственников как на нищую шантропу. Несмотря на то, что мой дедушка потом пошел в гору по партийной линии, несмотря на то, что бабушка все что-то лебезила перед ними в письмах и по те-

лефону. Произошло классовое расслоение — в том СССР, в котором, по словам его апологетов, этого в принципе быть не могло. Так что у меня есть в Одессе родные, которые нас знать не хотят, да и я их столько же.

Вчера были гости: моя двоюродная сестра с мужем и сыном. Муж русский, родился в Казани, токарь. Она — учительница. Первый тост ее муж произнес за то, чтобы у нас не было так, как сейчас на Украине, второй — за хозяев дома. А я ничего не говорил, молча пил ... сок.

Еще мы до этого часа два с мамой вспоминали, кто как из наших предков отмечал этот день и кто что пел. И даже искали эти песни в интернете. Всё именно так, как я и написал, без маршей. Радовалась только "молодежь": папа, мама, ее брат, его двоюродные брат и сестра и все остальные, кто родился уже после войны. Радовались они тому, что все вместе, давно не виделись, сидят за столом, вместе со всей страной и т.п. и т.д. — то есть, как видите, радовались, но внутренние причины их радости совсем иные,

точно такие же, как на 1 мая, 1 января, 8 марта и все остальные общие праздники.

Еще она вспомнила, что ее отец был взят из деревни на войну, но сначала в Самару, где в военкомате оказалось, что ему на год меньше, чем нужно, и он здесь попал в училище, а не на фронт. Там из них ускоренно сделали токарей, кем он и проработал до конца жизни, верно служа не столько государству, сколько делу, к которому его определила жизнь, и в котором он стал настоящим профессионалом. На 9 мая, за праздничным столом, он вместе с братом и мужем сестры, которые оба воевали, начинали петь те народные причитания, которыми их провожали из деревни на фронт, на смерть, — и капали слезы.

Когда я встречаю у Толстого размышления о том, что в простом народе, у крестьян, нет патриотизма, что он появляется только там, где идеология города вторгается в деревню, потому что людям просто, без искусственной накачки, патриотизм несвойственен, я думаю, что это очень похоже на правду.

Мои предки в конце 30-х были ненамного более патриотичны, чем современники Толстого, и это небольшое изменение произошло исключительно за счет заезжих лекторов-агитаторов и черных тарелок радио, развешенных на каждом столбе.

Я читал, что и среди французских крестьян в то время были такие же взгляды. Одни видят в этом тупость крестьян, а другие — святость, точнее влияние христианства.

Отношение моего папы было своеобразным.

В начале 60-х дедушка поддерживал Хрущева, вероятно, из-за интереса к сельскому хозяйству — а папа посмеивался над тем, что в газетах пишут ахинею. Дедушка уверенно отбивался цитатами из «Правды». Потом Хрущева сняли, и в газетах стали писать про него приблизительно то, что говорил мой папа, а газета по-прежнему называлась «Правдой», сменив все плюсы на минусы. Осознав это, дедушка как-то замолчал, и насовсем. Догадываюсь, что такую же метаморфозу он пережил и в 1953-54 годах. Дальше

он молча читал «Малую землю», и все партийные брошюры Брежнева, Устинова, Черненко, Горбачева и пр. — уже ни о чем вслух не высказываясь.

Дедушка как-то совсем не рассказывал в семье о том, что пережил на фронте, а мой папа наоборот, читал всяческую литературу о всех войнах, с подробностями, а потом пересказывал всем. Как-то даже это выходило за рамки. Но смотрел на все это со стороны. Когда ему исполнилось 18 лет, как выражалась бабушка, "произошла заворощка в Чехословакии", и появилась реальная возможность попасть на настоящие военные действия. Она пошла и достала справку о том, что у ее сына большое сердце — и мой папа нигде не служил. Не то чтобы справка была липовой, как все об этом говорили, нет, он действительно получил осложнение на сердце от ангины в детстве, да и умер в 42 года, официально от сердца. Просто, если бы она не постаралась, в военкомате никто бы его проверять не стал, он и сам относился к своему здоровью безалаберно. И не было в этом осо-

бого политического протеста — просто эгоизм государства столкнулся с эгоизмом семьи и проиграл. Танки давили Прагу — без участия моего папы. Как и все остальные "заворошки".

Состояние советской невинности базировалось на неведении. Чтобы вернуться в советское представление о жизни, нужно перестать знать те вещи, которые мы знаем. Те факты, цифры, события, о которых нам поведали уже не зарубежные "голоса" и заокеанские советологи-политологи, а первые лица нашего нынешнего государства: президент, премьер, патриарх; написали писатели, ставшие классиками и включенные нынешней же властью в школьную программу; показанные в фильмах по официальной каналу нашего гос. ТВ. Вот одно: Гитлер уничтожил 27 млн. россиян; Ленин и Сталин — 60 млн. россиян. Эти цифры не подлежат пересмотру. Они подлежат только осмыслению.

Мало того, нужно чтобы в семье не передавалась и устная,

неписанная, частная история, чтобы стало страшно и говорить, и слушать. В общем, для возвращения в "советскую невинность" нужно не только "правильное воспитание", но и такая "зачистка" всего, провести которую наше правительство вряд ли решится. Или уж наоборот, нужно растить тех, кто ничем не интересуется, никуда не лезет, и если ему скажут по ТВ, что $2 * 2 = 3.14$, то, значит, оно так и есть, потому что начальству виднее.

Когда Лимонов пишет, что "У нас была великая эпоха", то я не знаю, что сказать. Когда бывшие представители советской элиты говорят, что "у нас была великая эпоха" — верю. У них, действительно, была. А у всех остальных была просто жизнь. Товарищам нужны великие потрясения, господам нужна великая Россия, а нам нужна просто жизнь, просто мир.

Так что 9 мая для нас — это день окончания войны.

Май 2014

Приложение 1.

Два года назад в интернете появился сайт «Христианский пацифизм». Ведет его украинский баптист Геннадий Гололоб. Сам лично он еще в начале 80-х отказывался от присяги и оружия и потому был отправлен в стройбат. Приведу фрагменты из его книги «Война перед судом христианской совести».

Возьмем, например, 2005-й год. Этот год оказался весьма богатым на юбилейные даты военных событий. Самые значительные из них: победа над фашистской Германией, 60 лет бомбардирования Хиросимы и Нагасаки, 725 лет Куликовской битвы. В этот год по многим местам проводились торжественные мероприятия, собирались ветераны, создавались многочисленные публикации в прессе и т.д. Как же относиться к этому празднованию христианам? Зачастую память о всех этих воинских подвигах (и не совсем) не получает христианского освещения, либо получает, но в явно искаженном виде. Христиане начинают вспоминать о своей доле участия в каком-либо кровопролитии и всячески доказывать, что и они «не лыком шиты», что мол и среди нас есть «герои Советского союза» и т.п...

Как же христианам следует относиться к войне? Ответ на этот вопрос давно уже должен бы стать риторическим: быть последовательными пацифистами. Действительно, неужели окончательно забыта данная Господом заповедь любви к врагам? Неужели оказался непонятым духовный характер Царствия Божьего, о котором проповедовал Христос? Неужели мы забыли о том, что Бог не дал нам права убивать других людей, кто бы они ни были? Неужели ценность человеческой жизни можно принести в жертву политическим, экономическим и иным интересам? За пять с половиной тысяч лет было истреблено свыше трех с половиной миллиардов человек. Какими же «благородными» целями можно оправдать такое количество жертв?..

Что касается празднования военных событий, то христианам лучше уж отмечать юбилеи Ломоносова и Андерсена, чем боевых «подвигов» тех христиан, которые в смутное время полагались на силу плотского оружия, а не веру в Господа. Если Великая Отечественная война и была защитной, а простой народ был в нее втянут поневоле, тогда давайте отмечать эту дату как трагедию подобно гибели подводной лодки «Курск». Победой ее никак не назовешь, ведь фактически в любой войне победителей не бывает, есть только жертвы.

Приложение 2.

У нас в Самаре есть известный в городе киноклуб "Ракурс" — неформатное, авторское кино, руководят три человека, один из них — мой знакомый, Роман Черкасов. Еще он преподает в университете филологию, кандидат наук. Марксист. Приведу запись с его страницы.

Вот поскольку сегодня все вспоминают о своих воевавших дедах, и если дед у тебя не воевал, ты как бы вообще не имеешь права высказываться, скажу и я о своем воевавшем деде. Мой воевавший дед был простым крестьянским мужиком, землю пахал, прям как дед нигилиста Базарова. Нрава он был сурового и резкого, а ума, говорят, трезвого и рассудительного. Воевал, среди прочего, на 2-м Украинском и демобилизовался в 45-м в звании старшего сержанта. Ни победой, ни своим участием в войне никогда не гордился — перед кем было гордиться? все поколение через войну прошло — тем более что в деревне 50-60-х других дел было по горло, кроме как гордиться. О войне если и вспоминал, то только с житейско-бытовой точки зрения (как кормили, какие командиры были). Война для него была еще одним эпизодом, еще одним неприятным опытом, наравне, например, с голодом в 30-е: послал бог испытание. Гимнастерку после войны носил не снимая, потому что одежды другой не было, и она быстро изнашивалась в ничто. Медалями не бряцал — сперва они валялись где-то, потом дети с ними играли (в 50-е годы в деревне игрушек особо не было), потом их просто убрали куда-то и когда — уже в 80-е — они для чего-то понадобились, бабушка их еле нашла, и то не все — часть так и потерялась. Конечно, трудно предположить, какотреагировал бы мой дед, окажись он сейчас, в 2014-м, вдруг жив и столкнись со всей этой победоносной вакханалией, но, из того, что я о нем знаю, думаю, он обозвал бы всех участников вакханалии (...), плюнул и пошел по хозяйству дела делать.

2014

Владимир Аньянов

О разногласиях

Ваши предыдущие письма не дают мне покоя в хорошем смысле слова. Мы с вами разошлись в оценке содержания письма Л. Н., и сначала я решил, что это разногласие, а теперь думаю, что это просто разнообразие мыслей. Разумеется, я не отрицаю, что несогласия бывают, но с вами, я думаю, у меня этого нет, т. к. мы черпаем из одного источника.

В связи с этим я вот что думал о разногласиях.

Бог дал нам бесконечное разнообразие мышления, чтобы мы тем самым оттачивали свои мысли друг об друга, а мы вместо этого раздражаемся, что другие не думают слово в слово, как мы. Как часто совершенно незаметно для самих себя мы в единомышленниках стремимся увидеть ни что иное, как свое отражение! Мы ждем от них, чтобы они были нашим зеркалом!

Ведь мы видим, что все вокруг нас бесконечно — время, пространство, материальные формы, и мы радуемся этому, и благодарим Бога, что Он так все разнообразно устроил. Но когда мы встречаемся с бесконечностью мысли, проявляемой в ее разнообразии, то мы немедленно хотим ограничить мысль, чтобы она и в другом была такой же, как и в нашей голове.

Но говоря о разнообразии мысли, встает вопрос: А когда разнообразие превращается в разногласие. Где та граница, которая определяет, что мы все еще единомышленники? Насколько далеко я могу отклониться в своих мысленных изысканиях, чтобы вы все еще соглашались со мной (хотя вам с вашим опытом, темпераментом, умственным развитием и не свойственен такой ход мыслей, но вы понимаете, что так думать тоже можно и что эти мои размышления разумны)? Не стирает ли это бесконечное разнообразие мысли границу между единомыслием и разногласием?

Я представляю себе такой эксперимент. Вам, мне, Роману Алтухову, Илье Овчаренко и др. поручили написать книгу в 100 страниц о том, как мы понимаем Нагорную проповедь. И я почти уверен, что наши книги будут очень разными и не только по стилю и фактическому материалу, но и в чем-то более существенном.

Я все это пишу не для того, чтобы размыть понятия единомыслия и разногласия. Нет, я хочу сказать, что в виду бесконечного разнообразия мысли, чтобы не потеряться в словесных прениях, надо не забывать, ради чего мы мыслим.

Я как-то прочитал такой анекдот: «Чем меньше я думаю, тем больше у меня единомышленников». Конечно, я не призываю к безмыслию (у буддистов невежество — самый главный грех), а к тому, чтобы ни на секунду не терять из виду цель всякого размышления — благо, и не заходить слишком далеко и в слишком тонкие определения. (для себя, пожалуйста, можно заходить в какие угодно умственные дебри, но надо знать и помнить, чем дальше зайдешь, чем тоньше будут определения, тем больше шансов, что не найдешь полностью согласных с тобой. Это как дерево: пока ствол — все едины, но чем дальше, тем тоньше ветки). Ведь мы размышляем не для удовольствия и не на показ, а чтобы достичь блага, блаженства, истины, нирваны. А как только эта цель потеряна, то мышление превращается в интеллектуальный турнир или интеллектуальный онанизм. И как жалко, когда близкие по духу люди расходятся из-за чисто теоретических положений, которые на практике не имеют никакого значения.

Тут еще гордость замешивается. Согласитесь, неприятно, когда с тобой не соглашаются (Пусть тебе говорят, что это твоя особенность мысли, что так тоже можно мыслить, но ты-то думал, что ты исследовал все всевозможные образы мысли и выбрал наилучший). Что греха таить, эгоизм так прочно в нас завинчен, что чтения хороших книг недостаточно, чтобы от него избавиться. Для избавления от эгоизма нужны усилия сознания, которые не так уж и легки.

Но что такое благо, которое должно улаживать мысленные споры? Благо — это все то, что объединяет людей. Мысли Толстого

делают меня совершеннее, а чем я совершеннее, тем я в большем единстве с людьми. Одним словом, мысли Л. Н. дают мне благо, и потому я воспринимаю их и дорожу ими.

Я рад, что мы не во всем с вами согласны. Идя разными путями, но в одном направлении мы больше охватим, большего добьемся. Я думаю, более уместно назвать нас не единомышленниками, а попутчиками. Мы идем в одном направлении, но немного разными путями. Согласитесь, лучше идти не друг за другом, да это и невозможно, т. к. все люди разные, а бок о бок. Вы будете рассказывать мне, что вы видите на своем пути, а я на своем, и мы оба останемся в выигрыше.

По поводу разногласий мне вот какое письмо Л. Н. Черткову понравилось:

1884 г. Марта 28.

[...] Только отчего же не давать Петру? Пускай понимает и принимает по-своему. Знаете как кубики с картинками укладывают. Один поймет картину по одной паре кубиков, другой по другой. Но только бы сложил первую пару — то доберется до всей. Я опытом знаю и умею теперь различать людей, которые переставляют кубики наобум, и тех, которые сложили осмысленно два и потому наверно узнают всю картину, не нынче, так завтра, и все ту же единственную и вечную. И потому я читаю ваши разногласия со мной и даже не волнуюсь, я знаю вперед, что у нас одна неизбежная и вечная картина. И потому я во всем согласен с вами, не от того, что нарочно хочу соглашаться, а от того, что знаю, что разногласие только от того, что вы с одной стороны сводите кубики, а я с другой, но они те же. С теми же, которые не начинали еще сводить и которые уверяют, что они то-то и то-то видят, я вперед не согласен. А с теми, которые вперед говорят, что ничего и не выйдет и не может выйти, с теми мне больно, на тех мне сердиться хочется и я едва удерживаюсь.

Павел Ефремов

Письма из Германии

I

11.02.16

Что касается Германии и Европы — тут можно много говорить. То, что меня здесь приятно поразило — это то, как те темы, которые у нас в стране являются достоянием единиц даже среди образованного класса: в первую очередь понятия социальной справедливости, вопросы загрязнения окружающей среды, создания предприятий, которые не были бы основаны на эксплуатации человека человеком, равноправия мужчин и женщин, гуманного отношения к животным — здесь являются достоянием всего общества и, уж конечно, его образованной части, в которой вращаюсь я здесь.

(Так, я был приятно удивлён тем, что здесь в столовой университета есть целый отдел, где постоянно подаются вегетарианские блюда, да и вообще вегетарианство здесь — это не что-то вызывающее удивление, но почти норма: в каждом ресторане или забегаловке, в каждом продуктовом магазине обязательно есть что-нибудь вегетарианское, причём оно выделено специально, чтобы можно было легко его найти.)

Всё это свидетельствует, что общество Германии довольно отличается от той плачевной картины, которую являет собою общество российское — т. е. общества, в котором различные социальные группы живут совершенно отличными друг от друга интересами, и если значительная часть интеллигенции по своему уровню развития, по тем вопросам, которые её волнуют, ничем не уступает европейскому образованному классу, то огромное большинство продолжает жить совершенно пещерными понятиями: человек человеку волк, умело развитыми и закреплёнными Великим Селекционером Всех Народов.

Те, кто приезжают в Европу, и я в том числе, удивляются тому, что здесь все люди, хоть где-то пересекающиеся между собой (например, просто живущие в одном общежитии или многоквартирном доме) всегда здороваются друг с другом, даже если они до этого никогда друг друга не видели. Так завязываются связи, возникает возможность дальнейшего общения, люди как бы подтверждают свой статус знакомства, чтобы потом, если случай представится, обращаться друг к другу за помощью, с предложением и т. п. В этом, пожалуй, и есть главное позитивное отличие Германии и Западной Европы от России: здесь люди не боятся *общаться*, говорить, что они думают, не боятся вступать в разговоры с незнакомыми людьми и открыто высказывать своё мнение, потому что знают, что за ними за это не приедет воронок в следующую ночь.

Мы приучены совершенно к другому... И продолжаем приучаться: все эти новоявленные процессы о шпионах и агентах, получающих по 10—20 лет, только поддерживают этот страх: до того, что многие уже боятся (возможно, и не безосновательно) обсуждать критически текущие события даже по эл. почте или Скайпу. Мне тут часто доводится общаться с иностранцами, находящимися в Германии, и многие упрекают немцев в том, что они якобы "холодные" не так склонны к общению, как их соотечественники. Возможно, это справедливо для итальянцев или мексиканцев, но точно не в отношении россиян, намного более закрытых и изолированных, чем немцы.

То, что мне тут не нравится — это то, насколько это общество, точнее его внешняя организация, находится под контролем интересов капитала, до того, что даже выборы здесь по сути утрачивают смысл. Не имеет большого значения, кто победит на выборах, когда всегда ясно, что какая бы ни была его программа, ему придётся согласовывать её с интересами "игроков", которых никто не выбирал. Всё это приводит к тому, что вся выборная кампания здесь сводится к игре ничего не значащими словами, под которые можно подставить любую партию, и ничего не изменится. Лозунги партий — это те же рекламные лозунги, выборы — это не что иное, как

подобие конкуренции на рынке, где все предлагают сходный продукт, а потому вынуждены выдумывать хорошо звучащие, но ничего не значащие соединения слов.

Общество потребления, которое установилось на Западе, не может существовать без рекламы, т. е. без постоянного "впаривания" человеку ("потребителю") не нужного ему товара с использованием всех доступных средств. В Германии не существует запрета на рекламу табака или алкоголя хотя бы с использованием людей; компании вообще не гнушаются никакими разрешёнными законом средствами, что привлечь к себе внимание, используя постоянный сексуальный подтекст, яркие цвета, уже упомянутые ничего не значащие речёвки (в этом отношении политика и рынок едины!). Всё это приводит к засорению информационного поля, к промывке мозгов населению, нацеливанию его на развлечения, а не на размышления над серьёзными вопросами. Последствия этого, несмотря на в целом очень высокий уровень развития людей, уже начинают проявляться. Вот эти гадкие технологии контроля за обществом без использования силы и репрессий, эти технологии промывания мозгов, но только не в сторону определённой политической силы, как у нас, но в сторону определённой экономической системы, которая должна точно так же, как у нас политическая, пониматься безальтернативной — вот это есть то, что меня здесь больше всего отталкивает.

С дружеским приветом,

Павел.

II

23.03.16

В общем и в целом, как мне представлялась Германия перед приездом сюда, такой она себя и показала. Что-то лучше, конечно, что-то хуже. Лучше — то, что люди, на самом деле намного дружелюбнее и общительнее, как я уже говорил, чем мне думалось. Другое, пожалуй, что мне тут нравится — это то, что люди тут проще как-то: у них нет особой нужды (хотя они, конечно, далеко

не свободны от этого) бороться за статус, подчёркивать его в своей одежде, манерах, работе.

Что касается твоих вопросов.

Система образования здесь была как раз одной из тех вещей, что меня приятно удивили и что не идут ни в какое сравнение с нашей "высшей школой". В отличие от советской системы обучения, которая не ставила себе целью ничего иного, кроме как подготовку "кадров", т. е. винтиков машины массового производства, здесь существует система, по крайней мере претендующая быть системой *образования*. Чтобы избежать общих слов и говорить о конкретных вещах: я вижу, что уровень познаний в теоретической физике — моём предмете — здесь у людей выше, чем у меня, при том, что на своём потоке я был лучшим студентом. Они обучаются на более современных учебных программах, а не так, как мы — на том, что было актуально лет 40—50 назад: об этом я мог судить, посетив несколько курсов в местном университете.

Поскольку это система образования (*Bildung*), а не обучения (*Ausbildung*), здесь не существует фиксированной программы, которую каждый должен освоить в чётко отведённые сроки. Здесь есть определённые курсы, которые обязательны для получения степени бакалавра или магистра, но, когда ты будешь их проходить и сколько тебе времени на это нужно — зависит только от тебя. Здесь каждый семестр публикуется список предметов, которые будут читаться в нём, и ты сам выбираешь, какие из них ты будешь посещать; часть из предметов входят в обязательный минимум, часть стоит там на выбор. Так же можно посещать и лекции вообще других факультетов. Понятия сессии здесь не существует: после окончания курса с преподавателем договариваются, когда будет сдача и приходят сдавать, причём это может быть и вообще в следующем семестре уже. Точно так же сроки учёбы здесь никем не ограничены: многие мои сверстники и даже старше — до сих пор студенты, и это совершенно нормально. Вообще никаких возрастных рамок (в смысле общественного стереотипа) к студенту не прилагается: есть студенты, которым за сорок, и они только сейчас

решили освоить какую-нибудь специальность.

Точно так же существуют совершенно непредставимые для нас, россиян, возможности для учёбы за границей: очень многие этим пользуются. Я уже не говорю, что для современного студента в Германии является само собой разумеющимся владение английским языком — в отличие от студентов в России... Единственное что — тут нет бесплатного жилья для студентов, за комнату в общежитии надо платить €250 и то только тем можно, у кого доход ниже определённой суммы (€800 или 1000 — не помню). Приходится людям брать у родителей или подрабатывать, хотя, конечно, существуют программы поддержки малоимущих.

Так что, как видишь, что касается системы образования, нам ещё многому стоило бы поучиться в этом отношении у Германии. Хотя, я должен признать, я не нахожу и эту систему совершенной и многие критикуют те процессы, которые происходят в ней — то, что и она в общем-то служит в первую очередь, хоть и не так явно, цели поставки кадров на рынок труда, а не развитию человека. Однако в капиталистическом обществе, где каждый должен продавать себя, чтобы жить, это и не может не быть её функцией...

Что касается отношения к русскоязычным — оно такое же, как и ко всем иностранцам, а ко всем иностранцам такое, что разницы между ними и немцами, коль скоро они не нарушают права других граждан, люди не делают. По крайней мере так обстоит дело во всех коллективах, в которых мне тут доводилось бывать: они просто считают тебя таким же членом общества. Мне тут больше и сказать-то нечего.

Если, однако, ты спрашиваешь, изменилось ли что-то в свете российской агрессии в Украине, то этого тоже нет. Меня, правда, поскольку я сюда приехал ещё в 14-м году, спрашивали о моём отношении к происходящему люди, интересующиеся политикой, но большинству же это более-менее безразлично. Думаю, если бы я сказал, что поддерживаю Путина, это бы, возможно, удивило кого-то, равно как если бы я сказал, что верую, что каждое слово в Коране или Библии чистая правда, но поскольку моё отношение к

происходящему тебе известно, они в общем-то признают во мне человека, разделяющего — в плане уважения прав человека — их ценности. Кроме того, образованный класс Европы достаточно настороженно относится к позиции своих правительств и в особенности к политике США, поэтому однозначно чью-либо сторону они в этом конфликте не занимают. В общем, как и я.

Олигархи здесь имеют ограниченную власть, потому что общество не настолько задавлено, как в России. Естественно, самые одиозные решения (одиозные тоже не по рос. меркам) вызывают сопротивление: забастовки, демонстрации, стычки с полицией и т. п. И потому, благодаря этому сопротивлению, общество невозможно полностью подчинить. Пока, по крайней мере.

С другой стороны, именно иллюзия свободы и является наилучшим защитником господствующей системы: в России у нас проблемы более-менее ясны каждому мало-мальски мыслящему человеку: воровство чиновников, отсутствие свободы слова и т. д. Именно это приводит к тому, что всё больше людей покидают страну, не в силах бороться с системой и не желая жить при открытом гнёте. Однако, оказывается, что для того, чтобы держать народ в подчинении, вовсе не обязательно учреждать деспотизм, как это имеет место в РФ. Секрет заключается в том, что при неравенстве людей один человек, имеющий деньги, может распространять свои идеи и просто заглушать голоса тех, у кого этих денег нет. Именно так и работает система: ты можешь кричать сколько хочешь, но рядом с тобой другой имеет право нанять миллион, чтобы они кричали то, что нужно ему. В итоге выходит, у тебя во-все не обязательно отбирать право голоса — гораздо лучше оставить его тебе, но просто сделать так, чтобы тебя никто не услышал. Так и ты будешь лучше работать, не чувствуя над собою прямого насилия, и система продолжит функционировать. И ты можешь делать всё, что тебе заблагорассудится: развешивать какие угодно плакаты, собираться с какими угодно людьми, печатать какие угодно книги — всё это создаст лишь некий кружок вокруг тебя и так же потонет в глобальной бессмысленности постмодерна. Пост-

модернизм, состояние современной культуры — это тоже ответ на "свободы": если не можешь что-то победить, сделай его бессмысленным.

Сохраняется же этот строй потому, что люди не видят ещё настоящей альтернативы ему. Они недовольны в большинстве своём тем отчуждённым трудом, который им приходится исполнять, но они считают это неким предопределённым состоянием: если не так, то как? (Хотя и здесь, в сравнении с российским отношением к этому, нет такого фатализма: люди понимают, что тут "что-то не так".) Так или иначе мы все носим в себе те представления, которые вкладывает в нас общество, а общество вкладывает в нас те представления, которые нужны правящему классу этого общества. Труд человека в капиталистическом обществе это необходимо разделённый и отчуждённый труд, и поскольку западное общество — общество, существующее в логике капитализма даже дольше, чем российское общество, понятие о том, что труд может быть чем-то иным, кроме как деятельности самоотрицания, в нём отсутствует: каждый должен, пройдя определённое образование, идти продавать себя на "рынке труда". Поскольку этот процесс повторяется из поколения в поколение, закрепляется мощной пропагандой, ставящей знак равенства между количеством материальных благ, которое, разумеется, выше при разделении труда и централизации, и уровнем счастья людей, пропагандой, табуирующей иные образы жизни, как не способствующие прогрессу — постольку люди и начинают воспринимать своё недовольство жизнью "философски", т. е. так, что так и должно быть, что работа и не может быть ничем иным, кроме как исполнением ненужной, непонятной и нежеланной деятельности в обмен на материальные блага.

Об уровне организации вообще я, конечно, не могу тебе ничего точно сказать, могу сказать только, как я сам его переживаю. В сравнении с российским уровнем здесь тоже разница разительна. Вот, к примеру, популярность завоёвывает органическое земледелие, молодые люди, студенты и не только, собираются вместе, чтобы по выходным обрабатывать участок земли — в одном из таких

объединений состою я сам. Существуют всевозможные кружки по интересам: я сейчас, к примеру, посещаю курс по «Капиталу» Карла Маркса. Всё это время я посещал бесплатные курсы немецкого языка, которые преподаватель вёл, не получая за них ни цента. Значительные размеры имеет помощь беженцам со стороны немецкого населения: они обучают их языку, проводят всевозможные интеграционные программы и т. д. Я уже не говорю о частых забастовках как примере самоорганизации трудящихся.

Всё это, на первый взгляд, внушает оптимизм, если сравнивать с Россией, но, с другой стороны, я осознаю, что этого недостаточно: это попытки объединиться вопреки разъединяющей системе. Хорошо, что они есть, но без выхода из производственных отношений капитализма, порождающих отчуждение между людьми, все эти попытки, конечно, существенно изменить общество не в силах. В то же время — я надеюсь на это — мне кажется, что если люди будут вот так вот объединяться и всё больше и больше автономизировать своё существование по отношению к системе, если они смогут жить счастливо в гармонии с природой, не стремясь утвердить свой статус перед другими, то общество сможет измениться. Люди, увидев, что можно радостно жить без всех этих мнимых благ в совместном труде на природе, будут видеть, что им терять нечего и будут постепенно покидать систему. С другой стороны, у системы уже подрезаны когти, она не сможет их удерживать голодом и насилием на "производстве", как она делала это прежде. Если ещё можно ждать какого-то освобождения, которое будет противостоять антиутопии по «Дивному Новому Миру» Хаксли, то я жду её только от этого. И стараюсь по мере сил участвовать в создании этой "альтернативной экономики".

Павел.

Второе письмо приведено с некоторыми сокращениями.

Александр Фетисов

Плоды ненасилия

Как быстро приносит свои плоды практическое ненасилие? Ответ: достаточно быстро, если правильно подобрать инструменты. С них и начнем.

То, что мы обычно представляем себе, когда заходит речь о ненасилии, не нуждается в комментариях:

Однако ни один из этих способов не является инструментом подлинного ненасилия — того, что позволяет научиться не участвовать в убийствах и калечении людей.

Теперь о тех, что позволяют.

На первый взгляд, обычные садовые инструменты. Но приглядитесь повнимательнее.

Один из немногих вопросов, на который не дает исчерпывающего ответа Выход из системы — это медицина (и все, что с ней связано). Любой, даже самый здоровый, человек прибежит, приползет обратно в систему, если не дай Бог что “прихватит” или случится. Что уж говорить о человеке нездоровом, особенно если проблемы — с ключевым элементом скелета: позвоночником.

Низкий потолок подвала, низкая топка у печки, низкая кормушка для животных — все это “мелочи”, способные сделать сельскую жизнь невыносимой, если ваша спина не в порядке. И самое главное (оно же

самое неудобное) — **обработка земли**, предполагающая ежедневный труд в положении “сгнувшись” или “на корточках”, что в один голос запрещают все хирурги и неврологи.

Но решение, как всегда, существует. Это — правильно подобранные инструменты.

Все работы по прополке и рыхлению я, как и многие, начинал делать на маленькой скамейке, но в конце концов нашел более удобное положение: “на четвереньках”, периодически меняя руки. Другими словами, я практически ползаю по земле. Для этого вместо длинных черенков садовый инвентарь обзавелся короткими,

самодельными — ровно той длины, которой необходимо. В ряде случаев наоборот — вместо традиционно короткого черенка использую длинный, чтобы не нагибаться при работе стоя, тем самым не создавая неравномерную нагрузку на позвоночник.

Так выглядят мои плоды ненасилия сегодня: уже до трети продуктов на столе — с огорода и сада. “Не свое”: хлеб, крупы, сахар/соль, растительное масло. Соседские мед и молоко надеюсь в скором времени заменить на собственные.

Вы спросите, **при чем здесь неучастие в убийствах?** Ровно

при том, что все меньше нуждаюсь в результатах труда других людей, мы тем самым:

1. становимся все менее зависимы от материальных благ системы насилия, обучаясь не принимать в нем ни прямого, ни косвенного участия;

2. перестаем нуждаться в том, что окружающие готовы защищать с оружием в руках и к чему принуждают нас самих;

3. тратим все меньше времени жизни людей на свои нужды, оставляя им больше возможностей остановиться и одуматься.

Найдите свои инструменты. Пожинайте свои плоды!

P.S. Список инструментов был бы неполным без комплекса лечебной гимнастики¹, в который я добавляю некоторые упражнения отсюда².

сайт <http://exodus.today>.

¹ <http://spinet.ru/osteoh/lgimckb.php>

² <http://www.ozon.ru/context/detail/id/28270373>

Александр Фетисов

Источник жизни

Более всего на свете человек, сознающий свою слабость перед силами мироздания и свой короткий жизненный срок, может быть обеспокоен лишь отсутствием подлинно искренних, доверительных отношений между окружающими его людьми.

Ощущая тайну своего появления в этом мире, чувствуя себя ребенком по отношению к чему-то непознанному и всеобъемлющему, понимая далеко не полную свою власть над собственной жизнью и чувствуя свою глубокую близость с другими людьми — он не может проходить мимо вопроса о цели и смысле своего существования, о выборе правильного жизненного пути; он не может не замечать того, что за редчайшим ис-

ключением жизнь окружающих его людей сосредоточена на собственных потребностях в ущерб подлинно любящим отношениям к другим людям.

Но если мы не хотим в своей жизни идти по пути безразличия и равнодушия к людям, то прежде всех прочих дел и начинаний нам, очевидно, необходимо понять **свою собственную роль** в появлении неискренности, злобы и противоречий — для того, чтобы узнать, как мы можем это остановить и предотвратить.

Сделать это возможно только в том случае, если мы поставим перед собой простые, конкретные вопросы и дадим на них простые и честные ответы. Но начать нам в любом случае придется с самых истоков.

1. Что мы знаем о жизни доподлинно?

Мы не знаем доподлинно, существует ли Бог, сотворив-

ший нашу жизнь, ибо никто из живущих на Земле не встречал,

не знает и не помнит Его. Но есть вещи, доступные на уровне нашего восприятия, существование которых прямым образом указывает на внешний, невидимый нам источник жизни.

Вот эти простые вещи:

- не мы создали этот мир
- не мы задали движение и законы мироздания
- не мы сотворили самих себя, свой разум и чувства
- не мы выбрали место и время своего рождения
- не мы выбрали своих родителей
- не мы выбрали свою наружность, характер, особенности
- мы не можем дать жизнь никому, кроме своих детей, а нередко и вовсе не можем иметь детей
- мы не можем сотворить детей такими, какими захотим, и не знаем, какими они вырастут

- мы не можем воспроизвести ресурсы, необходимые нам для жизни, без помощи сил мироздания: воздуха, земли, воды, солнца, огня

- мы не властны над временем и не можем повернуть его вспять

Очевидно, все, что непосредственно и в самую первую очередь касается нашей жизни, от рождения до смерти, самых базовых основ нашего существования — всюду “не мы”. Не мы задали законы мироздания. Не мы творцы своей жизни. Не в наших силах вернуться в прошлое или задать будущее.

Значит, есть что-то (или кто-то), определяющее это. “Источник” нашей жизни.

2. Как понять, для чего дана жизнь?

Даже беглое сравнение природы человека и других живых существ окружающего мира позволяет сделать вывод о том, что существует довольно большое количество особенностей, которые отличают нас от других форм жизни на планете. Пожалуй, самым очевидным из

них является наше мышление, транспространственное и трансвременное, наличие практически безграничного воображения и всей той гаммы чувств, которые способен испытывать только человек. Однако давайте внимательно присмотримся к двум из них, а именно: способ-

ности к эмпатии (сопереживанию) и способности делать выбор.

Именно наличие этих двух способностей — эмпатии и выбора, другими словами, проявление сочувствия живому существу в сочетании с усилием воли следовать не только лишь закону выживания, — позволяет родиться тому самому, возможно, единственно прекрасному проявлению человека, которое называется **любовью**. И которое, это проявление, в отличие от всех остальных человеческих чувств, действительно является

в полной мере благотворным и созидательным.

Как известно, подлинная любовь — это всегда жертва, на которую мы идем ради того, кого любим. Не минутное неудобство, не поступок в расчете на награду, а ежедневный кропотливый труд, на который способен только по-настоящему любящий человек. Значит, истинную любовь очень легко отличить от прочих чувств и желаний — она будет постоянна и деятельна, она будет охватывать весь образ жизни человека и ничего не требовать взамен.

Но это еще не все.

3. Чего недостает нашей любви?

Очевидно того, чего нет у нее в ее обычном, традиционном понимании — к роду, к женщине, к сыну, к матери: безусловности. Отсутствия разделения на своих и чужих, далеких и близких, милых и гадких, черных и белых. Истинная любовь — она ко всему живому. А живое — все вокруг. Значит, закон любви — всеобъемлющий. И подлинная любовь возможна только тогда, когда

она является результатом усилия воли постоянно отказывать себе ради других — не только близких, но и совсем незнакомых людей.

Таким образом, **истинная любовь триедина — деятельна, постоянна, безусловна**. Однако много ли мы знаем таких примеров? Людей, которые подчинили закону любви всю свою жизнь? За более чем 7-тысячелетнюю историю челове-

чества лишь немногие люди оказались способны сделать любовь законом всей своей жизни, поставить благо каждого человека перед своим личным благом. Те имена, которые известны миру, можно пересчитать по пальцам. И этому есть объяснение.

В отличие от следования законам морали или нравственности, указанный принцип, выраженный добрыми делами человека, как правило, не только не приносит ему никаких личных выгод, но и сулит значительные

потери — ибо ему, в сущности, нечем отразить злобу, агрессию, зависть, насилие — кроме как добрым делом и словом. А это значит, что закон любви прямо противоречит естественному выбору психики, заложенному в нас природой — так называемому “здравому смыслу”, ориентированному на выживание и самосохранение. Вместе с тем, человек, поступающий по закону любви, очевидно, видит в этом смысл, и смысл этот, очевидно, лежит выше его личных интересов.

4. О чем свидетельствует безусловная любовь?

Именно этот факт — проявление любви вопреки всевозможным препятствиям и обстоятельствам — позволяет говорить о том, что способность человека терпеть невзгоды и продолжать творить добро — не есть следствие нашей биологической природы. В конечном итоге способность любить (со всей ответственностью, которую предполагает истинная любовь) есть результат волеизъявления самого человека, его выбор и сознательный путь. Но

заложили в нас эту возможность — настоящей, безусловной любви — совсем не окружающий мир и не эволюция, знающие лишь законы борьбы и выживания, коллективного и эгоистичного поведения, материнской и сыновьей привязанности, мужского и женского влечения. Она заложена в нас совсем другим источником, который видит смысл в любви, который понимает, в чем ее роль и на что она способна в нашей непростой жизни, построенной в лучшем

случае на моральных и нравственных нормах и правилах, в худшем же — на полном беззаконии.

И вот именно эти немногие люди, которые вопреки всем человеческим законам и беззаконию смогли сделать любовь законом всей своей жизни — они сами, их образ жизни и, главное, **сама способность человека к истинной, триединой любви** — и есть свидетельство источника жизни, его существования и волеизъявления.

Однако истинная любовь невозможна вне одушевленной среды. Камень никогда не позаботится о камне, ветер — о ветре. У нас есть возможность любить друг друга потому, что мы способны к эмпатии и сопереживанию, способны остановиться и прислушаться к голосу совести, способны усилием воли направить себя по трудному, но необходимому пути. Мы

можем видеть что-то подобное в животном мире... Но подлинная любовь среди людей была бы невозможна без братского чувства. Братского — буквально до самопожертвования, противоречащего всем законам психики и эволюции. Животные, которые жертвуют своей жизнью ради спасения своего семейства, стаи, рода, вида — всегда останутся агрессивны к особям другого семейства, стаи, рода, вида. Преодолеть животный страх, агрессию и недоверие способен только человек.

И это наше свойство — заботиться о людях и окружающем мире без различий и предубеждений — есть лучшее доказательство того, что ценность жизни заложена в нас одушевленным Источником*, который знает нас и понимает нас — нашу подлинную природу и все наши возможности.

* Почему не называть, как это принято, источник “Богом”?

Когда мы начинаем называть источник жизни Богом, мы тем самым сразу идентифицируем его сообразно накопленному религиозному опыту. Представляя себе образ Бога, утверждая, что знаем Его, мы имеем в виду не какую-то абстрактную сущность, а вполне определенного Творца, воля которого выражена здесь, на земле, в заветах. Если нам ближе христианство — мы будем искать эти заветы в Евангелии, если мусульманство — в Коране, иудейство — в Талмуде и так далее. Называя себе

имя Бога, мы тем самым признаем его главенство над нами и вступаем на путь совершенного к нему доверия, оставляя себе очень узкую тропу — жить по-божески, т.е. по выбранным заветам.

Однако если мы посмотрим на мир глазами ребенка или человека, не приобщенного ни к одной из религий, то какие бы то ни было ассоциации здесь будут совершенно излишни, во всяком случае — преждевременны. Наша задача в том и состоит, чтобы разобраться, какие заветы дал нам Источник жизни и в чем заключается их смысл. Поэтому мы не можем называть его Богом до тех пор, пока не поймем его заветы; пока не узнаем, как распорядиться жизнью, которая нам дана.

5. Так каковы предназначение и смысл нашей жизни?

Жизнь — не только благо, но и зло. И она же не только зло, но и благо. Чтобы понимать, для чего выносить благое и злое, необходимо понимать, зачем дана жизнь. Любят говорить: “Смысл жизни в самой жизни. Жизнь дана — не спрашивай зачем; прими ее, старайся жить достойно: не лги, не возжелай чужого, делай добрые дела или уж не делай злых...” Но когда спрашиваешь: “Где границу ставите — что истина, что ложь; где зависть, а где справедливость; что доброе, а что худое?” — то сразу множество ответов: Это! Нет, другое! Третье!

Конечно, может быть и сто, и больше нравственных законов, но главный — что над ними всеми — должен быть один. Он

будет четко отделять истинный путь от ложного, созидание от разрушения, «божеский» образ жизни от любого иного. Именно он даст понимание того, зачем мы здесь и что нам следует делать.

Очевидно, этот закон не исчерпывается содержанием так называемого «золотого правила нравственности» (поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой) — прежде всего потому, что это именно правило жизни, но не смысл и не цель; оно может определять поведение человека, но не отвечает на вопрос «Зачем жить?». Кроме того, главный закон должен охватывать не только межличностные отношения, но и отношение человека к своей среде обитания и некоторым

нематериальным вопросам бытия (таким, как ощущение счастья и несчастья, отношение к отпущенному нам времени и т.д.). А единственным его предназначением может быть только одно: нести гармонию и мир в отношения между людьми и в жизнь каждого конкретного человека.

Всем этим условиям удовлетворяет только один закон, и это закон любви. Любовь — это то, что нужно всем людям без исключения; это то единственное, что благотворно влияет на всех людей без исключения; это созидательное, целостное чувство, которое приносит радость и тому, кто дарит ее, и тому, кто ее получает. Истинная любовь лечит все раны — а это уже не что иное, как ответ на вопрос «зачем жить»: чтобы лечить. Но в то же время любовь — это чувство, которым мы не обладаем от рождения; мы учимся ему всю жизнь: учимся жертвовать, прощать и отдавать, быть справедливыми, спокойными и терпеливыми.

Единственный вопрос, который остается — а правильно ли мы понимаем, чему и как надо учиться? В каком направлении нужно двигаться и в каком движемся мы? В чем заключается истинная любовь? Когда мы ведем себя тем или иным образом, когда предпочитаем один образ жизни другому, когда допускаем те или иные мысли, слова, дела — **поступаем ли мы по закону любви или поступаем против этого закона?**

Сейчас у нас нет однозначных ответов — есть лишь великое множество моральных и нравственных установок, зачастую противоречащих друг другу (в зависимости от того, к какой культурной, религиозной или социальной среде мы себя относим). Но если мы хотим жить по закону любви, то в первую очередь должны научиться быть благодарными Источнику жизни. А это значит — нести ответственность за свою жизнь. И именно поэтому мы должны найти ответы на эти вопросы.

А. С. Пругавин

Сютаевцы

(окончание)

— **В**от-вот, это самое! — повторял Илья. Он, видимо, был очень доволен и заметно расположился в мою пользу. — Вижу я, — сказал он, — что ты в Писании сведущ. Поговори со мной о законе, сделай милость! Как ты насчет крещения полагаешь?...

По многим причинам я вовсе не желал на этот раз высказывать своих взглядов как на разные частные религиозные вопросы, так и на православие вообще (что неизбежно пришлось бы при подобной беседе), а потому, на просьбу Ильи, отвечал ему так:

— К чему много говорить о законе? Ведь сказано, что весь закон в одном слове заключается: «люби ближнего твоего как самого себя» (Послан. к Галат. гл. 5, стих 14).

Илья вдруг поднялся с места.

Глаза его светились; взволнованное чувство слышалось в голосе.

— Вот это самое!... Это самое всегда говорит брат Василий, — произнес он. — Эти самые слова!

— Кто это брат Василий? — спросил я.

— Василий Кириллов, шевелинский, Сютаев. Вот что она смеялась-то: евангелие-то, говорит, сютаевское, — этот самый. Ах, кабы ему с тобой увидаться!

Само собой понятно, что я как нельзя более был рад такому обороту. Мы условились увидаться на другой же день. Илья обещал отправиться в Шевелино и привести ко мне Сютаева.

— Будем, бесприменно будем завтра. Мотри, ожидай, — говорил Илья, провожая меня на крыльцо.

VI

Сютаевское евангелие

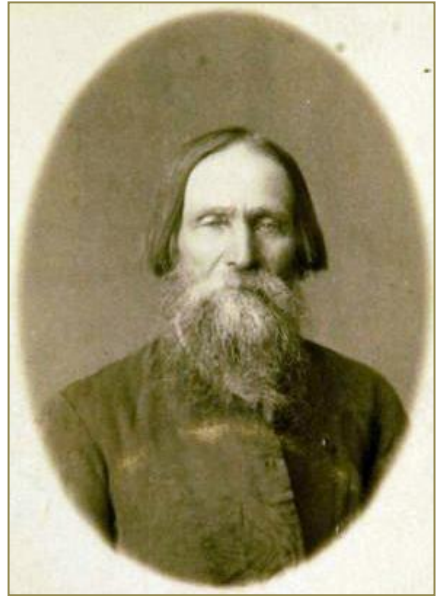
За все последнее время мне пришлось так много наслушаться о Сютаеве, что, признаюсь, не без некоторого волнения ожидал я на другой день встречи с этим человеком.

Седьмой час утра. Хозяйка внесла самовар и «доложила», что пришли какие-то люди, «должно из Удальцова», и спрашивают меня.

— Веди, веди их сюда!

Дверь отворилась и вошел Илья Иванов. За ним переступил порог маленький, тщедушный человек, лет пятидесяти пяти, одетый в суконный, потертый, с узкими рукавами, туго застегнутый кафтан, из-под которого виднелись синие, пестрядинные порты и большие, тяжелые, неуклюжие сапоги; в руках он держал фуражку, какие обыкновенно носят в городах рабочие.

Все мое внимание сосредоточилось на этой маленькой, невзрачной фигуре и, признаюсь, что-то в роде разочарования, что-то в роде обманутой

надежды проскользнуло в голове, — так эта фигура была обыкновенна, так заурядна. Во всей внешности этого человека не было решительно ничего сколько-нибудь выдающегося, ничего экспрессивного, если можно так выразиться; ни в его осанке, ни в его походке, ни в его манере держать себя, ни во взгляде, наконец, его простых, добрых серых глаз с белобрысыми бровями — не было ничего такого,

что бы хотя сколько-нибудь импонировало вам, — ничего, что бы выделяло его из тысячи других, подобных ему, субъектов, составляющих серую массу народную, — ничего, что бы говорило, что пред вами стоит человек далеко не дюжинный, создатель особого ученья, с новыми, неслыханными в этой среде, принципами, — создатель «новой веры», пропагандист и проповедник, увлекший за собой сотни людей.

Не то рыжеватые, не то белокрысы, редкие волосы, всегда слипшиеся, всегда чем-то смоченные, зачесаны на выпуклый лоб. Худое лицо с розовым оттенком, с тонким, маленьким носом и двумя резкими морщинами, идущими от углов рта, кончалось острым подбородком, на котором торчала клином, или вернее мочалкой, небольшая, всегда скомканная, бледно-рыжеватая борода. На тонких, сухих губах то появлялась, то снова исчезала какая-то особенная улыбка с оттенком грусти и горечи.

Они вошли, не крестясь; даже не взглянули на образа, висевшие в правом углу. Мне по-

казалось, что Илья Иванов был как-то особенно серьезен, сосредоточен, почти важен; в то же время заметное, внутреннее возбуждение сказывалось в его движениях, в его взглядах; не только лицо, но и губы его были совсем бледны.

Не без некоторой торжественности представил он мне своего учителя. После первых приветствий мы уселись за стол и принялись за чаепитие. Дорогой я слышал от кого-то, что сютяевцы, подобно некоторым из староверов, отрицают чай и считают за грех пить его.

— Все это пустое! — заговорил Сютяев, и его обычная усмешка засветилась в глазах, расплылась по лицу. А у него была замечательная усмешка; обыкновенно в ней проглядывало какое-то горькое, скорбное чувство, чувство сокрушения, соболезнования или, если хотите, «мировой скорби»; но, когда он начинал говорить о чем-нибудь веселом, отрадном, когда он начинал подтрунивать, иронизировать над чем-нибудь смешным и нелепым, — тогда в широкой усмешке этого некрасивого, обыденного мужицкого

лица появлялось столько добродушия, столько ясности, юмора и света, что, глядя на него, ваше лицо совершенно невольно складывалось в улыбку, а на душе у вас становилось как-то особенно хорошо.

— У Бога все создано на пользу человека, — какой тут грех? Всякое произрастение — для человека: и чай растет, и хлеб растет, и дуб растет, и... и лен растет, — все растет, и все для человека.

— А водка?

— Што-ж водка? — Помоему и в водке никакого греха нету. Напиваться — энтэ другое дело... А што бы выпить стаканчик, примерно, тут греха нет никакого.

— От водки вред идет большой, — заметил Илья Иванов.

— Вред от всего идет — не от одной водки, а от всего, от всего... Захворал ты, к примеру, — дохтур тебе и хлеба не даст, потому что от него вред, от хлеба-то... Уж на што, кажись, хлеб, а нельзя, ни-ни... Хлебай одно молоко и дело с концом... А от водки, случаем, люди исцеление получают... В питье, да в еде душа меру должна знать, а

греха в них нет никакого.

— Ну, а свинина как?... Неужто тоже не грех? — спросил я.

Меня интересовал ответ на этот вопрос, так как известно, что даже такие рационалисты, как молокане, считают большим грехом употреблять в пищу свиное мясо.

— Для чистого — все чисто... И свинья на пользу идет. Коли в меру, нет греха ни в чем.

— Но, ведь, о свинье, — возразил я, — прямо сказано в Священном Писании, что хотя она и имеет раздвоенное копыто, но жвачки не отрыгает, а потому должна считаться нечистойю.

Сютаев, улыбаясь, выслушал цитату. — Энтэ где, бишь, сказано-то? — прищурившись, с хитрым видом, спросил он.

— В Ветхом Завете, в книге Левит, глава 11-я, — отвечал я.

— Так... А что Спаситель сказал? «Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст»... Почитай-ка Матвея, 15-я глава, стих 11-й, почитай... Да и у Марка то же самое обозначено, да и у Луки то же самое. Стало быть, што

тут толковать!... Мы должны Спасителевым словам верить... В одном месте мне свинины дали закусить, а дело-то великим постом было, — и я ел. В Евангелии сказано: «и ежели придете в какой город и примут вас, ешьте, что вам предложат», и «ежели придете в дом, ешьте и пейте, что у них есть, и не переходите из дома в дом»... Евангелие Луки, глава 10-я, стих 7 и 8. Ведь *прямо сказано*, чаво же мы ишо хитрить будем?

— Стало быть, по-твоему, и посты?...

— Одна наша глупость, больше ничего, — отвечал Сютеев, наливая себе в чай молока. — В молоке нет греха, поэтому можно его хлебать и сегодня, и завтра, и завсегда, когда только захотел. Убивать — грех, поэтому и сегодня грех убивать, и завтра грех, и завсегда грех... Так и мясо, так и все... А у нас малый ребенок заплачет, молока запросит, — мать сичас его в голову — хлоп! «Не знаешь, мол, сегодня какой день-то? — Среда! Завтра дам, завтра — четверг!»... Какой же это пост?

— Но, ведь, и сам Иисус

Христос постился, — возразил я.

Это замечание однако несколько не смутило Сютеева. Он отвечал (передаю лишь общий смысл его возражений), что пощение И. Христа не имеет ничего общего с постами, установленными православною церковью. Он, Сютеев, признает, что совершенное воздержание от пищи (как делал Христос) в течение некоторого времени может быть иногда очень полезно для обуздания страстей и похотей человека. Но к этому средству человек должен прибегать лишь в крайних случаях, как это делал и Христос, и притом лишь тогда, когда действительно является у него желание, известное настроение и потребность в обуздании плоти. Считать же постом известное, строго-определенное число дней и недель, раз навсегда, для всех заранее назначенных — нелепо. Точно также нелепо считать постом дни, в которые люди вместо мяса и молока «набивают себе брюхо картошкой, редькой, да грибами».

Когда вопрос о постах и об ограничениях в пище и питье

был достаточно исчерпан, разговор, мало по малу, начал направляться на более существенные, принципиальные положения учения Сютаяева.

Мне не нужно было прибегать ни к каким решительно уловкам, чтобы вызвать откровенность и сообщительность Василия Кириллова. Достаточно было с моей стороны заявить желание знать его учение, его толкование Евангелия, чтобы сразу же расположить его в свою пользу и вызвать на разговор.

Я сказал, что читал о нем в газетах, очень заинтересовался его учением и вот нарочно приехал к нему, чтобы лично познакомиться с ним, поговорить, потолковать и лично убедиться, насколько справедливы газетные толки об его учении и жизни. Он уже прежде слышал, что в газетах писали о нем: сыновья его, живущие в Петербурге, присылали ему оттуда те номера газет, в которых были помещены известия о нем... С добродушной, доверчивою улыбкой слушал он меня; мне показалось, что он был польщен тем, что, вот, человек, Бог знает от-

куда, приехал нарочно только для того, чтобы повидаться и поговорить с ним. Выслушавши меня, он с расстановкой произнес:

— Господа приезжают к нам для оброка, али тело где убивши... А штобы для слова Господня — ни один не приедет, ни в жисть!.. А вот ты приехал, — дай тебе Господи!..

И мы разговорились и проговорили целый день, так-таки буквально целый день, с семи часов утра и до вечера, вплоть до шести часов, до тех пор, пока хозяйка, очевидно, потеряв всякое терпение, вошла в избу и, спросив: буду ли я обедать, — объявила, что «шти совсем простыли, а каша выгорела и задохла вся дочиста».

С этих пор мы начали часто видаться с Сютаяевым: то он приходил ко мне в Поведь, то я ездил к нему в Шевелино. До встречи с Сютаяевым я все боялся, что он, напуганный судами и преследованиями, примет меня за чиновника и отнесется ко мне недоверчиво и подозрительно. Но с первого же свидания я убедился, что мои опасения были напрасны. Мой приезд не

возбудил в Сютееве и тени подозрительности, и он отнесся ко мне как нельзя более просто и вполне доверчиво; даже деревенские слухи, сделавшие из меня на первых порах какого-то соглядатая, чуть не шпиона, ни мало не испугали его.

— Люди говорят про тебя, што ты следовательно, — говорил мне Сютеев. — А по мне все равно, хто бы ни приехал, хоть царь, — я принимаю всех... Думаю, што всякому нужно истину получить.

С полною готовностью вступал он в прения о вере, о жизни, о церкви, откровенно и резко разоблачал он всякого рода «неправду», гнездящуюся, по его мнению, в церкви и в жизни, и с полною охотой, с необыкновенною любовью развивал план того «устройства», которое непременно должно явиться на месте нынешних «непорядков», чтобы даровать всем людям мир и любовь.

Итак, послушаем сначала, что говорит Сютеев о церкви и каково его собственное учение о вере, его «евангелие», как, смеясь над ним, называют его учение те из мужиков и баб, ко-

торые остаются верными приверженцами церкви.

— Никакой секты у нас нет, — говорит Сютеев. — Мы желаем только быть «истинными христианами».

— В чем же, по-вашему, состоит истинное христианство?

— В любви... Сказано, Бог — любовь. Стало быть, где любовь, там и Бог, а где любви нет, там и Бога нет.

И затем обыкновенно следует указание на текст. «Весь закон в одном слове заключается» и т. д. (Послание к Галатам, глава V, стих 14-й).

— Много разных вер на земле... Говорят, семьдесят семь вер... Собрать бы всех вместе от разных вер и сказать: «покажите всяк свою веру», — чтобы столковаться всем, чтобы не было у тебя веры, у меня веры, — чтобы не было раздору из-за веры... Вот, говорят, в Москве о верах спорят. По-моему, энто — пустое дело!.. Вера одна: вера — любовь... Што тут спорить!

— В Св. Троицу веруете?

— Веруем.

— Что же это такое по-вашему Троица?

— По-нашему энто, все рав-

но, тоже любовь: Бог-Отец любовь, Иисус Христос учил любви и Дух Святой через апостолов тоже учил любви. Стало быть, все это — одна любовь.

— Говорят, вы ветхого завета не признаете?

— Нет, мы признаем ветхий завет, потому что Спаситель пришел не нарушить закон, а только пополнить... Но Евангелие — выше всего Писания, выше всех книг... В нём Спасительны слова...

Говоря о «Писании», Сютяев всегда прибавляет: «не много надо читать, но рассудить, — рассудить все надо, разобрать». Ни Сютяев, ни его ближайшие последователи ничего не слышали об исправлении патриархом Никоном книг Священного Писания. В их глазах так называемые «старые книги» не имеют ровно никакого преимущества перед «новыми».

— Со старовером как-то я говорил, — рассказывал Сютяев; — слушал он меня, слушал, а потом и говорит: «Нет у тебя истого Бога!» — Как так нет? Отчего? — «Оттого, говорит, что у тебя креста нет». Сложил этак крест и говорит: «вот этот

самый крест нужен, — без него спасения человеку нет... Да ишо, говорит, нужно старые книги почитать». И начал свою веру хвалить. Я ему и говорю: ты веру свою хвалишь, а огород, небось, делишь — с суседями брань заводишь, ссору. Ты, вишь, богач, ты имения-то, небось, нагребил, да ишо грабишь... Што же это за вера?.. Любовь нужно сотворить, а што твои старые книги?.. Вот новые-то книги надоть пустить, штобы новую-то жисть устроить!

Уже из этих слов можно видеть заветную мысль Сютяева, главную, основную идею его учения, его «евангелие». Все для жизни! Все для блага, для счастья человека! — вот та формула, которая невольно напрашивается из всех его речей. Та или другая вера, то или другое учение, те или другие книги тогда только и постольку именно и хороши, поскольку они служат водворению между людьми любви, правды и мира. Ум Сютяева одинаково чужд как сурового, черствого аскетизма, так и разных стремлений и порывов в туманную область мистицизма. Далее мы не раз

будем иметь случай убедиться в этом самым положительным образом.

Отсюда нам будет понятно отношение Сютаева к разным установлениям, таинствам и обрядам церкви; ко всему этому он относится строго-критически. Так, по его мнению, при рождении ребенка ничего не нужно делать, кроме простого омовения, потому что ребенок в это время не может ничего сознавать. Крещение водою совсем не нужно. Сказано в писании, что нужно *переродиться духом*. Это значит — умертвить грехи и «переродить свое сердце», т. е. сделать его доступным всему хорошему. А это возможно лишь тогда, когда человек уже разовьется и будет в состоянии «познать истину». И когда я предлагал Сютаеву пилатовский вопрос: что такое истина, — он обыкновенно, не колеблясь, отвечал: «Истина — в любви, в общей жизни».

Крещение, покаяние, причащение, миропомазание, по учению Сютаева, пустые обряды, которые не только никого из людей не останавливают от грехов и злых дел, но, напротив, еще

более способствуют усилению человеческой греховности. Люди теперь постоянно грешат, постоянно нарушают заповеди Божии, надеясь, что все это им будет немедленно прощено, как только они сходят на исповедь и примут причастия.

В сущности же крещение — ни что иное, как «умерщвление грехов», покаяние — значит «всегда в добрых делах находиться», причащение — значит «святые дела делать». Когда мы миром помазываемся, должны мир творить. А между тем в жизни ничего подобного нет.

— А священство? — спрашивал я.

— Священники... это — вожди, духовные наставники и учителя. Они должны быть «святые, непричастные злу, непорочные, отделенные от грешников и превознесенные выше небес» (Послание Евреям, глава VII, стих 26-й).

О браке Сютаев говорит так:

— Брак значит — нужно жить брачно, в любви... Мне говорят: «Ты браку не признаешь». — Я не признаю только лживый брак: когда я дерусь, бранюсь, делюсь, тогда нет бра-

ку, нет любви. А любви нету и — тайнства нету!... Сказано, что, ежели при венчаньи священник видит с которой либо стороны неправду и венчает, он тяжко грешит. Они (священники) заповедям не научают. Я женился, не знал заповедей, жена моя не знала: бранились, ссорились... Нужно научить заповедям, — тогда могут жениться и жить в любви. А теперь надевают венцы и не знают, как жить надо.

Я спросил Сютаяева, как он выдал свою дочь за сына Ильи Иванова?

— И дочери, и жениху я все рассказал о любви... «Если вы это сохраните, то, значит, закон Божий совершите; а не сохраните, прелюбодеи будете... А больше всего почитайте всех людей за братьев и за сестер».

— Благословил их?

— Нет... Благословения никакого не даю.

— Отчего так?

— Прежде я сына благословлял, он в Питере жил. После узнал, что сын ничего того не исполнял. Отчего? — Оттого, что заповедей, закону не знал, не был научен. А жениху и до-

чери я сказал: когда закон Господень соблюдете, тогда и Господь вас благословит, тогда и я благословлю. А малый-от (жених) до тех пор жил в Питере на работе и сбился, начал пьянствовать. Как бы его на путь наставить? Поговорили ему, женили; ему дочь моя по сердцу, — теперь живет хорошо. Вместе в Питере с моими ребятами живет. Родительского благословения не просят теперь и живут хорошо; прежде просили и жили худо.

— Святых вы признаете?

— Признаем. Сказано: «приветствуйте всех святых». Нужно подражать их жизни и делам.

На мой вопрос всех ли святых они признают, — Сютаяев немного замаялся и отвечал: «надо рассмотреть, што делали святые, штобы ошибки не вышло». Но молиться святым отнюдь нельзя, — грех. Когда мы молимся святому, а не Богу, то этим самым мы как бы предпочитаем святого Богу. Если мы будем молиться святым, то должны признать их за богов, — следовательно, у нас будет множество богов, — между тем как на самом деле Бог один.

Ни ангелов, ни дьяволов на самом деле нет. Люди злые — дети зла, дети дьявола; люди добрые — дети добра, дети ангела. Значит, под словом дьявол нужно разуть зло, а под словом ангел — добро. «Таких ангелов и дьяволов, которые с крыльями и хвостами, таких мы не признаем, — говорят сютаевцы. — Никто из нас их не видал... Хоть бы раз довелось увидеть с рогами да с хвостами!» — смеются они.

Здесь кстати будет заметить, что сютаевцы совсем не разделяют тех суеверий, которые так распространены среди простого православного люда.

— Люди боятся в лес ходить, в озере купаться, — говорят: водяной утопит, леший уведет... И все это — пустое. Я везде хожу, — говорит Сютаев, — и по ночам в лесу ночевывал, — нет, никого не видишь, никто не покажется, никто не уводит...

В церковь сютаевцы не ходят, — не ходят по многим причинам. Одна из главных причин состоит в том, что люди, ходящие в церковь, несколько, будто бы, не становятся от этого лучше и добрее, — жизнь их

через посещение церкви несколько не улучшается. На вопрос: отчего не ходишь в церковь, — Сютаев обыкновенно отвечает так:

— Знамо дело отчего: правды в ней нет, — вот отчего! Мы в церковь ходим, а сами деремся, ссоримся... Какая же тут польза? В церковь ходим, а сами сраимся, делимся, грабим, позоримся... Вот от этого от самого и не хожу.

Вторая причина, оттолкнувшая сютаевцев от церкви, заключается, по их словам, в том, что в церкви — везде и во всем установлена, будто бы, торговля, купля и продажа. Торговля, даже вне церкви, сама по себе составляет, по мнению сютаевцев, тяжкий грех, а в церкви она является страшным грехом и преступлением. Между тем без денег ничего не делается в православной церкви. Зайдешь помолиться Богу, — смотришь — идут с тарелочками, надо положить «на украшение храма» (а зачем ему украшение?). Затем купи свечку, заплати за крещение, заплати за венчание, заплати за исповедь, заплати за причащение, заплати за похороны,

за венчик, заплати за поминование, заплати за молебен, за панихиду... Словом, за все и за вся — плата и деньги. Без денег, — говорят сютаевцы, — в вашей церкви нельзя ни родиться, ни умереть. Без денег священник не окрестит, без денег не повенчает, — мало этого, даже не похоронит без денег... Священники не должны брать денег за все это, так как они — пастыри, а не наемники и не торговцы.

— Теперь опять на монастыри собирают, на церкви, — говорил Сютаев: — на святого Трифона угодника, на Сергия, на Алексея, человека Божия, на Зосиму-Савватия, — на всякого, на всякого святого. И все это — грех, и все это неправильно! Отощал штоли он? Оголодал, што ли, святой-от?... А другой, ведь, последнее отдает, — думает себе через энто спасение получить... У нас в Толожни*) в церкви Милий преподобный стоит, как бы в часовни этак, из камня высечен, большой, борода долгая, страшный такой... Народ-от к нему и несет, кто што может: кто деньги, кто лен,

кто яйца, кто масло, кто баранки, кто нитки, кто платки, — то есть всем, всем несут... Как это дело рассудить, а?... Почитай-ка, что о жертвах-то сказано? Опять же есть в Писании, што деревянные и каменные — не боги.

Далее, сютаевцы потому еще оставили ходить в церковь, что там «наставлены идолы», т. е. иконы, кланяться которым ни в каком случае нельзя («Поклонитесь единому Богу»). Что старые, что новые иконы — все равно: как те, так и другие одинаково бесполезны.

Наконец, то обстоятельство, что служба в православной церкви происходит на славянском, мало понятном народу языке, также является одною из причин, почему сютаевцы избегают церкви. «Нужно, — говорят они, — чтобы все в церкви читалось и пелось на знакомом языке».

— Был я раз у обедни, — церковь поправляли, — иконам не кланялся, так стоял. Кончилась служба, вышел из церкви, вижу — народ идет. Стал я спрашивать: што читал священник?... Што бы ты думал? Ведь

*) Ближайшее к Поведи село.

не могли сказать, ни синя поро-
ху не могли сказать, — не поня-
ли...

Известно, что староверы счи-
тают большим грехом посещать
православную церковь, но
сютаевцы не считают грехом
побывать в православной церк-
ви, — они считают только это
дело бесполезным: «это совсем
без надобности», — говорят
они.

— Я, пожалуй, сам пойду в
церковь, — говаривал Сютаев,
— но любовь не брошу, — не-
ет! По-язычески жить не стану,
— нет!

Крестное знамение, по мне-
нию сютаевцев, совершенно
ненужно: в Евангелии нигде не
упоминается об этом; нигде не
говорится о сложении перстов,
о поклонах, поэтому ничего
этого не нужно; все это — бес-
полезные, пустые выдумки.
«Духом поклонитесь», сказано в
Евангелии. «Бог, ведь, не бога-
тый мужик, который любит по-
клоны». А спорить о том, как
креститься — двухперстным
или трехперстным крестом —
просто глупо.

В домах у сютаевцев никако-
го богослужения не бывает, ибо

в Евангелии ничего об этом не
сказано. Молитв у них также
никаких нет. Прежде, в право-
славии, они читали молитвы, но
затем все бросили.

— Почему бросили? —
спрашивал я.

— Если мы не исполняем
ничего, — какая польза читать
молитвы?... «Отче» читаем, а
отца с матерью не почитаем...
Читаем: «не лиши меня
царствия небесного», — да,
ведь, мы сами себя лишаем, по-
тому что правды не ищем, по
правде не живем... Ты испол-
няй, делай так, поступай по
правде. А если я исполняю, то
на што мне молитва?

Мощей сютаевцы не призна-
ют.

— Искал я в Евангелии, —
говорит Сютаев, — насчет мо-
щей, все перечитал, только о
мощах ни одного слова не
нашел... Ходил я по монасты-
рям по разным, все мощей ис-
кал. В Коневцах был, на Валаа-
ме. Мощи, говорят, лежат,
только ничего не видно, все со-
крыто. — Где, спрашиваю, мо-
щи? — «Под спудом». — Мож-
но говорю, посмотреть? —
«Нельзя». Просил как, канался,

чтобы позволили поклониться, — нет, не дали. Зато на монастыри я насмотрелся: нет там правды ни капельки. Придешь к ним, перво-на-перво поведут тебя по коридору... Вот она, дверца, тебе бы туда, ты первый пришел — так нет, мимо ведут, дальше пихают, а благородных пускают, — кто, значит, платьем почище, тех пускают, — а ты все дальше... Весь коридор прошел, а нет тебе места, не нашлось, — полезай на верех; там нары, темно, а внизу-то койки, тепло, светло... Нету правды!... Люди смеются мне: поди, говорят, в пустыню спастись али в монастырь, коли у нас жисть не по тебе... Зачем я туда пойду? Там — лежебоки, а я не хочу лежебоком быть... И насмотрелся я там на жисть на монашескую... Не приведи Бог, — страм, просто страм!

Сютаевцы — горячие враги всякого рода обрядности, всех тех установлений церковных и обычаев, которые, по их мнению, основываются на суеве-рии, рутине или предрассудке. Так, например, они не хоронят своих покойников на кладбище, а зарывают их, где попадет, и

объясняют подобные действия так:

— Говорят, кладбище — место освященное, а другие места не освященны... Неправда это: вся земля освященная, везде одинакова земля. Поэтому я, — говорит Сютаев, — хороню, где придется, чтобы показать, что земля везде свята. В поле придется — в поле похороню, на огороде придется — на огороде похороню, — для меня все равно... Говорят, дух пойдет, запах... Не пойдет!... Мы зарываем глубоко, глубже вашего зарываем.

Но когда я начал выставлять им на вид неудобства хоронить покойников вблизи от жилья, они соглашались со мной и в принципе признавали, что было бы удобнее хоронить дальше от жилья, но они не могут этого делать, так как, будучи вынуждены хоронить покойников тайно, по ночам, по необходимости должны выбирать более близкие места, иначе их легко могут накрыть и застать «на месте преступления».

«Почему же они хоронят тайно?» — спросит, быть может, читатель. — Да потому,

что им запрещают хоронить открыто без священника и без соблюдения известных обрядов. А сютеевцы с своей стороны считают совершенно излишним участие при похоронах священника («торговля, мол») и в тоже время признают совсем излишними всякого рода обряды при похоронах. Простой гроб-ящик, глубокая яма — и больше ничего: ни молитв, ни пения, ни свеч, ни ладану не бывает у сютеевцев, — словом:

«Без всего, чем могила крепка!»

Зажигание свеч и лампад пред иконами, куренье ладаном и тому подобные обряды сильно возмущают сютеевцев, и они резко нападают на православных за «выдумку» и введете подобных обрядов.

— В церковь ходишь — спрашивал Сютеев в моем присутствия одного православного.

— Хожу.

— Свечи иконам ставишь?

— По силе возможности...

— Зачем ты их ставишь?

— Зачем?... Вот тоже спросил!... Не глупее тебя ставят.

— Ладно. Ты богат, у тебя кошель-от набить туго. Ты

цельную горсть поставил; а я-то беден, — у меня не на што и свечки поставить. Стало быть, я — погиб, а ты — спасен?... Верно?

— На свечку-то, брат, хватит, — было бы усердие, — на ё не много нужно...

— Ну, а у меня нет ничего, копейки за душой нет... Как тут быть? Стало быть, я через энто погибать должён, а?

Или иногда в таком роде:

— Зачем у вас в церкви кадят? Зачем ладан курят? К чему энто?

— Вот ишо... Не нами заведено. Как отцы веровали, так и нам должно придерживаться...

Подобные ответы, столь обычные в устах русского мужика, всегда крайне раздражали Сютеева.

— Ежели мой отец-то в яму ввалился, так и я должен за ним, а? Должон, али нет? — приставал он.

— Слава Богу, мы ишо не в яме, пока Бог терпит, — оппонировал собеседник.

— Мы-то?... Мы, брат, давно вси в ямы, — вси, как есть, вси на Каиновом пути стоим...

Излишне, конечно, говорить, что «вера Сютаяева» совсем не представляет собою какого-нибудь полного законченного учения, в котором всевозможные теологические вопросы были бы разрешены и разработаны сколько-нибудь удовлетворительным образом. Его учение полно разного рода пробелов; и это, разумеется, вполне понятно, и едва ли кто-нибудь может ожидать от еле-грамотных людей совершенно цельной, стройной, вполне выработанной теории или системы. К тому же, — и это прежде всего необходимо иметь в виду, — учение это до сих пор еще находится в периоде роста, развития, формирования.

Весьма многие даже из наиболее существенных, основных религиозных вопросов до сих пор остаются нерешенными сютаяевцами. К числу этих нерешенных вопросов можно отнести даже такой важный в теологии вопрос, как о будущей загробной жизни и о мучениях ада. — Разные нерешенные вопросы, волнуя пытливую мысль Сютаяева, заставляют его глубже и прилежнее «вникать в Писа-

ние». Но в его распоряжении имеются только две книги: Библия и сочинения Тихона Задонского. Нередко он находит у последнего прямые ответы на сомнения, который мучают его; он рад этому, но в то же время его останавливает мысль: почему же в Евангелии нет столь же прямых, определенных указаний, столь же категорических ответов на эти самые вопросы? И вот в душу Сютаяева закрадывается новое сомнение и он говорит: «надо рассмотреть, не ошибся ли Тихон».

Однажды, доказывая мне одну из своих любимых идей, о том, что рай будет здесь, на земле, Сютаяев выразился так:

— Да, надо царствовать на земле... Што *там* будет (он указал вверх, на небо), не знаю, — на том свете не был... Помоему, там — тьма!

Заметив, что я отмечал у себя карандашом его слова, он вдруг обратился ко мне с такою просьбой:

— Што я тебе скажу, Александр... Запиши ты, штобы энто дело разобрали (относительно загробной жизни), — сделай такую милость, штобы там уче-

ные, толкователи разные, рассмотрели все по порядку, — не ошибся ли Тихон до самого дела?

Придя к убеждению, что в церкви, как и в жизни, нет правды (как он пришел к этому убеждению, мы постараемся подробно рассказать в одной из следующих глав), Сютеев считал необходимым отрешиться от всех тех взглядов и догматов, которые церковь преподает верующим. Но взамен отвергнутых, определенных, давно изготовленных церковью ответов на те или другие запросы мысли ему, конечно, предстояло вырабатывать и дать с своей стороны новые ответы, которые бы успокаивали и удовлетворяли нравственное чувство и возбужденную критическую мысль. И вот началась работа — горячая и страстная со стороны сердца и строгая и упорная со стороны мозга. Выше мы видели, к чему привела эта работа, которая, впрочем, ни мало не прекращается и до сих пор.

Хотя главными толчками, будившими мысль и чувство Сютеева, всегда служили те или другие печальные, темные яв-

ления нашей общественной жизни, но при этом он постоянно стремился согласовать со Священным Писанием те выводы, к которым приводил его анализ условий общественных отношений. Но чтобы сделать это, прежде всего необходимо хорошо понять все Писание, особенно же Евангелие и Новый Завет. А между тем в этом Завете встречается так много неясных, темных мест, особенно же в Апокалипсисе. Читает, например, Сютеев XIII главу Откровения:

«И стал я на песке морском и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами; на рогах его было десять диадим, а на головах его имена богохульные...» А потом дальше, в 18 стихе, сказано: «здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое. Число его шестьсот шестьдесят шесть...»

Что же такое обозначает этот зверь, эти головы, эти рога, диадимы? Ведь не зря же все это написано? Ведь сказано: «здесь мудрость. Кто имеет ум, тот пусть сочтет число зверя...» И что это такое за число 666?

Что оно означает? К чему оно тут приведено?...

— По-моему, — говорит Сютеев, — это должно полагать по заповедям... 6 — это мир в шесть дней сотворен, 60 — значит мир содержит по десяти заповедей, а каждый день содержит по сотни (я уж не понял *чего* именно), — стало быть 600, а всего и выходит 666.

Так он силится объяснить себе туманные аллегории Апокалипсиса; но, если вы докажете ему, что его толкование ошибочно, он ни на одну минуту не задумается отказаться от него. Вообще сютеевцы допускают полную свободу толкования Священного Писания.

— Надо толковать, — говорят они, — надо истины добиваться. Часть истины познали как чрез туманное стекло, — говорится в Писании, — остальное доискивать надо. Надо весь закон Божий понять.

А когда их спросишь, что они разумеют под «законом Божиим», то они обыкновенно отвечают:

— Как бы было друг дружке не вредно, то и закон Божий.

Устроить «жизнь по правде»,

так, чтобы «друг дружке не вредно было», по мнению сютеевцев, главная цель, главная задача «закона Божия», и в то же время это-то именно «устройство» и составляет заветную мечту Сютеева и его последователей. Он страстно интересуется всем, что только может так или иначе помочь ему в его стремлениях осуществить это «устройство» жизни. Не раз он спрашивал меня:

— А што, в Москве и в разных прочих городах толкователи есть у вас насчет этого, насчет правды-то, а?... Толкуют? — И затем обыкновенно прибавлял: — Я крохотный человек, — кто мне поверит?... А ежели бы от вас, из высших, из ученых...

Меня поражала и в то же время глубоко трогала та искренняя, горячая жажда истины, которая жгла сердце этого «крохотного человека». Чтобы понять впечатление, производимое в этом случае Василием Кирилловым, мне кажется, необходимо лично слышать то чувство, которым звучал его голос, когда он, бывало, вечером, утомившись от бесконеч-

ных разговоров и споров, сидя у раскрытого окна и глядя в поле, задумчиво произносил, например, такие слова:

— Эх, — кабы кто мне дополнил што, указал, может в чем я маленечко неверно..., кажись, до смерти служил бы энтому человеку!... И не знай, не знай, што бы только сделал

ему!...

В чем состояла сущность того «устройства», которым не на шутку думал Сютеев избавить людей от всякого рода зла, греха и неправды, это мы узнаем из следующей главы.

VII

Проповедники любви, мира и братства

Однажды я спросил Сютеева, слышал ли он о том, что на свете существуют разные науки, изучением которых занимаются разные ученые люди, и какого он мнения об этих науках и об этих ученых людях.

— Слышал я, — отвечал Сютеев, — што есть наука философия, которая учит, как бы капитал нажить. До энтой философии не надо дотыкаться, а надобно закон Господень изучать, Евангелие... Те науки надобны, которые учат, как лучше жить людям... Надо доискиваться, как бы грешники не грешили, как бы воры не воровали.

В этом ответе сказался весь Сютеев. «Доискаться», во что бы то ни стало, такого порядка вещей, такого устройства жизни, при котором бы «грешники не грешили», «воры не воровали» — вот сильнейшее, пламенное желание этого сермяжного философа, составившего себе столь странное представление о философии. Все свои разговоры Василий Кириллов всегда и неизменно сводит на эту любимую тему.

Я постараюсь воспроизвести здесь по возможности с дословною точностью разговор, который на первых же днях моего знакомства с Сютеевым мне

пришлось вести с ним и который как нельзя более раскрывает сокровенные думы, желания, стремления сютаевцев и в то же время вполне объясняет причины того недовольства существующими «непорядками», которое испытывается всеми последователями Василия Кириллова. Разговор этот происходил в присутствии Ивана Зиновеича. Иван Зиновеич — мужик «с копейкой», он поторговывает, у него маленькая лавка, он частенько бывает в городе, имеет обращение с господами и может быть поэтому в разговоре он всегда сдержан, споров недолюбливает, говорит «из-под политики»... Василий Кириллов, по обыкновению своему, распространился по поводу «злобы», «непорядков», «обмана», которые будто бы в конец завладели жизнью.

— Да где ты обман-от видишь?... Ты скажи нам, в чем он? — спрашивает Иван Зиновеич.

— Где? — удивляется Сютаев. — Да везде! Везде обман, вот што! В какой город ни приедешь, везде неправда. Везде за мздой гоняются, как бы только

прибытку больше нажить, как бы мошну набить, как бы, как бы.. Каждый норовит побольше зацапать друг перед дружкой... Мне счастье, — много нахватал, а у брата нет ничего... Всяк себе, всяк себе рвет... У нас теперь тридцать дворов, тридцать посевов. Огурцы, конопли — все разделивши. Тридцать у нас сторожов!... А, *когда устройство будет*, тогда один сторож будет, а то ни одного не будет... Клетки у нас заперты на замках, на запорах, скот у нас заперт... Открыл клеть — меня кругом обокрали. Клеть теперь запер, от воров запер... Идите за мной, сейчас все отопру!... Пашни, сенокосы... как мы делим? — Ссоры, брань, до драки доходит... Неужто Бог это постановил, а?... Не поверю!! Хоть тысяча человек говори мне этто, не поверю!...

Сютаев попал на свой конек. Силой, энергией, страстью звучала его речь. Широко, медленно ступая тяжелыми, ссохшимися сапогами, он то подходил к самому столу, за которым сидели мы с Иваном Зиновеичем, то снова удалялся вглубь избы.

— Нету правды — говорил

он. — Проезжай по всей Империи, где найдешь?.. В городах все почестей ищут. А в Священном Писании сказано: «не ищите почестей, не ищите сана...» «Ищите царства правды» — сказано... А мы ищем. — Никто не ищет! Недаром в Писании говорится: «никто не возвышает голоса за правду и никто не вступает за истину...» Этаких людей у нас нет, — печально закончил Сютаев. — А надо нам Бога искать, — ох, надо, надо!..

— Как же мы должны жить, по-твоему?

— Не по-моему, а по-Божьему, — поправил старик. — А вот как, — быстро оживляясь, начал Сютаев: — поле не должны делить, лес не должны делить, дома не должны делить... А у нас-то все деленное, — все, как есть все, всякий прутик разделивши... Это — лживые христиане: друг друга гонят, друг друга теснят, друг друга ненавидят... Надо добрые дела творить, а я разделил: это — злые дела. Верующие христиане не делили ничего... Мир надо творить, — миру нет; правду надо творить, — правды

нет... У Тихона Задонского, — почитай-ка, — там все описано, как первеющие христиане жили и как жить указали.

— Как же они указали жить?

— Первое дело — замков не надо, сторожей не надо, торговли не надо, судей и судов не надо, войны не надо... Друг дружке помогать, друг дружку любить, грабежа-воровства не бояться.

— Как же не бояться-то? — спрашиваю я.

— Чу-удак человек! — говорит Иван Зиновеич, усмехаясь и крутя головой.

— Ах, друг любезный! У праведных христиан нет грабежу, потому они любят друг дружку... Чего им бояться?.. Рази я полезу к тебе в клеть? Да ты мне и так дашь...

— А если не дам — спрашиваю я.

Иван Зиновеич смеется: «вот это так».

— Как же ты не дашь-то? — удивленно переспрашивает Сютаев.

— Очень даже просто, — говорит Иван Зиновеич, — не дам — и дело с концом. Сам добывай — вот что!

Сютаев разахался.

— Ах, не дело ты говоришь!
— с жаром начал он. — Ах, не дело, не дело!.. Рассуди сам: ведь тогда жисть-то будет какая, какая, ты думаешь? — о-общая! Вот што, друг!.. У всех будет одно сердце, одна душа, не будет ни твоего, ни моего, — все будет местное.

— Как местное?

— Обчее, значит, не деле-ное... Да!.. И не будет тогда никого нуждающегося, а вси будут довольны и вси изобильны... Почитай ты Деяния св. апостол, глава четвертая, стих... стих тридцать второй, — почи-тай!

— Да чего читать-то? Ты нам сам скажи, что там написано, — заметил Иван Зиновеич.

— Изволь, друг милый, ска-жу!

Сютаев берет в руки Новый Завет и разворачивает его.

— Вот што там написано, друг ты мой любезный, — гово-рит он, перелистывая книгу. Но цитата не находится, тогда он начинает говорить на память: — У верующих христиан было од-но сердце и одна душа; никто ничего из имени своего не

называл своим, но все у них было обчее... Вот, мой друг! Понял?

— Да ведь это, может, ишо в ту пору было, когда всех людей-то на свете десять человек сче-том было, — возражает Иван Зиновеич.

Без труда разбивает Василий Кириллов это возражение. Найдя текст, он обращает вни-мание на слова: *«у множества же уверовавших* было одно сердце» и т. д.

— А вот ишо стих тридцать четвертый, — продолжает Сютаев и читает: — «и не было между ними никого нуждающе-гося...» Слышишь, брат? — «Никого нуждающегося!.. Ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, при-носили цену проданного и по-лагали к ногам апостолов: и каждому давалось, в чем кто имел нужду»... Ну, понял те-перь?

Вместо ответа Иван Зинове-ич тяжело вздыхает, приговари-вая: «о-ох, грехи наши тяжкие!»

А Василий Кириллов подхо-дить к окну, показывает паль-цем на поле, широко рассти-лавшееся во все стороны, и го-

ворить с недовольным видом:

— Глянь-ка в окошко-то: все межи, все межи... Смотри-ка, как поле-то располосовали... а-я-я!... Колько тут земли-то дарма пропадает на энтих самых межах... Али опять загороды, — к чему они нам?... Иду я в поле — изгороду городят... «Рябтушки, говорю, зачем нам изгороды? Городим, городим, а ведь пользы-то как быть не видать. Не надо, говорю, энтото делать»... Не послушали; сами загородили, рупь с меня взяли за участок... На другой год то же, на третий то же... Четыре раза взыскивали... Какая же тут любовь?... Только я и теперь не горожу, и не буду!

Он прошелся по комнате и затем снова подсел к окну.

— Выйдешь в поле: чьи это земли? — казенные. Чей энтот лес? — господский... Энтото дело надо рассмотреть. Мы тоже были казенные, а другие — господские... Дали же нам надёл (надел)... У другого господина не одна тысяча десятин. Он должен рассмотреть свой грех. Господина тогда не бросят хрестьяне... Господин теперь господствует, а мы — рабствуем.

— Как так? — спросил я.

— Так... Земля-то господская ишо... Из половины берем, позоримся — во как!... Я иду в поле, а поле-то у господина снято... Господа должны землю отдать... Хрестьяне должны его (господина) не бросать... Все должны сообча жить, сообча трудиться в поте лица.

— А кто не пожелает?

— Неволить нельзя, — слобода должна быть... В царство Господне втащить насильно нельзя... Только желающие... Зачем неволить! Сохрани Господи! Сказано: избранные с избранными; кто поймет, тот только и пойдет на энтото... Каждому воля, куда хошь ступай: отец направо, сын налево, — отец на правду, сын на кривду.

— В писании сказано, — продолжал Сютеев, развертывая Евангелие: — «стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства»*). Стало быть в слободе надо жить, а мы связаны.

— Чем?

*) Послание к Галатам, глава 5-я, стих 1-й.

— Грехами, грехами связаны, неправдой связаны кругом.

Мало по малу разговор перешел на войну.

— По-твоему, стало быть, выходит, войско-то теперь и не требуется? — спросил Иван Зиновеич.

— Теперь и войско требуется, и оброки злые требуются... Коли любви нет, тогда и война надобна, и замки надобны, и оброки надобны, и сторожа надобны... Только все это — зло, все это — неправда! Избранным не следует этого делать... Война!... Ты скажи: для чего она? — Ведь для убийства. А коли любовь есть, — какая война? Если у нас любовь, — тогда мы и хлебом, и животами, и всем помогаем друг дружке. А у нас заместо того вражда, война, распря... Со старичком я одним говорил, о смиренстве говорил, о любви. Он все слушал, да как даст мне в щеку!... Вот и вражда, вот и война.

— Все же, чай, в солдаты-то надоть идти, коли начальство приказывает? — спросил Иван Зиновеич.

Василий Кириллов помолчал.

— Кабы двое, трое, много

народу взяли бы да уговорились: не надо войны, не идти на войну... Сказали бы, што неладно идти, нельзя... Одному ничего нельзя поделать: ты хоть поделать, а тебя связывают. Сначала надо, чтобы избранные с избранными. Вдруг не остановиться, когда мы все заблудивши. Нужно поучаться друг от дружки... Нужно исповедывать Христа, тогда и войны не нужно будет, и солдатом не нужно... В Евангелии показано, чтобы все люди жили в любви. Где любовь, там и Бог; где любви нет, там и Бога нет... Если выйдет вражда, — всем тяжело. А коли мы будем в любви жить, то у нас стена будет супротив врага, — да, стена, — почитай-ка Тихона Задонского... А со временем и врагов-то может никаких не будет.

— А турка-то? Куда ты его денешь?...

— Мы сами турка — вот што!... Турка-то тоже от Бога, — с сердцем говорит Сютаев и начинает ходить по комнате, приговаривая: — А-я-я! Как это мы турки-то боимся, а себя-то не боимся, — зла не боимся, греха не боимся... Приди ты ко

мне татарин, еврей, турка, — рази я могу его тронуть? Да для меня все равны, все братья, все ближние!... Господь сотворил одного человека и от того человека народились все люди, все народы... Все мы дети одного Отца Небесного, — все, стало быть, братья? — Братья по духу. Только по делам своим разделились: одни — добрые, другие — злые.

— Ну, а ежели, к примеру, турка возьмет нас, завоюет, тогда что? — спрашивает Иван Зиновеич.

— Он тогда нас возьмет, когда у нас любви не будет

— Да уж там как хошь... Только, к примеру говорю, ежели возьмет нас турка, что тогда делать, а?.. Ведь, поди, как-никак, а воевать все же придется?

— Зачем? — спрашивает Сютаев.

— А то как же?.. Неужели так-таки поддаться басурману?

— А меч духовный на што?

— Какой такой меч духовный? Что ты им сделаешь?

— Меч-то духовный?.. Меч духовный — любовь... Турки нас возьмут, а мы их в любовь

обратим. И будет у нас единство, и будем мы все единомысленные... И будет тогда всем добро и всем хорошо... Так-то, друг! Сказано в Писании: «возлюби ближнего твоего». А кто наш ближний? — Всяк человек, вот кто!.. Дух-от один во всех людях.

— Дух-от один, иначе веры-то, небось, разные.

— Да какая у нас вера?.. Один — так, другой — так. Один грабит, другой убивает... Все это расколы... Нет у нас веры! Вера одна, вера — любовь; а любви нет, значит и веры нет никакой.

Пользуясь удобным случаем, я начал расспрашивать Сютаева об его сыне, призывавшемся к отбытию воинской повинности.

— Говорят, твой сын, Иван, отказался принять присягу? Правда это?

— Правда. Сын мой не принимал присяги.

— Почему же?

— Почему? — горько усмехнулся Сютаев. — Нет, ты лучше скажи, к чему присягать-то, а?.. «К пролитию крови!..» «До последней капли!..» Да нешто это возможно? Где же это нам

указано, штобы друг дружку бить, друг дружку колоть, кровь человеческую проливать, а?.. Опять же Евангелие не приказывает клясться... «Не кляните-ся всяко, но да будет ваше слово; да-да и ни-ни». Как же можно клясться?.. И Тихон Задонский говорит, што присяга вредна.

— Говорят, твой сын не хотел ружья в руки брать?

— Не хотел, энто верно... За-чем его брать? Ведь ружье-то для убивства. А кого убивать-то, — убивать, когда они вси братья нам?..

— Что же с ним сделали?

— Садилы в карцер... Военный начальник меня спрашивает: «Энто твой сын?» — Мой, говорю. — «Можешь, говорит, ты заставить его слушать?» — Коли я добрые дела делать заставляю, должен слушать, а коли злые — нет. — «Заставь, говорит, его нас слушать, заставь, штоб он с ружьем встал».

— Нет, говорю, ваше благо-родие, энтого мне любовь не дозволит.

О дальнейшей судьбе своего сына Сютаяев, как можно было заключить из его слов, не имел

вполне точных сведений. «Взя-ли сына в Тверь, — рассказывал он, — а оттуда угнали в Све-аборг. Там его судили; осудили на два с половиной года в кре-пость».

— В какую крепость? — спрашивал я.

— В Шлис... Шлис-сельбургскую.

Это вполне правдоподобно, так как в настоящее время Шлиссельбургская крепость обра-щена, как известно, в военно-дисциплинарный батальон и туда заключают нижних воин-ских чинов за разного рода нарушения воинской дисципли-ны*). Но что теперь с сыном, Сютаяев не знает, так как давно не получал от него никаких из-вестий. Я не мог не заметить, что разговор о сыне поднимает в Сютаяеве горькие, тяжелые воспоминания, а потому пре-кратил свои расспросы и поста-рался дать другое направление нашему разговору.

*) См. наш рассказ: „Шлиссельбург-ская крепость“, помещенный в де-кабрьской книжке *Русской Мысли* за 1880-й год.

После некоторого перерыва в разговоре Сютаев обратился ко мне с вопросом: «что я думаю насчет рая?»

— То-есть, к примеру, где он будет, этот рай-от? — пояснил он.

— А по-твоему где? — уклонился я от ответа.

— По-моему-то? — в свою очередь переспросил Сютаев. И снова добродушно-хитрая усмешка засветилась у него в лице. — По-моему на земли, на земли, друг!.. Прямо обозначено, как отрезано все равно. Гляди вот... И он торжественно прочел 10-й стих V главы «Откровения» Иоанна:

— «И мы будем царствовать на земли!»... Слышь? На земли, брат, на земли, — радостно сияя, повторил он, и было что-то детски-наивное в его радости.

— Как же это мы будем царствовать-то? — спросил я.

— Коли мы добрые дела сотворим, то будет рай на земли, и будем мы в ем, в этом самом раю, царствовать.

— Да в чем же наше царствование-то будет состоять?

— Царство-то наше?.. Не будет грабежу, не будет убивства, дележа не будет, ссоры и драки не будет, найму не будет, торговли не будет (шабаш, брат? — усмехнулся он в сторону Ивана Зиновеича), денег не будет, — если братство будет, к чему деньги? Любовь будет, смиренность... Энтот где читается: «вся братия по духу?» Братолюбие будет, единство... Вот как мы будем царствовать!

— Стой, погоди! — перебил Иван Зиновеич, — ишь сколько наговорил! Что ты сказал: найму не будет?

— Не будет, — твердо, уверенно отвечал Сютаев.

— Что-ж, по-твоему, наем-от — грех, что ли?

— А ты как думал? Не грех?.. Почитай-ка в Евангелии, што о наемниках-то сказано... Кто нанимается — грешит, а кто нанимает — тот вдвое грешит.

Все вдруг замолчали. Иван Зиновеич сидел потупясь, очевидно, что-то обдумывая, что-то соображая. Но вот он поднимает голову и, обращаясь к Василию Кириллову, произносит:

— Это что ты разводишь насчет, значит, войны, насчет

найму, али опять насчет торговли — этому, брат, во веки не бывать... Н-да!

— Не бывать? — насмешливо, почти задорно, переспрашивает Сютаяев. — Ой-ли?

— Н-да!.. Вот тебе и ой-ли... Что ты, до самого дела, думаешь своей головой: неужто же начальство-то потерпит это, а?.. Вот помяни ты меня на этом месте, ничему-то этому не бы-

вать, — вот что ты говоришь-то, — то-есть ни в жисть!.. Пустые слова и больше ничего!

— Да отчего не бывать-то?

— Отчего?.. Говорят тебе — начальство этого не потерпит... Вла-ась, власть не допустит!

Но о том, что думает Сютаяев о «начальстве» и властях, поговорим потом.

VIII Деревня Шевелино

Прихотливыми зигзагами извивается речка Поведь. По зеленым холмистым берегам ее раскинулись поля, луга и рощи. На одном из таких холмов, вся в зелени, ютится маленькая деревенька Шевелино. В ней всего-на-все тридцать дворов; в этих тридцати дворах живет 88 душ мужского и 107 душ женского пола. От уездного города и вместе станции железной дороги Шевелино отстоит на расстоянии тридцати верст и от приходской церкви в 9 верстах. Крестьяне деревни Шевелина — временно-обязанные помещика Львова. До Львова, в те-

чение долгого времени, ими владел Сабуров, поэтому и до сих пор весь Шевелинский район слывет среди крестьян под именем „Сабуровщины", Сабуровской вотчины.

Считая необходимым дать читателю хотя некоторое представление об условиях экономической жизни шевелинских крестьян, я приведу здесь несколько данных относительно их наделов, посевов, заработков и т. п. Все эти сведения заимствованы мною из данных, собранных в 1879 году тверским статистическим комитетом для „Описания населенных мест

Тверской губернии".

Количество земли в десятинах: а) наделной, б) собственной всего селения и в) отдельных лиц.						
Усадебной	Пахотной	Сенокосной	Выгонной	Лесной	Всего удобной земли	Неудобной
а) 8	168	183	—	10	369	—
б) —	—	—	—	—	217	—
в) —	—	—	—	—	48	—

Отдельно собственную землю (в) имеют 6 домохозяев, из коих один — 17 десятин, трое — по 7 десятин и двое — по 5 десятин. Почва пахотной земли — супесчаная и суглинистая. Окладных душ мужского пола

считается 83. Размер надела на душу не превышает четырех с половиною десятин; на двор приходится 12 десятин.

Что касается разного рода платежей, то шевелинским крестьянам приходится платить:

Государственных податей	186 р. 87 к.
Оброчных и выкупных платежей	590 » 40 »
Земских повинностей	42 » —
Мирских повинностей	48 » 88 »

Всего . 868 р. 15 к.

Таким образом с каждой окладной души приходится в год около 10 рублей 50 копеек.

Скотом шевелинские крестьяне, сравнительно, довольно богаты. Так, во время нашего пребывания там, у них было: лошадей — 61, коров — 60,

яне, сравнительно, довольно богаты. Так, во время нашего пребывания там, у них было: лошадей — 61, коров — 60,

нетелей и телят — 15, овец — 60. Стало быть, средним числом, на каждый двор приходит-

ся по две лошади и по две коровы.

Посев и урожай в четвертях, за исключением семян: а) на наделе, б) на собственной земле.									
Р ж и.		Ячменя.		О в с а.		Картофеля.		Л ь н а.	
По-сев.	Уро-жай.	По-сев.	Уро-жай.	По-сев.	Уро-жай.	По-сев.	Уро-жай.	По-сев.	Уро-жай.
а) 61	183	20	80	102	306	30	120	5	12
б) 16	48	—	—	32	96	—	—	—	—

Сена шевелинские крестьяне накашивают до 5.000 пудов на наделе и 1.500 пудов на собственной земле.

Из общего числа домохозяев нуждаются в покупном хлебе 10 человек. Средним счетом они покупают в год 20 четвертей хлеба, на сумму 140 рублей.

Из числа принадлежащих к селению лиц в 1878 году находилось в отлучке по паспортам и билетам: на год — 13 мужчин и 1 женщина, на полгода — 21 мужчина и на срок менее полу-года — 2 мужчин и 2 женщины. Если эти цифры были вполне точны для 1878 года, то следует признать, что за последние годы общее число отлучающихся из

Шевелина на заработки еще более возросло. Женщины идут в услужение; мужчины для каменистых работ отправляются в Петербург и лишь немногие в Москву. В числе обывателей деревни Шевелина насчитывается грамотных 20 человек мужчин и 2 женщины. По отзыву лиц, близко знакомых с местными условиями Тверской губернии, следует признать, что население деревни Шевелина в экономическом отношении стоит несколько выше среднего уровня, существующего для крестьянского хозяйства Тверской губернии.

Чтобы ближе быть к Сютаеву и его семейству, чтобы чаще

видеться с ним и удобнее наблюдать отношения, установившиеся между сютеевцами и остальным населением, — я оставил Поведь и переехал в Шевелино. Василий Кириллов устроил меня в соседстве с собою, в большой, просторной избе, хозяин которой, богатый мужик, жил постоянно в Питере вместе с женою, а дома остава-

лась его мать, старуха, да маленькая дочка, лет тринадцати, да племянница, сирота, невеста. Все это были добрые, простые, душевные люди.

Воспользовавшись первым праздничным днем, я отправился к Василью Кириллову.

IX

В семье Сютеева

Изба Василья Кириллова — самая обыкновенная, ничем не выделяющаяся из ряда других крестьянских изб: старая, приземистая, темно бревенчатая, в три окна на улицу. Внутри избы на всем лежит печать опрятности: печь выбелена; пол, стены, лавки, стол — все это чисто вымыто, выскоблено. В переднем углу видна полка, «божница», на которой вместо образов лежит несколько книг. Тем не менее в избе есть образ Спасителя, но он висит не в углу, как это принято у православных, а среди стены, точно обыкновенная картина.

Семейство Сютеева состоит из жены его, Марфы Андреевны, и сыновей: Михаила, Дмитрия и Ивана. Михаил и Дмитрий женаты и имеют детей: у первого их двое, у второго четверо. Оба они, во время моего пребывания в Шевелине, были в отлучке, в Питере, на работе; дома оставались их жены и дети. О дочери Сютеева, Домне, я уже говорил; говорил и о младшем сыне его, Иване.

Жена Сютеева, еще крепкая старуха, всегда чисто одетая, с симпатичным, благообразным и умным лицом. Старшая молодуха, жена Михаила, Любовь,

наиболее словоохотливая и бойкая из всего женского персонала. Жена Дмитрия, Дарья, заурядная, толстая баба с добродушно-простоватым выражением лица. Дети — все мелкота: старшему, если не ошибаюсь, девять лет. По случаю дождя все они толпились в избе, играя и резвясь на полу.

Невольно бросилось в глаза, невольно поразило меня мягкое, любовное отношение всех членов семьи между собою; с детьми же все как-то особенно ласковы, как-то особенно кротки и любовны. У всех такие открытые лица, такие смелые, громкие речи, такое непринужденное обращение. Как-то сразу чувствовалось, что в этой семье, несмотря на многочисленность ее членов, царит мир, царит прочная взаимная любовь, без подавляющего авторитета «большака», без ехидства све-крови, без забитости невесток.

Сютаева не было дома, — он ушел проведать скот. Глядя на играющих детей, я спросил старшую молодуху.

— Это все внуки Василья? Твои дети и племянники?

— Да, по человечески так, —

ответила она, — внуки, племянники, — люди всяко зовут, всяких кличек надавали, — а по Божьи — все братья и сестры.

В избу вошел какой-то мужик, — как после оказалось, сосед Сютаева, — волосатый, цыганского типа, черный как жук. Его костюм свидетельствовал о достатке: на нем была суконная поддевка, рубаха из хорошего ситца и смазные сапоги. Вошел он, перекрестился на образ и, неуклюже мотнув головой по направлению сидевших на лавке, проговорил:

— Здорово!

— Здравствуй, — отвечала Любовь. — Садись, так гость будешь, — и тотчас же добавила: — все здоровкаемся, все — «здорово, здорово», говорим, а сами все немощны.

— Как немощны?... Чем? — спросил я.

Духом, духом немощны... Кабы здоровы были, не так бы жили, не так бы поступали друг с дружкой.

Пухлый мальчуган, в одной рубашонке, с круглым лицом и пухлыми голыми ножками, с светлыми, ясными глазенками, подобрался ко мне и начал те-

ребить мое платье, смеясь и выкрикивая что-то детским, ликующим, звонким, как колокольчик, голосом.

— Не крещеный! — проговорил черный мужик, обращаясь ко мне и указывая на мальчугана.

— Правда, не крещеный? — Обратился я к молодой (жена Сютаева хлопотала за самоваром).

— Верно не крещеный... Тебе на-диво? Не видал, чай, не крещенных-то, а?... А у нас только двое крещеных-то, а то все не крещены.

Ребенок точно понимал, что речь идет о нем; он весь сиял, подпрыгивал, хихикал, стучал ручонками о мое платье и, казалось, заливался от восторга.

— Отчего же вы не крестите?

— Полагаем, как быть все равно: што крестить, што нет. Будто как понапрасну крестить-то... Мы вот все крестились, а грех творим все равно что не крещеные. Крещение, сказано, покаяние. «Покайтесь и креститесь». А нешто ребенок может покаяться? Спаситель-то вишь тридцати лет крестился. Вырастет, в ум войдет, познает, — ну,

и окрестится.

— Что же познает-то?

— Истину... А то што же?... Истину познает.

— Как же он познает?

— Родители должны научать, отец с матерью... Без наученья ничего не выйдет.

Черный мужик отстаивал крещение в том виде, как оно существует у православных. От крещения он перешел к покаянию и причащению и начал горячо доказывать особенную, настоятельную необходимость этих двух таинств. В это время Сютаев вернулся домой; он также принял участие в общем разговоре. С первых же слов Василий Кириллов повернул спор на свою любимую тему.

— Я каждую минуту каюсь, в чем согрешу, — говорил черный мужик, отстаивая свою мысль, — Ежели обижу кого, каюсь.

— Да ты не видишь обидения-то, — возражал Сютаев. — Полосу свою пашешь, а сам думаешь, как бы другую прихватить...

— Ангелы прегрешают... Я говорю: грешен.

— Ты говоришь: грешен, а во

грехах не признаешься, от грехов не отстаешь... И опять же ты по-старому свою литию ведешь: опять по-старому па-шешь, по-старому делишь, торгуешь, — ну, и выходит, што ты, стало быть, фарисей.

— Ты за меня не будешь отвечать.

— Нет, буду, буду отвечать!... Все будем друг за дружку отвечать... А ты этого не знал?

— Чрез покаяние Бог грешников приемлет... Мало ли мы греха творим?... Каяться надо, исповедоваться перед Господом, — ну, тогда нас Бог и простит.

— Не-ет, друг милой, вреешь!... Тогда Бог простит, когда у нас любовь будет, когда у нас едино сердце будет, едина душа, когда все будет местное, общее, — тогда Бог простит.

И, помолчав немного, он снова обратился к соседу:

— Признаешься ли в любви жить, а?... Замков не надо?... Под замками-то небось у тебя украли?

— Ну, украли, — што-жь такое?

— Ну, а тогда воров не бу-

дет, — слышишь? — когда мы обчую-то жисть устроим, когда в любви-то будем жить... А теперь у нас раздор, во всех злоба, обман, суды, неправда...

— Не судите, сказано, да не судимы будете, — внушительно произнес сосед и, видимо, остался доволен собой: ему, вероятно, казалось, что он попал как раз в самое больное место своего соперника.

Но Сютяев оказался неуязвимым.

— Опять не то! — кричал он. — Не то, не то!... Должно всю вселенную судить, всю!... Спаситель пришел — всю вселенную осудил... Апостолы пришли — всю вселенную осудили.

— Не мы же... Нам далече до Спасителя.

— А што он сказал? «Идите за мной!»... Што этто обозначает, а? Как ты полагаешь?... *Его* следом надо идти: Он всю вселенную осудил — и мы можем осудить; Он проповедовал — и нам надо то же делать; Он страдал за добро, за проповедь — и нам надо страдать... Да, пора Господу Богу служить, — пора, пора, пора! Пришло время. Надо нам обман побеждать...

На столе появился самовар, который по своим колоссальным размерам, а отчасти и по форме, как нельзя более напоминал собою те паровые котлы, какие можно встретить на фабриках или заводах. Марфа принесла что-то в роде яичницы, корчашку с топленым молоком и несколько кусочков сахару. Начались угощения — радушные, задушевные.

Черный мужик, который давно уже как-то особенно пристально и пытливо поглядывал на меня, воспользовавшись перерывом в споре, подсел ко мне и начал с допроса: кто я такой, откуда и зачем именно приехал, — бывал ли я в Петербурге, и т. д. Покончив этот опрос, он принял несколько таинственный вид и начал:

— А што, хочу я тебя спросить, о енерале Пашкове слышал?

— Слышал.

— Может и видать доводилось?

— Видал... А что?

— Так, ничего... Может ты сам есть енерал Пашков?

Здесь кстати будет заметить, что г. Пашков пользуется боль-

шую известностью среди нашего сектантского населения. Этому главным образом содействует рассылка им повсюду разных книжек, в роде «Любимых стихов» и т. п., затем публичность его бесед. Газетные толки об этих беседах и проповедях также много способствовали его известности. Сектанты, отправляясь в Петербург на заработки или по торговым делам, обыкновенно считают своею обязанностью побывать на проповеди Пашкова. Говорят, он не только охотно помогает сектантам*), которые обратятся к нему с просьбой о помощи, но даже раздает деньги и тем из них, которые совсем не просят об этом. «Любимые стихи» и другая подобный книжки, распространяемые Пашковым, мне приходилось встречать среди молокан, сютаевцев, хлыстов, монтан, последователей «десно-

*) Очень вероятно, что Пашков, известный своею филантропическою деятельностью, с одинаковою готовностью помогает как сектантам, так и православным. Делаем здесь эту оговорку с целью отклонить от себя всякий упрек в желании выставить г. Пашкова каким-то столпом, опорой сектантства.

го братства» и т. д.; я встречал их в Тверской губернии, в Самарской, в Саратовской, в Нижегородской и в Тамбовской, и притом в самых далеких и захолустных углах этих местностей. По слухам и по рассказам самих сектантов, эти книжки можно найти и на Кавказе, и в Малороссии среди штундистов, и на Урале, и в Сибири, — словом, всюду, где только есть сектанты.

Сыновья Сютаяева также бывали у Пашкова, но они не внесли хорошего впечатления от его толкований Евангелия. Одному из сыновей Сютаяева Пашков, или кто-то из его ближайших последователей, дал 25 рублей. Молодой Сютаяев взял было эти деньги, но, продержавши их дня два у себя и раздумавши, возвратил их обратно, считая себя не в праве получать деньги «дарма».

Сам Сютаяев резко нападает на учение Пашкова. Он лично знаком с одним из последователей пашковского учения, живущим в Торжке. Особенно же он не может примириться с основной идеей учения Пашкова, с тем, что самое главное — это

вера, горячая, страстная вера, в то, что Христос спасет нас, как бы ни были мы греховны и каковы бы ни были наши дела, наша жизнь...

— Стало быть по-ихнему, — говорит Сютаяев, — можно все делать: и делиться можно, и торговать можно, — все равно, мол, Христос спасет грешников, только надейся крепче, веруй...

Эта мысль не может не возмущать Сютаяева, который учит, что главное — «жить», «жить надо наблюдать», «жить надо устраивать», и по учению которого самая вера есть не что иное, как любовь к людям... «А какая же любовь без добрых делов?» — говорит он.

Разговор переходил с одного предмета на другой. «Бабы» принимали в нем участие наравне с мужиками. Между прочим, когда зашла речь о духовенстве, жена Сютаяева рассказала следующий случай:

— Сидела я с дочерью, Домной, в гостях у Андрея Филиппова (Андрей Филиппов держал в это время харчевню в деревне Заполье). Входит священник Никольский, — входит, а сам чуть на ногах стоит: так его и

поносит, так и пошатывает из стороны в сторону, словно ветер качает. — «Где тут, говорит, у вас боги?».. Вынул крест, хотел было петь что-то, только увидал дочь — я прямо к ней. — «Андрей Филиппов! — говорит, — откуда ты, говорит, такую крелю достал?» — «Шевелинские, мол, батька, не ворожь!» — это Андрей-от ему говорит... Только поп не унимается: «Нельзя ли, говорит, ко мне на вечерок?.. Не пожалею, говорит, — полтинничек дам»... Начала я его стыдить: «Вот, говорю, так наставники ходят!.. Вот какое от них наученье-то!.. Ах, вы, — говорю, — озорники вы этикие!.. Глядите, мол, люди добрые!..» А он и ухом не ведет: лезет прямо к девке... Согрешила я, не утерпела: ухватила его за волосы я — ну таскать!.. *).

От священников разговор перешел на продажность, будто

бы существующую в православной церкви. По этому поводу Сютеев рассказывал:

— Дите у нас умерло. Говорит, надо хоронить, отпевать надо, — без этого, говорит, на том свете в царство небесное не примут. Ладно, хорошо. Пошел я к попу. — «Похорони, говорю, батюшка!» (Какое слово-то: *батюшка*!) — «Ладно, говорит, давай полтинник». — «Нельзя ли, мол, поменьше?» — Не соглашается. А денег у меня в ту пору всего на все тридцать копеек серебром было... Не согласился. Ушел я домой и думаю про себя: как так?.. За пятьдесят можно, а за тридцать нельзя? За пятьдесят примут, а за тридцать не примут?.. Не может этого быть!.. И увидел я тогда, што грешен я кругом.

— В чем же ты грешен?

— Да нешто можно о Божьем благословении торговлю заводить?.. Нельзя покупать, думаю, Божьего благословения. Коли сам не заслужишь, ни за какие деньги его не купишь... Ни за какие тысячи не купишь!.. А коли заслужишь, то и безо всяких денег получишь, што следует... Раздумал я все это,

*) Этот рассказ, как и все изложенное здесь, в этих очерках — голая правда. С удовольствием можем заявить при этом, что священник, о котором идет речь в этом рассказе, в настоящее время уже уволен от должности.

взял дите и сам похоронил — без попа, без дьячка, безо всего... Под полом похоронил!

Немного погодя он снова заговорил:

— Али опять, бывало, спросишь кого: был на духу? — «Нет, скажет, не был». — «А отчего не был?» — «Денег не было, с деньгами не собрался...» Ну, и выходит, што у вас за деньги грехи-то отпускают: есть деньги — отпустят, нет денег — не взыщи!.. Стало быть вы Божью-то благодать за рубли да копейки покупаете. Видно, у вас поэтому и в рай-от за деньги пускают... по такции!

Далее разговор коснулся, между прочим, икон. При этом Любовь, смеясь, рассказала:

— Как-то у нас старую избу поправляли, так мы в новую переходили. Все вынесли, одни иконы остались в углу. Ребятишки и смеются: «Ей, вы, боги, — говорят, — пойдем за нами!.. Коли вы боги, перейдите сами!..» Нет, небось, остались, не пришли.

Такое отношение к иконам вызвало протест со стороны черного мужика, — он горячо вступился за иконы. Сютаев по-

спешил успокоить его. Он заявил (передаю лишь общий смысл его возражения), что отрицание или признание икон есть вещь совершенно несущественная, второстепенная, из-за которой отнюдь нельзя людям расходиться между собою. Свое возражение он закончил так:

— Мы все оставим: посты, иконы, все (то есть оставим отрицание икон, постов), но единства не оставим, обчего не оставим.

Я постарался навести разговор на значение семейных отношений, как они понимаются сютаевцами.

— Жена, по Писанию, меньше мужа, — говорит Сютаев, — поэтому она должна слушать его, повиноваться ему.

Но тут у него является сомнение: в другом месте Св. Писания сказано, что во Христе Иисусе нет ни мужского пола, ни женского, ни раба, ни свободного а что все люди составляют одно и все равны между собою. Итак, с одной стороны выходит, что жена — как бы «меньше» мужа, а с другой — равна ему. Это сомнение так и остается у него до сих пор

не решенным. Он только заявляет, что «распорядиться над женой муж не может», не в праве.

Сютеевцы допускают семейный развод. В случае ссор, вражды и несогласия между супругами, они должны разойтись. Но если после развода он или она «в Господа придет», т. е. сознает свою вину и раскается, то они должны «соединиться сызнова». При разводе дети должны оставаться с верующим, т. е. с правою стороною (с отцом или с матерью). Для того, чтобы не встречалась необходимость в разводе, чтобы браки были «крепче», прочнее, нужно, чтобы родители отнюдь не приневоливали своих детей выбирать себе ту или другую жену, того или другого мужа. Родители должны с своей стороны только «советовать» сыну или дочери, но отнюдь не «приневоливать».

Из всего, что мне пришлось

видеть и слышать в семье Сютеева, для меня было ясно, что все присутствовавшие при разговоре члены этой семьи вполне солидарны между собою в своих воззрениях на церковь, на религию, на обязанности человека и его задачи; видно было, что учение Василья Кириллова глубоко запало им в сердце, что оно принято ими, продумано, усвоено. Здесь не было и намека на ту рознь, какая имела, например, место в семействе Ильи Иванова.

— Вы всегда так мирно, дружно жили, как теперь? — спросил я, обращаясь к «бабам».

— Што ты! Прежде всего бывало... Чуть што не до драки доходило... А как *познали*, сразу ссорам конец пришел. Злобы прежней уж и в помине нет... Куда и сердце девалось!

Х

Теория о добрых и злых властях

По временам, когда разговор наш с Сютеевым направлялся

на так называемые щекотливые вопросы и касался разных темных сторон нашего общественного строя, в речи Сютаяева слышались нередко такие ноты, которые как-то невольно навели на мысль: не было ли тут какого-нибудь постороннего влияния, какой-нибудь посторонней «пропаганды», которая дала бы толчок его мыслям в известном направлении.

Мне удалось близко сойтись с Сютаяевым и смею думать, что он был вполне откровенен со мною. Мы расстались с ним, как расстаются близкие друзья. Если б у него были какие-нибудь особенные встречи с интеллигентными или иными людьми, которые бы так или иначе повлияли на ход его мыслей, он непременно сообщил бы мне об этом. Но этого не было. Только однажды с ним был такой случай. Ехал он по чугунке. В вагон зашла речь о «писании». Сютаяев, по обыкновению, начинает развивать свои идеи о любви в мире. В разговор вмешивается кондуктор и начинает оспаривать Сютаяева.

— Откуда ты это взял? — спрашивает он Сютаяева.

— Почитай Послание к Галатам, тогда увидишь, откуда... Там прямо обозначено...

— Да ведь это для кого обозначено-то? Ведь для *галатов*... А ты думал для нас, что ли?

Это возражение показалось Сютаяеву диким и возмутительным. Он резко напал на кондуктора и разбил его на всех пунктах. Тут же, в вагоне, сидел какой-то молодой человек и внимательно вслушивался в речи Сютаяева. Он подсел к Василью Кириллову, и они потолковали с ним по душе. Сютаяев спрашивал молодого человека, который показался ему очень начитанным: каких книг следует больше всего придерживаться? Какого он мнения насчет старинных книг, почитаемых староведами, и из каких именно книг можно лучше всего «истину познать»? Молодой человек говорил, что на свете развелось много множество разных книг, что есть между ними хорошие, но много есть и худых, негодных, что в старинных книгах также «много есть кой-чего напутано», самая же лучшая книга — это Евангелие. Чтобы не сбиться с пути, необходимо держать-

ся Евангелия. Но его нужно уметь понимать, толковать и объяснять; поповское же толкование Евангелия неверно... Обо всем этом уже и раньше думал Сютеев; слова молодого человека только еще более укрепили его в его мыслях о значении Евангелия и «старинных книг». Помимо этой случайной, мимолетной встречи, у Сютеева, не было никаких столкновений с людьми, которые бы задавались целью повлиять на его воззрения в известном смысле. Вся его «вера», все его учение — есть результат его собственных дум, продукт его собственной работы мысли, без всякой посторонней помощи, без всякого влияния со стороны кого бы то ни было. Современная жизнь со всеми ее ненормальными, уродливыми явлениями — вот что единственно будило и направляло его мысль; «писание» только подкрепляло, освящало своим авторитетом выводы, догадки и заключения, к которым приводил его анализ общественных отношений.

Мы уже видели результаты этой работы, этого анализа в области религиозной и в обла-

сти социальной, — посмотрим же теперь, что думает Сютеев о наших гражданских, государственных порядках и учреждениях.

— Мы должны почитать высшую власть, — говорит Сютеев, — а внешняя власть должна заботиться о нас, о народе. Если же власть не заботится о народе, то я должен сказать ей об этом.

— Да... Так вот тебя и послушают! — иронически замечает обыкновенно на это кто-нибудь из присутствующих.

— За это, брат, как бы тебя против шерсти не погладили!...

— Очень даже просто... Шаровары скинут, да та-а-кими угостят горячими!...

— Любовь, братец, никто разорить не может, — возражает Сютеев. — Будем добрыми и власть будет добра.

Относительно моления за властей Сютеев говорит: «в Евангелии сказано, что нужно молиться перва за народ, а потом за царя. Теперь в церквях делают неправильно, молясь сначала за царя, а уж потом за народ».

— Властям нужно повино-

ваться... Но власти бывают добрые и злые. Власти, которые не внутренние, в сердцах не добрые — это злые власти. Они делают неправду, поэтому им не следует повиноваться, так как они запутывают нас, людей.

— Какую же неправду делают злые власти? — спрашивал я.

— А войну кто делает?... А оброки злые кто?... Опять же в острог кто сажает?... Все от ней идет, от злой власти!...

О судах наших Сютаев весьма невысокого мнения*).

— В судах правды почитай что совсем нет. Судьи должны судить по-евангельски, но никто не судит так. Правды в жизни нет, поэтому и судей таких ставят: пьяниц, злых, мздоимцев... На суде должны всякое дело рассмотреть, расспросить, а теперь другой раз на суде-то и слова не дадут сказать: «молчать!!».

Я попросил Сютаева подробно рассказать мне о том, что

происходило у него со старшиной, когда тот требовал уплаты податей.

— Пришел волостной насчет оброка. Я и спрашиваю: «кому, мол, оброк? Зачем оброк?» Показываю волостному Евангелие и говорю: «Ты — вышняя власть, ты рассуди мне». Волостной на Евангелие и глядеть не хочет. — «Я, говорит, не за этим пришел... Поддай деньги!» — «Я тебе деньги отдам, мне мол денег не жалко, только ты рассуди мне: кому оброк?» — «Начальству», говорит. — «Начальство должно быть доброе, говорю. Ты должен добрый оброк собирать, кроткий, а не то чтобы выколачивать... Грех насилем оброк отдавать... Рассудим, говорю, это дело: может тогда и оброку-то не надо будет, а?... Разберем!...» — «Пошел ты, говорить, к лешему, есть время мне с тобой валандаться!» — И почал меня ругать. — «А коли так, — говорю, — коли ты не хошь Спасителевы слова рассудить, нет тебе ни гроша!...» И почал он калитку ломать. — «Пусти!» — говорит. — «Не пущу! Коли ты не хошь слова Божие рассудить, ты, ста-

*) Необходимо заметить, однако, что при критике судов Сютаев главным образом имеет ввиду свои, крестьянские, волостные суды.

ло быть, не высшняя власть, а вор, хищник, грабитель! Вот ты хто!...» — «Ломай, говорит робята ворота!.. Он — бунтовщик!» — Разбили ворота. Взяли со двора: корову, лошадь, овцу... Увели, продали с аукциона, деньги себе взяли на оброк.

— Тем дело и кончилось?

— Нет, не кончилось, — волостной жалобу подал... Следователь Кротков разбирал наше дело.

— Ну, и что же?

— Ну, в суд новели... Я взял Евангелие, Тихона Задонского взял и пошел в суд. Один судья... как бишь его зовут?... Товариш... про... прокурора говорит: «В острог его надуть бесприменно, штобы не бунтовал...» А я говорю судьям: «Вы не меня судите, вы книги судите», — и показываю им Евангелие... Не взяли во внимание!... Осудили сперва на три месяца в острог, потом переменили — на семь дней... На суде волостной был, Тихон Иванов; он рассказывал, как то есть я его не пушал в дом за оброком. Я слушал, слушал, а потом и говорю судьям: «Дозвольте мне разок спросить Тихона Иванова». —

«Спрашивай», — говорят. Я и спросил: «А что, Тихон Иванович, как ты живешь: по духу, али по плоти?...» Он помолчал, а потом и говорит: «Я, говорит, по плоти живу». — «Ну, коли по плоти, то тебе и веры нельзя дать. По книгам по плоти живущие Богу угодить не могут, а стало быть и веры им нет никакой...» Што-жь ты думал? Волостной-от был враг, а теперь друг сделался. Теперь он из волостных вышел и все говорить: «Ужо покаюсь... Неверно мы живем, — ох, неверно.... Не сегодня-завтра, ужо покаюсь...» Денег мне как-то на оброк дал без расписки, безо всего... Я ему говорю: «Ты, Тихон Иванов, вор... Ишь сколько нажил добра разного! Разве энто не воровство? Все, мол, награблено у тех же хрестьян...»

— Что-жь он?

— Што? — Сам признается, што вор.

— Ну, а на другой год тоже ведь оброк собирали, — были у тебя?

— Как же, были... Я опять говорю: «Сделай милость, рассудим, к чему оброк?» — Старшина кричит: «Знать ниче-

го не знаю, подавай деньги!» — «А коли так, — говорю, — не дам...» Силком зашли во двор, опять лошадь да корову угнали. А я опять их обозвал ворами, хищниками, грабителями.

— Чего же ты добивался-то от них?

— Чего? — Он должен был научить меня: куда оброк, зачем... Высшняя власть должна быть добрая, — да, а не то штобы последнюю корову со двора сводить.

— Теперь же ты платишь, хотя тебе и не объяснили?

— Я и теперь то же говорю. Ни одного рубля не отдам так, штобы не сказать: воры вы, хищники, грабители... Только ж теперь меня не гонят.

На мои расспросы о том, каково вообще живут в их местах крестьяне, Сютеев обыкновенно отвечал, что крестьяне у них живут весьма «тосшо» (тошо) и скудно, и объяснял это явление так:

— Спервоначалу были обременены господами. Опосля того надел получили, надел махонькой. Земли дали худые, а теперь глядят, как бы и те оттягать. В Заполье господин двадцать де-

сятин у мужичков отрезал, — говорит: этто вам землемер лишних дал. Они судиться, хлопотать... Пользы не получили, а в долги влезли. Опять же народ в одиночество бросился, в раздели. А тут оброки злые. За подати скот продают, этим в остатки раззоряют.

Я спросил, часто ли бывают случаи продажи скота за недоимку.

— Ишо бы не часто! В Удальцове наемднись *кошку* с аукциона продали. Право слово, кошку! Пятнадцать копеек взяли. А все за подати, за оброки.

Как-то раз, после одного из подобных разговоров, Сютеев рассказал мне следующий случай из своей жизни.

— Думал, думал я об этом, — говорил он, — да и надумал: пойду к царю! Пойду, пойду и — кончено... Напишу ему прошение (такого человека найду, што напишет) духовное прошение, вложу этто прошение в Евангелие да так и подам ему.

— Что же ты хотел написать в прошении?

— Я-то? Хотел, братец... перво-на-перво, што Евангелия ништо не принимает: ни власти,

ни хрестьяне, — нихто не принимает, да! По Евангелию не поступают... А через то в народе тягота, обиды... Надумал, деревню бросил, пришел в Питер... Што же бы ты думал? — Не допускают. Не допускают и шабаш! Хотел как-нибудь инако да смелости нет... Што хошь, нет смелости да и только!

Известные события последних лет не могли, разумеется, пройти незамеченными Сютеевым. Стремясь разгадать неведомый, сокровенный для него смысл этих событий, Сютеев тщетно пытается уяснить себе причины этих страшных катастроф, кровавым следом прошедших пред нашими глазами.

— Ишо есть люди, особенные, на штундистов схожи по названью... Кто говорит — они из господ, хто — из поповичей... По Питеру ходят... Как бишь их... Да, штунденты!... Верно, верно — штунденты!... Слыхал?

Я сказал, что слыхал, объяснил ему, что это за люди, и затем спросил его, не знал ли он кого-нибудь из этих «штундентов».

— Нет, ни единого не зна-

вал... Только люди бают, што энти самые штунденты говорят: царя не надо... Не надо, говорят, царя... Кажись, царь ничего худого нам не сделал. Ну, не надо... Ладно... Што-жь тогда будет?... Вот про меня тоже говорят: он царя не признает, власть не признает. Только этто не верно: я злой власти не признаю, а добрую власть я признаю.

Теперь Сютеев, вследствие тех возражений, которые ему приходится постоянно слышать от православных о том, что «начальство не допустит» до устройства «общей жизни», о которой он мечтает, — начинает все чаще и чаще задумываться на тему о начальстве и власти.

— Какой тут вред! — говорит он. — Было бы за что гнать-то... Начальство должно понять, рассудить все должно. Тут вреда нет никакого. Окромя пользы нет ничего. Нужно собраться всем верным, нужно жисть устраивать. Может за этто и пострадать придется, только на этто не глядеть.

— Быть тебе судиму, Василий, — вслушиваясь в эти речи

и покачивая головами, говорят ему знакомые мужики.

— Я суда не страшусь!... На суду должны все рассмотреть. Соперники — священники, али другие какие народы — должны тут же становиться... Желал бы я суда! Надо все рассмотреть... Тихон Задонский — не спутавши ли он какое слово? Али в Евангелии — так ли все?... Подтвердить надо!

— Ишь что выдумал! — возражают ему на это разные «полированные» люди, в роде Ивана Зиновеича. — Как же, жди, будет тебе уголовный суд Еван-

гелие разбирать!... Ведь ишь чего захотел!... Да где-жь энто слыхано?

— Должон все рассмотреть... Все должон по порядку рассмотреть! — с жаром, с уверенностью заявляет Сютаев.

— Чу-удак!... Да коли закон воспрещает?

— Ах, брат, да ведь этто переменить должно, все по порядку переменить! Коли добрая власть, она должна тебя послушать, должна переменить...

XI

„Искание правильной веры“.

Как-то раз я спросил Сютаева, давно ли он научился грамоте.

— Двадцати лет я женился и сряду же начал учиться, — отвечал Василий Кириллов.

— Зачем же ты надумал учиться?

— Хотелось Писание читать... Нужно, думаю, познать закон Божий. Неверно мы живем, — ох, неверно! Надо по-

знать закон Божий, — не будет без того спасения человеку... Ладно. Купил азбуку, начал кое-что разбирать. Пошел в синодальную лавку...

— Где это было?

— В Питере. Купил Евангелие, Тихона Задонского купил. Начал читать Евангелие, — ну, только вижу, все не так мы живем.

— Кто же тебе посоветовал

эти именно книги купить?

— Священник в Питере. «Купи, говорит, ты Библию, Евангелие...» А я говорю: «От Библии-то, бают, люди зачитываются». — «Не верь, говорит, этому: мы век свой читаем да не зачитываемся».

— Ну, и что же, понравилась тебе Библия?

— Разные книги доводилось читать, но только лучше Евангелия не нашел... Тихон Задонский тоже остро пишет... Купил Евангелие, стал вникать, вникать и нашел ложь в церкви, ложь кругом, во всем ложь!.. Стал я искать правильной веры... Долго искал!... Только вижу, христианин дерется, еврей дерется, старовер дерется, православный дерется... Во всех верах раздор, убийство идет... Нет ни одной правой!... Языком вси веруют, а делов нет... А вера — в делах, вера — в жизни... В церковь можно ходить, можно и не ходить, а жисть нужно наблюдать... Правда штобы на всяком месте была, правда! Правда да любовь, — энто пушше всего...

— В ту пору я в Питере жил, маклачил; деньги наживал...

Доверие мне от хозяев было большое. По четырнадцати тысяч доверяли. У Корфа манумент делал... У нас лавка была своя на Волковом, манументами торговли... Цельные три года торговли, только и думали о том, как бы капиталу нажить побольше... В лавке-то у нас сын сидел, Митрий. Только он говорит: «Согрешаем, отец, — ох, согрешаем!... Много, говорит, греха в торговли. Надо, говорит, бросить...» Я говорю: «Хоть ишо годок поторгуй». — «Нет, говорить, не могу, — *трудиться* пойду...» И пошел.

— Что ж он теперь делает?

— Камень долбит, — каменотес, — отвечал Сютаев.

Он вдруг замолчал и задумался.

— Да, долбит... Только и тут неладно, — проговорил он в раздумьи.

— Отчего же неладно?

— Как тебе сказать?... На совесть работать, без ряды, — вместо пятидесяти хозяин двадцать даст... Наниматься... а што о наемниках-то сказано? — Наемник — хищник... Надо, штобы найму не было, штобы все значит сообча было... Когда

найму не будет, тогда и злобы не будет...

— Какой же грех в торговле? — спрашивал я Сютаяева.

— Обман!... Хотя у нас, к примеру: вещи были дорогие — памятники, манументы... Испортишь бывало, расколешь, а бросать жалко. Заделаешь, чтобы не видать было, и продаешь так... Другой божится, што все хорошо, а у самого... Сютаяев махнул рукой.

На это я возражал, что можно торговать «честно», не прибегая к подобным грубым обманам. Но Сютаяев не соглашался со мной и доказывал что всякого рода торговля непременно основана на стремления получить «прибыток», то есть возможно больший процент... А взимание процентов (рост), по мнению Сютаяева, страшный грех. «Энтото» не будет со временем, не может это остаться. Не может остаться такой порядок вещей, при котором один живет «дарма», не трудясь и не работая, на готовый капитал, на проценты, а другой бьется до кровавого поту из-за каждого куска хлеба. «Все должны сами трудиться, сообча, — единство должно

быть» — «за капиталом не гоняться, потому в капитале — наша гибель».

— Покончил торговлю, — рассказывал Сютаяев, — деньги все кой-куда извел и домой, в деревню, поехал.

Куда и как «извел» он деньги, вырученные от торговли «манументами», Сютаяев обыкновенно не говорит; но люди близкие к нему рассказывают, что по окончании торговли Сютаяев около 1.500 рублей (все, что у него осталось от торговли) роздал нищим в Петербурге; затем все имевшиеся у него векселя он изорвал в клочки.

Освободившись таким образом от ненавистного ему «прибытка» и «капитала», Василий Кириллов бросил Питер и отправился домой, на родину.

— Приехал в деревню, — говорит он, — вижу, любви у нас нет, — все за мздой гоняемся... И стал я разбирать: энтото к чему, то к чему... Стал с людьми советоваться, у священника стал спрашивать: «Батюшка, говорю, рассуди мне: как энтото понять? Как нам добрыми быть, как нам лучшими быть?..» Вижу, много мы исполняем, только все поль-

зы нет... Перво-наперво крест носить бросил.

— Отчего так?

— Лицемерно это: на воротах крест носим, а в жизни не несем, — за правду не стоим, за правду не терпим... К чему же носить?.. Ребенок о ту пору родился. Люди говорят: «крестить надо...» Думаю умом: зачем крестить? Мы все крещены, а живем хуже некрещеных. Крестились, а грех делаем, — какая польза от этого?... И бросил крестить.

Так мало по малу отрешался Сютаев от установлений православной церкви, так шаг за шагом шло его отпадение от господствующего вероисповедания. Хотя официально он по-прежнему продолжал числиться в среде верных сынов господствующей церкви, но сердцем он уже далече отстоял от нее; в этом сердце все сильнее и сильнее назревало чувство полного неудовлетворения, — назревало по мере того, как определялись его альтруистические порывы, как постепенно крепла его мысль. Связь дорывалась... Достаточно было самого незначительного повода, чтобы вызвать

его на окончательный разрыв с церковью, от которой, ему казалось, веяло холодом, мертвою формой. И действительно, за поводом дело не стало.

— На празднике это было, — рассказывал Сютаев. — Священник по дворам с крестом ходил. Пришел к нам в избу. Посадили его в большой угол и стали спрашивать... Может он, по праздничному делу, хмелен был, только он ни синя пороху не мог мне рассказать — как, што... Стал я его о крещении спрашивать: «Какого ишо, говорит, тебе крещения нужно? Палкой окрестить тебя, што-ли?» — Я ему резонты выговаривать стал... — «Знал бы, говорит, в купели тебя утопил». И почал браниться, — всячески называл: и дьяволом, и чертом... Я все молчу... Как перестал браниться, я ему и говорю: «Батюшка! объясни ты мне ишо одно место, и читаю ему из Послания к Евреям...

И Сютаев прочел 1-й стих 10-й главы Послания к Евреям: «И всякий священник ежедневно стоит в служении и многократно приносит одни и те же *жертвы, которые никогда не*

могут истребить грехов».

— О чем, говорю, тут сказано? О каких жертвах? Не о причастии ли мол? — и даю ему в руки Евангелие.

Он взял, прочитал, да ка-ак шваркнет его на пол, прямо под порог. — «Яйца курицу не учат!» — говорит...

— Страх меня взял... — «Што ты, батька, наделал? — говорю... А-я-я-я, грех какой!... Ведь это ты слово Божие!... Ведь оно у тебя в алтаре стоит, на престоле... энто самое только што корешок в бархате... Так-то ты считаешь Христовы слова!... Ну, говорю, с энтих пор я тебя не приму, нет!... Не учитель ты, а прямо сказать — волк! Слепец!.. А слепец слепца ведет, оба в яму упадут... Не надо мне тебя!...»

До сих пор Сютаев не может говорить об этом покойно; до сих пор в голосе его слышится сильное волнение каждый раз, как только заходит речь об этом случае из его жизни.

— С энтой самой поры и в церковь перестал ходить, вовсе бросил...

Так постепенно совершилось отпадение Сютаева от церкви.

Ни пашковцы, ни штундисты не играли тут ровно никакой роли. Сютаев оставил ездить в Питер еще задолго до того времени, как Пашков впервые выступил на сцену в качестве проповедника; он ни разу не был на его проповедях и собраниях. Затем ни в Киеве, ни в других местах распространения штунды Сютаев также никогда не бывал и ни с одним из штундистов никогда не встречался. Только год тому назад узнал он о существовании на свете штундистов: сыновья его прислали ему из Питера несколько номеров газет, в которых сообщались некоторые сведения о штундистах. Он читал эти газеты и ему очень понравилось учение штундистов.

— С нами сродственны, — говорит он об учении младоштунды. — Все праведно, все истинно!

Итак, потеряв надежду добиться с помощью церкви и ее служителей ответов на те сомнения, который терзали и мучили его душу и которые в сущности сводились к вопросу о том, «как нам добрыми быть, как нам лучшими быть», — Сютаев окончательно порывает

с церковью и с ее пастырями, полная нравственная несостоятельность которых воочию раскрылась перед ним. С этих пор он уже более не обращается в ним ни за советами, ни за разъяснениями. Он еще более, чем прежде, углубляется в «писание», вникает в него, и один, сам с собою, обдумывает вопрос, который всецело овладевает его сердцем, его головой: «как сделать, чтобы грешники не грешили, воры не воровали?»

Результатом этого «вникания» и чтения, этих дум и размышлений была теория «общей жизни». Уверившись, что это именно то, о чем он так долго и так страстно мечтал, Сютеев решает немедленно же оповестить о своем открытии всех своих «ближних». Это делалось не из тщеславия, а единственно потому, что он считал себя не в праве скрывать от людей открытие, с помощью которого, как он глубоко верил, неминуемо должны были водвориться на земле и правда, и любовь, и братство. Он просил своих односельцев собраться всем вместе. Прием, употребленный им для убеждения своих слушате-

лей, чрезвычайно оригинален. Дело происходило так.

Когда все собрались, Сютеев, обратившись к одному из стоящих подле него мужиков, спросил:

— Ты, Никита Иванов, вор?

Все не мало удивились такому вопросу, так как все знали Никиту за хорошего, честного мужика.

— Пока Бог миловал, — отвечал Никита.

— А ты — вор? — обратился Сютеев к другому соседу.

— Избави Господи! — отвечал тот.

— А ты как, вор? — спрашивал Сютеев следующего. Но и тот оказался тоже совсем не вором. Таким образом всех переспросил Сютеев и не одного вора не оказалось.

— И я тоже не вор, — в свою очередь заявил Сютеев, окончивши опрос. — Все мы, выходит, не воры, — продолжал он, — зачем же мы живем хуже воров? Зачем у нас замки, запоры? От кого энто мы запираем, коли все мы не воры?... Зачем у нас сторожа, зачем загороды?... Зачем у нас межи, али опять участки?... Зачем мы всякий

прутик разделивши?... И пошел, и пошел.

Нарисовав картину всех тех непорядков, какими, по его мнению, изобилует современная жизнь людей, он вслед за тем торжественно указал на средство исцеления от всех тех недугов, что удручают людскую жизнь. Мы уже знаем, в чем именно состояло это сродство, а потому я не буду приводить здесь его речей, обращенных к его односельцам. Скажу только, что эти речи заставили многих из них крепко задуматься.

Мы уже не раз имели случай убедиться, что у Сютаяева слово не расходится с делом. Раз он убедился, что от крещения «пользы нет», он немедленно же перестает крестить своих детей, нисколько не заботясь о тех последствиях, которые неминуемо должно было повлечь за собою такое решение. Убедился он, что всякого рода погребальные обряды — людская «пустая» выдумка, и он тотчас же отрешается от этих обрядов, тотчас же перестает следовать им, совершенно пренебрегая теми преследованиями, которые обильным дождем

сыплются на него за столь дерзкое нарушение обычая, всеми принятого, всеми исполняемого. Решил он, что война — грех, «неправда», и вот он рад, когда его родной, любимый сын открыто, смело заявляет, что его язык не повернется для слов клятвы, в которой говорится о «пролитии крови человеческой», что рука его не прикоснется к оружию; его не смущает даже мысль о том, что это геройство дорого обошлось его любимцу. Он от всего сердца «жалеет» его, как сына, а в душе гордится им, как гордится учитель своим достойным, славным учеником. Решил Сютаяев, что торговля — грех, что всякого рода «прибыток», «капитал» — тоже грех, и вот он бросает торговлю, раздаете нищим деньги, вырученные не столько от этой торговли, сколько добытые тяжелым, упорным, поистине кровавым трудом каменотеса, рвет в клочки векселя, оставшиеся от торговли.

С тою же самой последовательностью относится Сютаяев и к вопросу о реализации идей „общей жизни". Проникшись

этой идеей, он прежде всего спешит по возможности провести и применить ее к своей жизни. Начал он с того, что снял всякие запоры с ворот и калитки, снял отовсюду замки и забросил их, открыл клеть, открыл амбары и сарай, перестал городить „загороды". Затем он принялся всюду проповедовать эту идею. Ему удалось даже устроить целую братскую общину, основанную на общении имущества и труда во имя христианской любви, — общину, о судьбе которой мы уже упоминали в начале настоящего очерка и о которой когда-нибудь впоследствии мы поговорим подробнее. В это же время Сютаев оставил всякие занятия по хозяйству и сделался пастухом „общого скота". У Сютаева начались покражи. Долгое время он не обращал на них никакого внимания. Как относился он к этим покражам, можно видеть, например, из следующего случая.

Однажды через Шевелино проходила какая-то женщина. Остановилась она у Сютаева. По обыкновению, ее накормили, напоили и уложили спать.

Поутру она встает и видит, что клеть стоит не запертою, амбары не заперты, сундуки без замков. Открыла она сундук и видит платья женские, платки, юбки, — соблазнилась. Вынула юбку, еще кое-что, завязала все это в „жгулек" (узел), а затем тихонько вышла из дому и направилась через поля. Но на полях, как на грех, был народ; видят — идет незнакомая баба, несет жгулек с пестрым платьем и все оглядывается. Ее заподозрили, спросили, „где ночевала", — и когда узнали, что она ночевала у Сютаева, то подозрения еще более усилились, так как всем было известно, что у Сютаева все открыто, все „настежь", не заперто. Потребовали, чтобы баба с жегульчком вернулась и дошла с ними до Сютаева, с целью удостовериться в справедливости ее слов, но баба не хотела этого сделать и попыталась бежать: тогда ей связали руки и повели в деревню, к Сютаеву. Привели. Кража обнаружилась. Приходит Сютаев и говорит:

— Зачем это вы ей руки-то связали?

— Не воруй! — говорят. —

Для того воров и вяжут, чтобы не воровали.

Сютаев посмотрел на всех, покачал головой и говорит:

— А мы-то сами кто такие?... Посмотрите на себя-то, — разве мы не воры?

— На суд ее представить... Там разберут.

— Зачем на суд? — возражает Сютаев. — Суд в острог посадит... А окромя этого суд ничего не поделает. Будет она сидеть, — какая польза от этого?... Кабы у нас все обчее-то было, — не было бы у нас тогда воров и суд был бы тогда обчий и не такой... не то, чтобы в заключение, и — шабаш!

— Да ты ей хоть по шее-то накладывай, чтоб она на предыдущее время опаску имела, — советуют Сютаеву.

Жена Сютаева, Марфа, разбирает жгулек и ворчит:

— Ишь какие воровки ходят!... Их кормят, поят, а они только и глядят, как бы стащить што...

— Полно, Марфа, браниться, — говорит Сютаев, — дай ей лучше обедать... Накорми и пусть себе идет с Богом.

Время шло, а кражи из двора

и дома Сютаева не только не прекращались, а наоборот — все усиливались. Чаще всего ворами являлись прохожие, странные люди; затем свои шевелинские ребята, молодые парни из числа не принадлежащих к братской общине, тащили хлеб из сютаевских амбаров каждый раз, когда у них являлось желание выпить или опохмелиться. В конце концов эти кражи заставили Сютаева вернуться к замкам и запорам. Но он и теперь признает эти порядки ненормальными, сильно тяготится ими и скорбит сердцем об уступке, которую вынужден был сделать.

— Открыл клеть, — говорит он, — меня кругом обокрали. Должон был замки повесить... Идите за мной, сичас все отопру, все замки заброшу...

Эта неудача однако не прошла для Сютаева даром, — он извлек из нее полезный урок. Благодаря этой неудаче, он убедился, что отдельные, единичные попытки переустройства жизни на новых началах правды и любви не могут привести к желанной цели, если вся окружающая жизнь будет по-

прежнему оставаться на тех же самых устоях неправды, злобы, „найма“, „капитала“ и т. п. Теперь он мечтает о том, чтобы устроить новую „общую“ жизнь в целой деревне, в целом селе или в поселке — в Шевелине, в Удальцове, или в каком-нибудь другом — это все равно, но, главное, непременно так, чтобы все селение целиком вошло в общину.

Несмотря на фиаско его братской общины, Сютеев и до сих пор остается пастухом и ничем больше, хотя теперь ему приходится пасти уже только свой собственный скот. У него много скота, он необыкновенно любит его, заботливо ходит за ним, холит его.

— Мне их жалко, суседей своих, — говорит он, — вот как жалко!.. Ругаются промеж собой, ругаются на животину, на коней... Пашут, а сами на лошадей: «стерва», «проклятая»!.. Ах, вы мои желанные! Да какая же она стерва? Какая же она проклятая?.. Господь дал, от них питаемся... Наемников нанимают пастухов, на поругание им скотину отдают... Пастухов надо выбирать добрых,

благочестивых.

Односельцы просят его взять пасти и их скот, предлагают ему за это жалованье.

— Не надо мне вашего жалованья, — говорит Сютеев, — не хочу я по жалованью... ***Жалованье-то наемники берут... Устроим жисть по Писанию,*** чтобы все было общее, тогда с радостью буду гонять весь ваш скот без всякого без жалованья.

Стремление «устроить жисть» на новых, справедливейших началах, „по Писанию“, „по Евангелию“ — до сих пор составляет пламенную мечту Сютеева и в то же время учение об этом устройстве является главным догматом его „веры“.

Меня не мог, конечно, не интересовать вопрос о том, как относится окрестное население к Сютееву и его учению. Бродя по соседним деревням, встречаясь с мужиками и бабами в поле, посещая их избы и принимая их у себя в качестве гостей, за бесконечным чаепитием я, так или иначе, почти всегда навел разговор на Сютеева.

Известная часть населения относится к Василию Кириллову отрицательно: из них одни глядят на него так сказать свысока, другие — с насмешкой. Это большею частью наиболее богатые, наиболее зажиточные или же „полированные" люди. Припоминая их отзывы о Сютееве, я убеждаюсь, что этих людей всего более возмущает то обстоятельство, что вот, дескать, простой, серый мужичонка, без капитала, без достатка, даже без „полировки", какую гордыню забрал в свою голову, что считает себя умнее всех — и архиереев, и начальников разных, и митрополитов и т. д., никому не верит, никому не покоряется...

Другие говорят Сютееву:

— Ты все толкуешь, все толкуешь, а делов у тебя настоящих нет. Ты возьми да сотвори чудо, тогда мы тебе поверим. Коли ты святой, вот тебе река, перейди ее, тогда мы тебе поверим.

— Он Библии начитался, а ведь это такая книга, что подалее почитать ее, так, пожалуй, все бросишь, — даже, говорят, некоторые рассудком

мешаются... Мы ему смеемся, говорим: уж ты лучше брось трудиться, *живи духом!*.. Ступай в пустыню...

Но рядом с этим можно встретить и таких людей, в которых явно замечается склонность представить Сютеева святым человеком, угодным Богу и находящимся под Его особым покровительством.

— Много ли скота у Сютеева? — спросил я однажды молодую девушку, соседку Василия Кириллова.

— Много, — отвечала она. — Сколько уводили, уводили со двора, а все много. *Они* уводят, а Бог ему невидимо дает, все больше да больше посылает... Ворота ломали, с аукциона продавали, чуть-што не даром отдавали... Только кто и купит его скот — и тот не возрадуется... Корову купили поведские — пала, лошадь купили — охромела, ногу сломала... Известно, уж это Бог посылает.

Приходилось мне толковать о Сютееве со староверами. Те чуть ли не больше всего удивляются урожаям Сютеева.

— Дивное дело — говорят они: — Богу не молится, навер-

ное знаем, доподлинно знаем, што не молится, и креста не несет, — а хлеб родится... Чудное дело!

И они разводят руками с видом полного недоумения.

Обращался я за справками о Сютееве и к местному начальству, к сельскому старосте; здесь мне пришлось выслушать самую лестную характеристику Сютеева.

— Василий Кириллов с-роду не ругался, — скверного слова от него никто на веку не слыживал... Водкой в жисть свою не напивался... Ото всего (худого) отбегает... Всем, чем может, помогает... Станных, прохожих завсегда принимает, — никому отказа нет... Первый, можно сказать, хрестьянин во

всей деревне — так аттестовало Сютеева его ближайшее, непосредственное начальство.

Далее, на мои расспросы о Василье Кириллове, слышались такие отзывы:

— Как быть, ничего худого мы от него не видим... Добру учит.

— Все хорошо делает. Одно худо: посты нарушил, иконы нарушил.

— Кабы он ишо сотворил пост да молитву, его дело было бы правое.

— Кроме добра ничего от него не видим.

— Ежели бы так-то жить, как Сютеев-то, тогда бы и судов не надо.

—————

XII

«Пропаганта»

— И хто этто печатает, хто этто составляет! — дивился бывало Сютеев, перебирая лежавшие у меня в чемодане газеты, журналы и книги. — Обо мне хто-то напечатал... Газету сын из Питера прислал... Сам читал:

«Василий Сютеев» — так прямо и написано. Только одно понимаешь, а в другом месте совсем не поймешь. Все прочитаешь, и раз, и другой прочитаешь, — написано много, а не поймешь... Отчего бы этто так?... Вот в ко-

тором месте обо мне было писано, одного слова не могу крепко понять, — што хошь делай, не могу и — кончено!

— Какого слова?

— Стой ужо! — Он видимо припоминал. — Да-да, вспомнил: «про... про-по-ганта», — этого самого слова! Што оно такое? Обозначает што, али так? К чему оно приведено?... «Пропаганта!..» Чудно! «Сютаев, — сказано, — пропагандой не занимается».

Я объяснил ему значение и смысл этого слова. Сютаев внимательно выслушал меня, подумал, а потом и говорит:

— А ведь этто слово неправильно.

— Как так? Почему неправильно?

— Потому я пропагандой занимаюсь. Нельзя без этого, нельзя без проповеди, — никак невозможно! Надо проповедовать людям... Надо друг дружку научать. Без наущенья ничего не будет.

По мнению Сютаева, как мы уже видели, нужно не только проповедовать, но и проводить свое учение в жизни; последнее как нельзя более способствует

пропаганде учения. С целью доказать справедливость этой мысли, он рассказал мне следующий действительно поучительный случай.

Незадолго до моего приезда в Шевелино, к нему явился один отпускной солдат из деревни М. В. (Новоторжского уезда). Солдат этот сообщил ему, что он служил рядовым в г. Торжке в то время, как сын Сютаева, Иван, призывался к отбытию воинской повинности. Сколько мне помнится, этот солдат в числе других конвоировал Ивана Сютаева, когда этого последнего препровождали в Свеаборг. Как бы то ни было, но он вволю наслушался речей молодого Сютаева о необходимости нового «устройства» жизни с общим имуществом и общим трудом. Эти речи как нельзя более пришлись ему по душе, запали в сердце. Вернувшись в отпуск, домой, в деревню М. В., солдат начал рассказывать своим родным и односельцам все то, что он слышал от Ивана Сютаева. Родной брат его, крестьянин деревни М. В., «еще крепче ухватился» за слова и учение Сютаева; ему еще более,

чем его брату-солдату, при-
шласть по душе мысль об
устройстве «общей жизни». И
вот он начинает просить своего
брата, чтобы тот сходил в Ше-
велино, разыскал там отца Ива-
на Сютеева и предложил бы ему
такую дилемму: не хочет ли он,
Сютеев переехать со своей род-
ней и всеми единомысленными
к ним, в М. В., чтоб устроить
«жизнь сообща», «без дележа и
найма», или же, в противном
случае, они, братья, бросят
М. В. и переедут со своими се-
мействами к нему, Сютееву, в
Шевелино, чтобы там зажить
братской общиной. Вот с этим
самым поручением и приходил
к Сютееву, незадолго до моего
приезда, солдат из М. В.

— Что ж ты сказал солдату?
— спросил я.

— Сказал, чтобы на Петров
день нам беспременно съехать-
ся всем вместе, чтобы потолко-
вать да рассудить все хоро-
шенько... А там — што Бог по-
шлет!...

— Ну, а покоришься сын, —
продолжал подумавши Сютеев,
— ничего бы этого не было.
Сходи он к присяге, возьми ру-
жье в руки, — ничего бы этого

не было. А теперь, вишь, слух
пошел, разговор пошел, пересу-
ды, в газетах пишут... Вот оно
так и будет переходить друг от
дружки, а там, глядь, и соберут-
ся все верующие вместе и
устроят жисть по Писанию, за-
ведут все общее и не будет ни-
кого нуждающегося!

Сютеев замолчал. Молчал и
я, обдумывая его речь. Только
вдруг в избе раздается:

— А сыну-то, чай, за решет-
ками невесело!

Это замечает сосед Сютеева,
присутствовавший при разгово-
ре. В тоне, каким брошено это
замечание, слышится явное же-
лание уколоть рассказчика. И
действительно, цель достигну-
та: Сютеев, точно уколотый,
вскидывает голову, пыливо,
грустно смотрит в глаза соседа
и — скорбная, горькая усмешка
светится в чертах его маленько-
го, точно скомканного в комо-
чек, лица.

— Спасителя-то, друг, — за-
говорил он после длинной пау-
зы, — живого на кресте распя-
ли, гвоздем приколачивали, по
живому телу, копьем ребро
прободали...

Весьма интересным вопро-

сом представляется вопрос о численности последователей Сютаева. Я уже говорил, что следователь по особо важным делам, производивший следствие по делу о возникновении этой секты, определяет число последователей Сютаева в 1.000 человек. Могу с уверенностью утверждать, что цифра эта чересчур преувеличена, — в действительности сютаевцев можно считать только десятками. Другое дело, если говорить о всех сочувствующих новому учению, о всех, кто признает это учение «правым», — таких можно встретить целую кучу среди населения окрестных деревень. Но дело в том, что сютаевцы только тех считают своими, кто на самом деле стремится устроить свою жизнь сообразно тому идеалу, который они выработали и который считают своим долгом проповедовать везде и всюду. Наконец многих из тех, которые желали бы открыто присоединиться к «Сютаевской вере», удерживает страх пред гонениями и преследованиями со стороны властей.

— Многие есть такие, что на дороге стоят познать Христа, —

говорит Сютаев, — и познают другие; но штобы вполне — не могут.

— Отчего же?

— Гониму быть не могут... Страшатыся!

Во время моего пребывания в Поведской волости, многие из последователей Сютаева находились в отлучке, в Питере, на работах, поэтому я не имел, разумеется, возможности видаться с ними. Затем, — по мотивам, понятным, надеюсь для каждого, — я не называю здесь и тех из его последователей, с которыми мне пришлось познакомиться лично. Единственное исключение я сделал для Ильи Иванова, и то только потому, что о нем, как я упоминал в начал этого очерка, уже возбуждено дело местной администрацией. Что же касается до самого Сютаева, то о нем уже давно прокричали все газеты, да наконец и самые власти давно и хорошо знают его, так как вот уже несколько лет, как он постоянно судится, постоянно привлекается к следствиям и дознаниям и даже в настоящее время состоит под судом за уклонение в ересь. Мне могут

возразить на это, что мой откровенный рассказ об учении и стремлениях Сютеева если и не отразится на его судьбе в виде какой-нибудь экстраординарной крутой меры, то во всяком случае может заставить суд и власти строже, суровее отнестись к этому человеку. В ответ на такое возражение я попрошу пробежать нижеследующие строки.

Узнавши о том, что я пишу в журналах и газетах, Сютеев не только не сделался скрытнее и сдержаннее по отношению меня, но, совершенно напротив, видимо еще более расположился в мою пользу, сделался еще более откровенным и словоохотливым со мною. Он не только с полной охотой дал мне разрешение описать его учение, но даже несколько раз сам настойчиво просил меня об этом. Я считал своим долгом предупредить его, что опубликование его учения может навлечь на него серьезный неприятности и даже, быть может, строгие преследования со стороны или местных властей, или духовенства. Но обыкновенно он не давал мне договорить об этом и каждый раз с жаром пе-

ребивал меня:

— Пустое, все это пустое!... Сказано в Писании: «и погонят тебя из города в город, из деревни в деревню, и поведут тебя к царям и правителям...» Ну, и пусть гонят, пусть гонят!... Я не страшусь, ни капельки не страшусь!... Я рад буду. Меня куда хотите возьмите!... А ты, Александр, уж сделай такую милость, опиши...

Иногда, после своих длинных речей о «добрых и злых властях» или бесконечных толков об «общей» жизни всех людей в мире и любви, — он вдруг смолкал и замечал мне:

— Я все думаю: помоги тебе, Господи, все это написать, чтобы вычитывать потом...

Раз как-то он, увидав у меня в чемодане оттиски моих статей о сектантстве, начал просить их прочесть. Я дал ему статью о значении сектантства, предупредивши, что вероятно многое в этой статье останется непонятным для него. Дня два он разбирал эту статью, многого, разумеется, совсем не понял, но он все-таки сумел вычитать в ней две вещи, которые необыкновенно понравились ему: это

именно учение штундистов и особенно жизнь общих.

— Ну — сказал он, придя после этого ко мне, — вижу, ты можешь произвести... Ах, как оно пишется, как оно пишется!... Кабы вы приехали, да этак перед народом почитали... Ах, ведь оно видно, видно... ах! Обчие-то, а-я-я!... Жисть-то какая у них!... Уж тут некуда украсть!... Нет, брат, некуда! Да и не к чему уж будет, — *у всех* изобилие будет.

С этих пор он все чаще и чаще начал обращаться ко мне с просьбой описать его учение. — Соверши-ка хорошую газету, Александр, — говорил он, — чтобы все познали истину!...

На слова Сютаяева о необходимости проповедовать учение «общей жизни», любви и мира, православные его собеседники нередко указывают ему на то, что подобного учения «власть не потерпит».

— Затеснят, — говорят они ему.

— Затеснят? — переспрашивает Сютаяев и задумывается. — Это точно, бывает, — говорит он подумавши. — И у нас здесь были допрежь люди, в Соснин-

ке жили, по чугулке... Народ стали учить... Што ж бы ты думал? — заслали ведь, да-алече угнали!..

Он не мог мне хорошенько рассказать, чему именно учили эти засланные люди; но из его слов было ясно, что это были какие-то сектанты.

— Да, заслали, — говорит Сютаяев. — Только надо проповедовать, надо научать!... «Собирайтесь и толкуйте Евангелие», сказано в Писании... Ежели берут кого и угонят, — продолжает он, — не рассмотревши, кого бы, кого бы, и все его — неправда!... Теперь опять в острог берут: сидит там, — воров выходит оттуда пуще того... Ни один не выйдет, чтобы лучше, а все хуже... Пользы нет никакой... А сажают, все сажают... Высшняя власть, коли она добрая-то, должна это дело рассмотреть...

— Люди говорят про тебя, што ты по сютаяевской вере приехал... Говорят мне: угонять тебя, Василий, возьмут...

— Что ж ты думаешь об этом? — спрашивал я.

— Я не боюсь осуждения (суда). Говорят, в ссылку уго-

нят, в острог запрут, — не боюсь. Я боюсь только одного — душу загубить. «В арестантские роты тебя», говорят мне люди.

— Чего ж вы боитесь, ребята? Ведь и там люди такие же... Мало ли загнавши людей!... Иду я вечер в кузню, мужичок встретился знакомый. Остановились. — «Вас, говорит, этиких-то, слышно, угонят... В одно место будут собирать, на Капказ, на поселение». — Ну, што ж, говорю, угонят, так и ладно. Бог и там все один. И там люди... Я и там буду то же говорить... И там газеты есть, — будем вычитывать... Ребята! — говорю, — што этто вы обо мне-то все толкуете, вы о себе-то поговорите... А я не страшусь!... Вот скажите мне: закопаем тебя в яму живого, — не устрашусь!... Пусть гонят. Этто и должно... Я жду!... Берите меня, — я страдать хочу!...

Наступило время отъезда из Шевелина. Сютеев предложил довезти меня до Торжка на своих лошадях. Я принял это предложение, но спросил его, что

это будет стоить. Мой вопрос дал Сютееву повод еще раз распространиться о том, какой грех, какое зло наниматься, продаваться, брать деньги и т. д. Он уверял меня, что ему предстоит какая-то надобность побывать в Торжке, а потому я не должен ничего платить ему; в заключение же он наотрез отказался брать с меня деньги. Но когда я с своей стороны категорически объявил ему, что не поеду с ним, если он не возьмет с меня платы, — Сютеев с видимой неохотой предоставил мне право определить эту плату, замечивши, что для него «чем меньше получить, тем лучше».

Рано утром пара крепких сютеевских лошадок вывезла нас из Шевелина. Еще с вечера испортилась погода, целую ночь шел дождь; дорога размякла, колеи наполнились водою; неподкованные лошади скользили по глинистой почве, и наша телега чуть-чуть подвигалась вперед. А дождь не утихал ни на минуту: он то сеялся и моросил мелкой водяною пылью, то разражался страшными ливнем. Укрытые с головы до ног армяками и полостью,

неподвижно сидели мы в телеге. Через туман и дождевую сетку скудная природа Тверской губернии казалась еще более серой, бедной, невзрачной... Вдали, чрез туман, показалась какая-то деревнюшка.

— Что это за деревня?

— Ям прозывается, — отвечал Сютаев. — Чудная деревня! Тут почитай што все перебойкой занимаются...

— Какой перебойкой?

— Муку перебивают. Скупают в Питере гнилую да подмоченную муку, сушат ее, а потом за хорошую продают... Много греха тут! Только они энтим издавна живут. Сами энтим питаются да и детей своих тому же научают... Так зло и идет из рода в род.

И помолчавши некоторое время, он добавил:

— Потом, со временем, ничего энтото не будет... Коли любовь будет, то уж обману не бывать... Тогда и гнилой-то муки не будет.

В другом месте мы проезжали чрез какое-то большое село. Длинными рядами тянулись маленькие, жалкие крестьянские избы; среди их резко выделя-

лись два-три дома, выстроенные на городской лад, обитые тесом, ярко раскрашенные, с разрисованными ставнями.

— Чьи это дома? — спросил я.

— Энти? — Богачей, мироедов, кулаков, по-нашему.

Он поправил возжами веревочную шлею на пристяжной и, обратившись ко мне, проговорил, старательно подчеркивая слова:

— *Тогда* у всех такие дома будут.

Я притворился, что не понимаю его намека, и переспросил, когда это *тогда*.

— А когда устройство будет... Когда все общее будет... Вот когда!... А теперь богач-то на бедного и глядеть не хочет... Я им говорю, богачам-то: забыли, что Христос выюноше сказал?... Смотрите, говорю! Капиталы вас не спасут, а только пушше загубят...

Сютаев глубоко, веем сердцем, верит в то, что «устройство» рано или поздно непременно водворится на земле... Некоторое время мы ехали молча. По лицу Сютаева, сидевшего рядом со мною, было видно, что

он обдумывал что-то.

— Это так не пройдет! — с уверенностью сказал он. — Когда ли, да будет.

На этот раз я уже не переспрашивал его, что следует разуместь под словом „это"... В Торжок мы приехали вечером, часов в пять. Остановились в доме какой-то мещанки, которая „пускает проезжающих". Целый вечер мы провели вместе с Сютеевым. вместе ходили по городу, делали закупки; вернувшись домой, пили чай.

— Последний разок с тобой чайку напиться, — говорил Сютеев, разливая чай на блюдечко. — Может и век не видаться... — И в голосе его слышалось глубокое, искреннее чувство.

Мы начали говорить о том, как бы нам повидаться зимой. Я приглашал его приехать в Москву, куда я рассчитывал вернуться к зиме.

— Не пожалел бы ничего, приехал к тебе... Если денег не будет, — в долг залезу, а приеду, — говорил Сютеев. Его мягкая, привязчивая натура так и сквозила в этих словах.

Приближался час отхода по-

езда. Нужно было спешить.

— Не опоздай смотри, — заметил Сютеев. — Давай я чемодан-от завяжу...

— Ну, прощай, Василий Кириллович! — сказал я и сжал его руку. — Прощай. Не поминай лихом. Помоги тебе Бог найти правду.

Старик расчувствовался.

— Прощай, — заговорил он надтреснутым, фибрирующим голосом, — прощай!... Да, надо выискивать правду... Выискивай истину, Александр!... Выискивай правду, — правду, чтобы всем было жить хорошо на земле... И дай тебе, Господи!... Дай тебе, Боже!...

В голосе его слышались слезы. Я видел, как губы его складывались в трубочку, а шея вытягивалась вперед. Мы обнялись и поцеловались. Он еще раз поклонился, еще раз сказал: „прощай" — и, неуклюже повернувшись, направился к двери. Как-то особенно неловко, медленно переступил он высокий порог большими, грязными сапогами, но в дверях снова остановился и, обернувшись ко мне, проговорил несвязным, растроганным голосом:

— Надо дознаться придет ли ва...
Спаситель!
Это были его последние сло-

Москва.
10 ноября 1881 г.

А. С. Пругавин. «Религиозные отщепенцы. Очерки современного сектантства». Выпуск первый. М., Издание «Посредника», 1906.

В. К. Сютаев (1819-1892). Его взгляды интересовали очень многих, и простых крестьян, и интеллигентов, но какой-то стойкой общины последователей ему создать не удалось.

Воспоминания о В. К. Сютаеве:

Сютаев В. К. Воспоминания сына *Сютаева Дмитрия*, написанные в 1897 г. // ЦГАЛИ, ф. 2167, ед. хр. 71, с. 10.

Рахманов В. В. Крестьянин-коммунист // Минувшие годы. СПб., 1908, № 8.

Гастев П. Н. Воспоминания о В. К. Сютаеве // Вегетарианское обозрение, Киев, 1912, № 1, 2. (<http://www.vita.org.ru/veg/veg-literature/veg-viewing1912/01-2.htm>)

Скороходов В. И. Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал, 1914, № 11, 12.

Никифоров Л. Сютаев и Толстой // Голос минувшего. 1914, № 1.

Сютаев И. В. Воспоминания о своем отце В. К. Сютаеве // Толстовский ежегодник 1913 года. СПб., М., 1914.

Шохор-Троцкий К. С. Сютаев и Бондарев // Там же.

Он же. В. К. Сютаев // Ежемесячный журнал, 1916, № 4.

Джим Форест

Дороти Дей

(8 ноября 1897 — 29 ноября 1980)

Дороти Дей, основательница «Движения Рабочих-Католиков» / The Catholic Worker Movement», родилась в Бруклине, штат Нью-Йорк, 8 ноября 1897 года. Семья Дей жила в Сан-Франциско, но, пережив землетрясение в 1906 году, переехала на съемную квартиру в Южном районе Чикаго. Это был большой шаг вниз по социальной лестнице. Он был вызван тем, что отец Дороти, Джон Дей, остался без работы. Именно с этого момента к Дороти пришло понимание того, что чувствуют люди, когда они терпят неудачу и опускаются на дно.

Там же в Чикаго у Дороти начало формироваться положительное отношение к католицизму. Не раз в жизни она потом вспоминала мамину подругу, набожную католичку, которая молилась рядом с её кроватью.

«Я почувствовала такую вспышку любви к ней, которую не забуду никогда», — вспоминала Дороти. Когда Джон Дей был назначен спортивным редактором «Чикагской газеты», семья Дей переехала в комфортабельную квартиру в Северном районе города. Здесь Дороти начала читать книги, которые волновали ее совесть. Роман Эптона Синклера «Джунгли», вдохновил Дороти совершать длительные прогулки в соседние бедные кварталы в Южном районе Чикаго. Это послужило началом для всего ее жизни влечения к тем сторонам жизни, которых большинство из нас избегает.

У Дороти был дар находить красоту посреди городского запустения. Серые улицы были приправлены острыми ароматами: герань и рассада помидоров, чеснок, оливковое масло,

жаренный кофе, запах хлеба и булок из булочных. «Здесь», — говорила она, — «я находила для себя достаточно красоты». Дороти добилась права получать стипендию, что позволило ей учиться в университете штата Иллинойс, в студенческом городке Урбане до конца 1914 года. Но училась она неохотно. Ее чтение было, в основном, радикального социального направления. Она избегала обычной жизни университетского городка и настаивала на том, чтобы самой обеспечивать себя, а не жить на отцовские средства.

Два года спустя, бросив уни-

верситет, она переехала в Нью-Йорк, где нашла работу репортера в газете «Вызов / The Call», в единственной ежедневной социалистической газете города. Она посещала собрания и демонстрации и брала интервью у разных людей: от лакеев до профсоюзных лидеров и революционеров. Затем она работала в журнале «Массы / The Masses», который выступал против американского участия в европейской войне.

В сентябре почтовое ведомство запретило пересылку этого журнала по почте. Федеральные агенты арестовали предыдущие номера, рукописи, список подписчиков и корреспонденцию. Пять редакторов были обвинены в подстрекательстве к мятежу.

В ноябре 1917 года Дороти была арестована за то, что она была одной из сорока женщин, протестовавших перед Белым домом против исключения женщин из списков избирателей. Попад в сельский исправительно-трудовой лагерь, женщины подверглись грубому обращению. Они ответили голодовкой. В конце концов они

были освобождены в соответствии с президентским указом.

Возвратившись в Нью-Йорк, Дороти почувствовала, что журналистика была слишком слабым ответом миру, находящемуся в состоянии войны. Весной 1918 года она пошла на курсы по программе обучения медсестер в Бруклине.

Ее убеждение, что общественный строй несправедлив, никак существенно не менялось от юности и до смерти, хотя она никогда не отождествляла себя ни с одной политической партией. Ее религиозное развитие было процессом более медленным. Ребенком она посещала Епископальную Церковь. Молодой журналисткой в Нью-Йорке она иногда посещала вечернюю службу в католической церкви св. Иосифа на Шестой Авеню.

Атмосфера католической службы привлекала её. В то время как она еще очень немного знала о католическом учении, католические традиции очаровывали ее. Она видела Католическую Церковь как «Церковь иммигрантов, Церковь бедных».

В 1922 году, работая репортером в Чикаго, она жила в одной комнате с тремя молодыми женщинами, которые посещали мессу каждое воскресенье и каждый церковный праздник, и каждый день находили время для молитв. Для нее стало ясно, что «богослужение, благоговение, благодарение, молитвы... были самыми возвышенными действиями, на которые мы способны в этой жизни».

Дальше была работа в газете в Новом Орлеане. Живя недалеко от кафедрального собора Св. Луи, Дороти часто по вечерам посещала службу.

Вернувшись в Нью-Йорк в 1924 году, Дороти купила дом на берегу Стейтен-айленда, на средства от продажи права на экранизацию ее романа. Тогда же начался её четырехлетний гражданский брак с Форстером Баттерхемом / Forster Batterham, английским ботаником, с которым она познакомилась через своих друзей в Манхеттене. Баттерхем был анархистом, выступавшим категорически против брака и религии. В таком жестоком мире он находил невозможным верить в Бога — в

то время как вера Дороти в Бога была непоколебимой. Дороти огорча-

ло, что Баттерхем не ощущал присутствие Бога в окружающем нас естественном мире. «Как же может не существовать никакого Бога», — спрашивала она, — «когда есть все эти чудеса?» Его раздражение на это ее «растворение в сверхъестественном» вскоре привело бы их к разрыву.

Но что в реальности их разлучило — это ее беременность. Она уже была беременна однажды, несколькими годами ранее — результат ее любовной интриги с одним журналистом — что привело к большой трагедии в ее жизни, к аборту. Это событие и его ужасное последствие стали предметом ее романа «Одиннадцатая девственница / The Eleventh Virgin». Аборт, как решила Дороти несколько лет спустя, сделал ее бесплодной. «В течение долгого време-

ни я думала, что не смогу родить, и в моем сердце росло сильное желание иметь ребенка», — доверительно писала она в своей автобиографии «Долгое одиночество / The Long Loneliness». «Мой дом, как я чувствовала, без него не был настоящим домом».

Ее беременность от Баттерхема показалась Дороти не чем иным как чудом. Но Баттерхем не верил, что можно оградить детей от этого мира, полного насилия.

3 марта 1927 года родилась Тамара-Тереза Дей*. Лучшее, что могла сделать Дороти с благодарностью, переполняющей ее, это совершить крещение Тамары в Католической церкви. «Я не хотела, чтобы мой ребенок сомневался, поскольку я сама часто сомневалась в своей жизни. Я хотела верить, и я хотела, чтобы мой ребенок верил, и если принадлежность к Церкви могла дать ей такую несомненную благодать, как вера в Бога, и единение в любви со святыми, тогда она должна была принять католический обряд крещения».

После крещения Тамары,

произошел окончательный разрыв с Баттерхемом. 28 декабря Дороти пришла в Католическую церковь. Начался период в ее жизни, когда она пыталась найти способ примирить свою религиозную веру и свои радикальные социальные взгляды.

Зимой 1932 года Дороти отправилась в Вашингтон, округ Колумбия, делать репортаж о Голодном Марше / the Hunger March для журналов «Общественное благо / Commonwealth» и «Америка / America». Дороти смотрела на протестующих, которые шли по улицам Вашингтона, несли плакаты, призывающие создать рабочие места, обеспечить социальное страхование по безработице, пенсии по старости, пособия для матерей и детей, бесплатное здравоохранение и жилье. Дороти заставляло оставаться в стороне то, что она была католичкой, а марш был организован коммунистами — партией, находящейся в состоянии войны не только с капитализмом, но и с религией.

Это было 8 декабря, в день празднования Непорочного Зачатия. После наблюдения за

маршем, Дороти пошла в церковь Непорочного Зачатия, где она выразила свои мучительные сомнения в молитве: «я произнесла особую молитву, молитву, со слезами и страданием, которая открыла мне еще один путь: использовать имеющиеся у меня способности для моих собратьев рабочих, для бедняков».

На следующий день, возвратившись в свою квартиру в Нью-Йорке, Дороти встретила Питера Морины / Peter Maurin, французского иммигранта, который был на 20 лет старше ее.

Морин, бывший ранее членом «Христианского Братства»*, оставил Францию и в 1908 году переехал в Канаду, а позже — в США. Когда он встретил Дороти, он был наставником в католическом лагере для мальчиков на севере штата Нью-Йорк, получая за это питание, возможность пользоваться библиотекой, местом в сарае для ночлега — и иногда получая деньги на карманные расходы.

За время своих странствий Морин пришел к францисканскому взгляду на бедность как

на призвание. Его холостяцкая, независимая жизнь располагала временем для исследований и молитв, в которых видение принимало форму общественного строя, построенного на основных ценностях Евангелия, «в котором людям легче будет совершенствоваться». Прирожденный учитель, он нашел желающих выслушать его, среди них был Джордж Шустер / George Shuster, редактор журнала «Общественное благо», который дал ему адрес Дороти Дей.

Столь же замечательной, как и предопределенность их встречи, была готовность Дороти выслушать его. Их встреча оказалась ей ответом на ее молитвы. Он был тем, кто смог помочь ей понять то, что она должна была сделать.

То, что должна была сделать Дороти, сказал Морин, это начать выпуск газеты, чтобы провозгласить католическое социальное учение и побудить людей начать действовать, чтобы вызвать мирное преобразование общества. Дороти с готовностью ухватилась за эту идею. Если семьи больше нет, а

опыт работы и религиозная вера и подготовили ее к чему-нибудь, то именно к этому.

Дороти узнала, что издательство «Paulist Press» согласно печатать 2 500 копий восьмистраничной газеты за 57 долларов. Ее кухня стала редакцией новой газеты. Она решила продавать газету по цене 1 цент за экземпляр, «настолько дешево, чтобы каждый мог позволить себе купить ее».

1 мая 1933 года первые экземпляры газеты «Рабочий-Католик / The Catholic Worker» были розданы в парке «Юнион Сквер».

Немногие издательские начинания обретали такой незамедлительный успех. К декабрю уже 100 000 экземпляров печатались каждый месяц. Читатели нашли в «Рабочем-Католике» уникальный голос. Он выражал неудовлетворенность общественным строем и поддерживал профсоюзы, но его видение идеального будущего бросало вызов и урбанизации и индустриализму. Издание было не только радикальным, но и религиозным. Газета не просто выражала недоволь-

ство, но и обращалась к своим читателям с просьбой присы-

лать свои личные отклики.

В течение первой половины года «Рабочий-Католик» был всего лишь газетой, но как только пришла зима, бездомные начали стучать в дверь. Эссе Морина в газете призывало к возобновлению древней христианской практики гостеприимства к бездомным. Таким образом, последователи Христа могли ответить на слова Иисуса: «Я был странником, и вы приняли меня». Морин выступал против идеи, что христиане должны заботиться только о своих друзьях, а заботу о незнакомых перелagать на безличные благотворительные организации. Каждый дом должен иметь свою «Комнату Христа» и каждый округ — свой Дом Гостеприимства, готовый принять «посланников Бога».

Редакторам газеты, окружен-

ным нуждающимися людьми и увлеченными добровольцами, которых взволновали идеи, обнаруженные ими в «Рабочем-Католике», неизбежно вскоре представился шанс претворить в жизнь свои принципы. Квартира Дороти стала образцом для многих появившихся позднее Домов Гостеприимства.

К зиме была арендована квартира для десяти женщин, а вскоре после этого и жилье для мужчин. Затем все переехали в Гринвич-Виллидж*. В 1936 году сообщество переселилось в два здания в Китайском квартале, но никакое расширение не могло создать места для всех нуждающихся. Главным образом это были мужчины, как писала Дороти: «серые люди, цвета безжизненных деревьев, кустарников и земли осенью, те, кто не имел пока еще ни одного зеленого листа надежды, пробуждаемого соком веры».

Многие были удивлены что, в отличие от большинства благотворительных центров, никто из Рабочих-Католиков не стремился приступить к их перевоспитанию. Распятие на стене было единственным безошибоч-

ным свидетельством веры тех, кто их радушно принимал. Штатные сотрудники получали только пищу, стол и иногда карманные деньги.

Рабочие-Католики стали национальным движением. К 1936 году по всей стране насчитывалось уже 33 здания Рабочих-Католиков. Из-за Великой Депрессии, появилось множество людей, нуждающихся в них.

Отношение Рабочих-Католиков к тем, кого они принимали, не всегда оценивалось по достоинству. Временами неодобрительно говорили, что те были не «бедными, достойными помощи», а алкоголиками и бездельниками. Пришедший с проверкой социальный работник спросил Дороти, как долго «клиентам» позволено оставаться. «Мы позволяем им остаться навсегда», — с суровым выражением на лице ответила Дороти. «Они живут с нами, они умирают с нами, и мы устраиваем им христианские похороны. Мы молимся за них после их смерти. Как только они приняты, они становятся членами семьи. Или скорее они

всегда были членами семьи. Они — наши братья и сестры во Христе».

Некоторые оправдывали свое неодобрение цитатами из Библии. Разве Иисус не говорил, что бедные всегда будут с нами? — «Да», — однажды ответила Дороти, — «но мы недовольны, что многие станут ими. Классовая структура создана нами и с нашего согласия, а не Богом, и мы должны сделать всё, что мы можем, чтобы изменить ее. Мы настаиваем на радикальных переменах».

Рабочие-Католики экспериментировали и с сельскохозяйственными коммунами. В 1935 году был арендован дом с садом на Стейтен-айленде. Вскоре после переселения «Фермы Мэри» в Истон, Штат Пенсильвания, она была брошена из-за конфликтов внутри коммуны. Другая ферма была куплена в округе штата Нью-Йорк около Нью-берга и названа «Домом Отступления из Фермы Мэри». Ей была суждена более продолжительная жизнь. Позднее появилась «Ферма Питера Морина» на Стейтен-айленде, которая позже переехала в городок Ти-

воли, а затем в Марльборо (оба расположены в Гудзонской Долине). Дороти пришла к пониманию, что призвание Рабочих-Католиков не столько в нахождении наилучших моделей сельскохозяйственных объединений, сколько в создании сельских Домов Гостеприимства.

Что доставило Дороти больше всего проблем, так это ее пацифизм. Ненасильственный образ жизни, насколько она могла это видеть, был в основе Евангелия. Она всерьез, как и ранняя Церковь, была охвачена призывом Иисуса: «возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечем погибнут» (Мф., гл. 26, ст. 52).

В течение многих столетий Католическая церковь приспособлялась к войне. Римские папы благословляли армии и проповедовали Крестовые походы. В тринадцатом столетии св. Франциск Ассизский восстановил пацифистский путь, но к двадцатому столетию такая традиция католиками была утрачена.

Первым выражением Рабочими-Католиками своего пацифизма стал диалог между пат-

риотом и Христом, изданный в 1935 году: патриотом, отклоняющим учение Христа как благородную, но непрактичную доктрину. До начала Гражданской войны в Испании, в 1936 году, лишь немногие из читателей были обеспокоены такими статьями. Фашисты, во главе с Франко, выставили себя защитниками католической веры. Почти все католические священники и печатные издания объединились в защиту Франко. «Рабочий-Католик» отказался поддерживать какую-либо сторону в этой войне, потеряв из-за этого две трети своих читателей.

Те, кто поддерживают Франко, предупреждала Дороти с самого начала войны, должны «бросить взгляд еще и на недавние события в нацистской Германии». Она выражала беспокойство относительно положения евреев и в дальнейшем стала одним из основателей «Комитета католиков по борьбе с антисемитизмом / Committee of Catholics to Fight Anti-Semitism».

После нападения Японии на Перл-Харбор и объявления о

вступлении США в войну, Дороти заявила, что газета по-прежнему будет придерживаться своих пацифистских взглядов. «Мы будем печатать слова Христа, который всегда с нами», — писала Дороти. — «Наш манифест — это Нагорная Проповедь». Оппозиция войне, добавила она, не имела ничего общего с симпатией к врагам Америки. «Мы любим нашу страну... Мы стали единственной страной в мире, где мужчины и женщины всех наций нашли убежище от гонений». Но методы деятельности Движения Рабочих-Католиков опирались на дела милосердия, а не дела войны. Она убеждала «наших друзей и сторонников позаботиться о больных и раненных, накормить голодных, продолжить все наши дела милосердия в наших зданиях и на наших фермах».

Не все члены сообщества Рабочих-Католиков были согласны. Пятнадцать Домов Гостеприимства закрылись в течение нескольких месяцев после вступления Америки в войну. Но взгляды Дороти победили. Каждый выпуск «Рабочего-

Католика» вновь подтверждал ее понимание христианской жизни. Молодые люди, ко-

которые отождествляли себя с «Движением Рабочих-Католиков», провели всю войну, или большую часть военных лет, либо в тюрьме, либо в сельских трудовых лагерях. Некоторые прошли военную службу без оружия в качестве санитаров.

Вторая Мировая война закончилась в 1945 году, но она породила Холодную войну, конфликт между государствами, вооруженными ядерным оружием, и ряд локальных войн, в которых нередко участвовала Америка.

Одним из ритуалов жизни сообщества Рабочих-Католиков Нью-Йорка, стали начавшиеся в конце 1950-ых отказы участвовать в ежегодно проводимой государственными службами тренировке по гражданской

обороне. Такая подготовка к нападению казалась для Дороти частью попытки представить ядерную войну как допустимую, как войну, после которой можно выжить, и оправданием миллиардных расходов на вооружение. Когда 15 июня 1955 года прозвучала сирена, Дороти уже находилась среди маленькой группы людей, сидящих перед зданием муниципалитета. «Во имя Иисуса, который является Богом, который является Любовью, мы не будем повиноваться этому приказу камуфлироваться, эвакуировать, прятаться. Нас не научат бояться.

Мы не имеем веры в Бога, если мы полагаемся на атомную бомбу», — поясняла листовка Рабочих-Католиков. Дороти представляла свое гражданское неповиновение как акт эпитимии за применение Америкой ядерного оружия во время бомбардировки японских городов.

На первый раз инакомыслящим сделали выговор. В следующем году Дороти и других отправили в тюрьму на пять дней. На следующий год судья заключил ее, вновь арестованную, в тюрьму на тридцать дней. В 1958 другой судья приговорил ее к условному наказанию. В 1959 году Дороти снова попала в тюрьму, но только на пять дней. Когда наступил 1960 год, вместо горстки людей, приезжающих в парк перед зданием муниципалитета, набралось уже 500 человек. Полиция арестовала лишь некоторых, Дороти среди них не оказалось. В 1961 количество протестующих увеличилось до 2 000. На этот раз 40 человек были арестованы, но снова Дороти была освобождена. Оказалось, что это был последний год генеральных репетиций ядерной войны в Нью-

Йорке.

Другим устремлением Рабочих-Католиков было движение за гражданские права. Как обычно, Дороти захотела посетить людей, которые послужили бы примером для окружающих, и поэтому поехала в «Койнонию / Koinonia», христианскую сельскохозяйственную коммуну в сельском районе штата Джорджия, где чернокожие и белые мирно жили вместе. Когда Дороти посетила ее в 1957 году, на коммуну было совершено нападение. Одно из зданий коммуны оказалось под пулеметным огнем, и члены Ку-Клукс-Клана поставили зажженные кресты на территории коммуны. По дороге, заметив, что приближающийся автомобиль сбросил скорость, она немедленно резко наклонилась, и пуля пролетела рядом с ее головой.

Беспокойство Дороти по поводу реакции Церкви на войну привело ее в Рим на Второй Ватиканский Собор, в надежде, что Папа Римский Иоанн XXIII восстановит «простые и ясные черты, которые имело лицо Церкви Иисуса Христа при своем рождении». В 1963 году Дей

была одной из 50 «Матерей Мира», которые отправились в Рим, чтобы поблагодарить Папу Римского Иоанна за его окружное послание «*Racem in Terris*» («Мир на земле»). Будучи при смерти, Папа Римский не смог встретить их лично, но в одной из своих последних аудиенций благословил паломников, прося их продолжить свое дело.

В 1965 году Дороти снова оказалась в Риме, чтобы принять участие в посте, символизирующем «нашу молитву и нашу надежду», что Собор примет «ясную формулировку: “возврати меч твой”». Дороти считала свой неразрекламированный пост «лептой вдовы» в поддержку усилия епископов честно и открыто говорить с современным миром.

В декабре постящиеся обрели причину для радости, когда папская конституция «О Церкви в Современном Мире» была одобрена епископами. Собор охарактеризовал как «преступление против Бога и самого человека» любые военные действия, «нацеленные на сплошное уничтожение целых городов или обширных регионов вместе

с их населением». Собор призывал государства к юридической легализации для отказников от военной службы, описывая как «преступников» тех, кто повинуется приказам, направленным против невинных и беззащитных*.

Военные действия, вызывающие «сплошное уничтожение ... обширных регионов вместе с их населением» были в порядке вещей в тех районах Вьетнама, которые подверглись интенсивной американской бомбардировке в 1965 году и несколькими годами позднее. Многие из молодых Рабочих-Католиков отправились в тюрьму за то, что отказались пройти военную службу, в то время как другие прошли альтернативную гражданскую службу. Почти каждый в сообществах Рабочих-Католиков принял участие в протестах. Многие оказались в тюрьме за свои акты гражданского неповиновения.

Вероятно, никогда не было газеты, столь многие из редакторов которой были заключены в тюрьму за следование своей совести. Сама Дороти последний раз была отправлена в

тюрьму в 1973 году за то, что она приняла участие в ряде запрещенных пикетов в поддержку сельскохозяйственных рабочих. Ей было 75 лет.

Дороти Дей прожила достаточно долго, чтобы увидеть свои усилия заслуженно вознагражденными. В 1967 году, когда она в последний раз посетила Рим, чтобы принять участие на Международном Конгрессе мирян / the International Congress of the Laity, она обнаружила, что она была одним из двух американцев — другим

был астронавт — приглашенных принять причастие из рук Папы Римского Павла VI. К ее 75-ому дню рождения журнал иезуитов «Америка» посвятил ей специальный выпуск, найдя в ней личность, которая стала самым лучшим примером «стремления и деятельности американского католического сообщества в течение предыдущих сорока лет». Университет Нотр Дам / Notre Dame University (штат Индиана) наградил ее медалью Laetare.

Среди тех, кто навещал ее, когда она больше не могла путешествовать, была Мать Тереза Калькуттская, которая прикрепила к платью Дороти крест, который носили только полномочные члены Миссии Сестер Милосердия / the Missionary

Sisters of Charity.

Задолго до ее смерти, наступившей 29 ноября 1980 года, многие почитали Дороти Дей как святую. Но лучше всех слов известен ее бесцеремонный ответ: «не называйте меня святой. Я не хочу быть освобождена от своих обязанностей так легко». Тем не менее, высоко оценив воспоминания и свидетельство многих о ее святости, ее выдвинули кандидатом на включение в календарь святых / the Calendar of Saints. Орден кларетинцев / Claretians стал принимать усилия для ее канонизации.

«Если я чего-нибудь и достигла в своей жизни», — как-то заметила она, «то это только потому, что я никогда не смущалась говорить о Боге».

Пер. с англ. В. Адаменко

В сокр. виде перевод напечатан в газете «Альтернативщик». № 23, 2009.

Оригинал: <http://www.catholicworker.org/dorothyday/ddbiographytext.cfm?Number=72>

Ссылки:

<http://www.catholicworker.org>

<http://www.catholicworker.org/dorothyday/index.html>

<https://www.facebook.com/Dorothy-Day-18998811073>

<https://vk.com/dorotidei> (русск.)

Избранная библиография:

Dorothy Day, *The Long Loneliness*. [Долгое одиночество] (Chicago: Saint Thomas More Press, 1993)

Willam Miller, *Dorothy Day: A Biography* [Дороти Дей: Биография] (New York: Harper & Row, 1982)

Nancy L. Roberts, *Dorothy Day and the Catholic Worker* [Дороти Дей и Рабочие-Католики] (SUNY Press, 1984)

Robert Coles, *Dorothy Day: A Radical Devotion* [Дороти Дей: Радикальная преданность] (Reading, MA: Addison-Wesley, 1987)

Robert Ellsberg, editor, *Dorothy Day: Selected Writings* [Дороти Дей: Избранные произведения] (Maryknoll, NY: Orbis, 1992)

Jim Forest, *Love is the Measure: a biography of Dorothy Day* [Любовь – это Мера всех вещей: Биография Дороти Дей] (Maryknoll, NY: Orbis, 1994)

Tom Cornell, Robert Ellsberg and Jim Forest, editors, *A Penny a Copy: Writings from The Catholic Worker* [1 цент за газету: Статьи из газеты «Рабочий-католик»] (Maryknoll, NY: Orbis, 1995)

Rosalie G. Riegle [Troester], *Dorothy Day: Portraits by Those Who Knew Her* [Дороти Дей: Портрет, написанный теми, кто ее знал] Orbis Books, 2003.

Sheila Webb, "Dorothy Day and the Early Years of the Catholic Worker: Social Action through the Pages of the Press" [Дороти Дей и первые годы «Рабочих-Католиков»: социальное действие через газетные страницы] *U.S. Catholic Historian*, vol. 21, no. 3 (Summer 2003), pp. 71–88.

Комментарии.

* Джим Форест. «Живущий в премудрости». М.: «Истина и жизнь», 2000. Автор в свое время был редактором газеты «Рабочий-католик».

* Дочь Дороти Дей, *Тамара-Тереза Дей*, умерла в 2008 году.

* *Гринвич-Виллидж* (точнее Гренич-Виллидж), или просто «Виллидж», — жилой район в Нью-Йорке, на западе Нижнего Манхэттена. С начала XX века Гринвич-Виллидж стал пристанищем для людей богемы и радикальных политических деятелей (Юджин О'Нил, Айседора Дункан, Джон Рид). Художник Марсель Дюшан и его друзья запускали с вершины арки на Уошингтон-сквер (центральная площадь района) воздушные шары, провозглашающие «Независимую Республику Гринвич-Виллидж». В 1950-е годы Гринвич-Виллидж становится одним из центров движения бит-поколения (Джек Керуак, Ален Гизберг), фолк-рока (Боб Дилан, Саймон и Гарфанкел). Этот район известен антивоенными и пацифистскими акциями, проводившимися там.

* *«Христианское Братство»* — или «Салезианское общество» — основано св. Джованни Боско (1815-1888, Пьемонт, Италия) и названо так в честь своего небесного покровителя, св. Франциска Сальского. В 1844 году дон Боско начал собирать детей из бедных семей и беспризорников. Он играл с ними и учил их катехизису. В 1845 открылась первая вечерняя школа. Общество стабильно росло. Очень многие подростки нуждались в освоении какого-нибудь ремесла, без чего они не могли устроиться на работу. В 1852 началось строительство просторных школ и ремесленных мастерских. В 1859 году было официально основано Общество Св. Франциска Сальского. Педагогика дона Боска исключала наказание. Соблюдения правил добивались развитием искреннего чувства долга, постоянным устранением малейших поводов к непослушанию. Без похвалы не оставалось ни одно усилие, направленное к добродетели, каким бы банальным оно ни было. С 1875 Салезианские общины появились и за пределами Италии: во Франции с 1886, в США с 1898. Когда дон Боско умер в 1888 году, в мире насчитывалось 250 салезианских обителей, в которых находилось 130 тысяч воспитанников. См. http://www.krotov.info/lib_sec/02_b/bos/bosco.htm.

* *«Рабочий-Католик»* — ежемесячная газета, издаваемая «Движением Рабочих-Католиков» в Нью-Йорке. Основана Дороти Дей и Питером Моорином. Дороти говорила, что слово «Рабочий» в названии газеты означало «тех, кто работал руками или головой, тех, кто совершал физическую, умственную, или духовную работу. Но мы думали прежде всего о бедных, бесправных, угнетенных». Во время Великой Депрессии коммунистиче-

ские идеи были очень популярны в США, а Дей и Морин хотели, чтобы бедняки, главным образом католики, вернулись к их собственной традиции для решения своих проблем, хотели показать им прогрессивное социальное учение Католической церкви. Поэтому первый номер газеты был выпущен на Первое Мая 1933 года, тиражом 2 500 экземпляров. Через несколько месяцев тираж газеты вырос до 25 000, а в 1936 году достиг 150 000. Дей была редактором газеты до самой своей смерти в 1980 году. Цена номера всегда была 1 цент. Авторы статей были весьма различны: от молодых активистов до таких известных фигур как Амон Хеннэси / Ammon Hennacy (http://en.wikipedia.org/wiki/Ammon_Hennacy), Томас Мертон / Thomas Merton (<http://www.krotov.info/library/m/mer/merton.html>), Дениель Берриган / Daniel Berrigan (http://en.wikipedia.org/wiki/Daniel_Berrigan) и Жак Маритен / Jacques Maritain (<http://www.krotov.info/spravki/persons/20person/1973mariten.html>). Эйд Бетьюн / Ade Bethune (http://en.wikipedia.org/wiki/Ade_Bethune) и Фриц Эйхенберг / Fritz Eichenberg (<http://www.krotov.info/spravki/persons/20person/1901eychen.htm>) иллюстрировали газету.

* «*Движение Рабочих-Католиков*» — организация, основанная Дороти Дей и Питером Морином в 1933 году. Ее цель состоит в том, чтобы «жить в соответствии со справедливостью и милосердием Иисуса Христа». Один из его руководящих принципов — гостеприимство к тем, кто оказался на краю общества. К настоящему времени (2008 г.) насчитывается более 185 местных коммун Рабочих-Католиков в 11 странах. Каждый дом имеет свою особую миссию, выполняет свою социальную поддержку своими собственными способами, наиболее подходящими для данного района. Дома гостеприимства Рабочих-Католиков — это не официальные органы Римско-католической Церкви, а самоуправляющиеся общины.

Приложения:

ПАСТЫРСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ «О ЦЕРКВИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ» («*Gaudium et Spes*»), 1965 г.

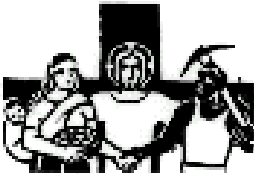
79.2 Взирая на это плачевное состояние человечества, Собор прежде всего намеревается напомнить о непреходящем значении естественного

права народов и его универсальных принципов. Само сознание рода человеческого всё более и более твёрдо провозглашает эти принципы. Поэтому действия, сознательно им противоречащие, а также приказы, предписывающие совершать такие действия, являются преступными, и слепое послушание не может извинить тех, кто эти приказы исполняет. К этим действиям нужно прежде всего причислить те, посредством которых по какой-либо причине тем или иным способом уничтожаются целые народы, нации или этнические меньшинства. Такие действия следует решительно осудить как ужасные преступления. И напротив, нужно в высшей степени одобрять мужество людей, не боящихся открыто сопротивляться тем, кто отдаёт подобные приказы. (...)

Кроме того, представляется справедливым, чтобы законы проявили гуманную предусмотрительность в случае тех людей, которые по мотивам совести отказываются употреблять оружие: пусть они изберут какую-либо иную форму служения человеческому обществу.

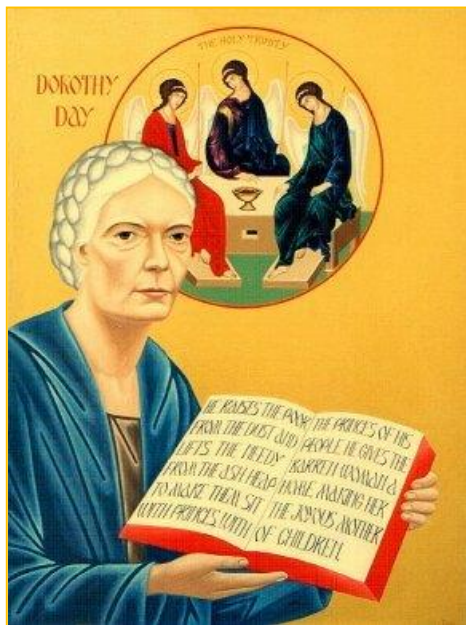
«Документы II Ватиканского собора». М., «Паолине», 1998. Пер. Андрея Ковалёва.

СОВРЕМЕННЫЕ США. Энциклопедический справочник. М., «Политиздат», 1988.

Среди пацифистских организаций есть такие радикальные по характеру, как Католическое рабочее движение (1933) ... не ограничивается деятельностью в защиту мира, оно выступает с откровенно антикапиталистических позиций, считая путем к радикальному обновлению общества децентрализацию анархистского типа (в частности, создание сельскохозяйственных коммун).

Произведение Николая Бриана Тсаи. Оригинал находится в церкви Девы Марии Лурдской, на 2808 Lake Shore авеню, Окленд, штат Калифорния. Автор — прихожанин кафедрального собора св. Троицы в Сан-Франциско.

Из праха поднимает бедного,
из брения возвышает нищего,
Чтобы посадить его с князьями,
с князьями народа его;
Неплодную вселяет

в дом матерью,
радуящуюся о детях.

Псалом 112:7-9

Комментарий Джима Фореста:
«Он [Тсаи] не придавал Дороти нимба, потому что это изображение, сделанное для церкви, а не икона, но он отчасти поместил ее голову в имеющее форму нимба изображение Святой Троицы. Подобного я никогда прежде не видел, но оно показалось мне уместным. Оно заставляет меня вспомнить о заме-

чании, сделанном Дороти (возможно, это было сказано Роберту Коулсу / Robert Coles): «Если я и достигла чего-нибудь в своей жизни, то это только потому, что я никогда не смущалась говорить о Боге». Святая Троица — это также и первичное сообщество, в котором есть основа всех сообществ, всех связей, всех общин. Для Дороти ее жизнь складывалась из этих трех вещей. Источником вдохновения для изображенной на заднем плане иконы Святой Троицы, работы св. Андрея Рублева, XV-го века, было учение духовного отца Рублева, св. Сергия Радонежского: «созерцание Святой Троицы уничтожает все разногласия».

И. Д. Кизилова

15 мая —

Международный День Отказника

История мероприятия

15 мая 1997 года немецкий федеральный парламент, Бундестаг, издал резолюцию о реабилитации тех, кого преследовало нацистское военное правосудие за отказ от службы по убеждениям, за дезертирство. В этой резолюции говорилось: «Вторая мировая война была войной агрессии и истребления, преступлением, совершённым нацистской Германией». Нацистское военное правосудие практиковало жестокое преследование тех, кто больше не хотел участвовать в этом преступлении. Более 30 000 смертных приговоров было вынесено дезертирам, 25 000 из них были приведены в исполнение.

В майской резолюции 1997 года Бундестаг признал, что приговоры нацистских военных судов были не справедливы по отношению к ценностям, провозглашенным правовым государством. Но Акт, аннулирую-

щий нацистские приговоры (от 25 августа 1998 года), на самом деле не реабилитировал дезертиров. В отличие от других групп—жертв, их реабилитация зависит от рассмотрения личного дела. В результате этого, ситуация с реабилитацией дезертиров всё ещё остаётся неясной. Каждый уцелевший должен предоставить жалобу в общественную прокуратуру, если он хочет быть реабилитирован. Война закончилась более 50 лет назад, и те немногие, кто дожил до этих дней, отказываются проходить данную процедуру. Им кажется необоснованным обращаться в суд сейчас, прожив целую жизнь в дискриминации, унижении. Таким образом, до сих пор не существует всеобщей правовой реабилитации жертв нацистского военного правосудия. Реабилитация же немецких солдат несколько лет спустя после окончания Второй

мировой войны проходила намного легче и быстрее.

Мероприятие в концентрационном лагере Бухенвальд призвано почтить смелый поступок дезертиров. Организаторы данного мероприятия уверены, что дезертирство было политически необходимым и почётным актом, принимая во внимание криминальный характер немецкой войны агрессии и истребления. Они требуют правовую реабилитацию умерших и оставшихся в живых дезертиров нацистской армии. Они поддерживают необходимость достойной компенсации (например: выплату пенсий за их страдания в тюрьмах и концентрационных лагерях).

Европейское Бюро отказников уже организовало мемориальную церемонию для дезертиров в концентрационном лагере Маутхаузен (Австрия) в 1997 году. Там была открыта мемориальная доска. В мае 1999 года при поддержке фонда им. Генриха Бёлля, Европейское Бюро отказников провело в Бу-

хенвальде семинар «Защита и признание дезертиров», на котором публично почтили дезертиров Вермахта.

Сейчас, когда пробелы в историческом исследовании заполнены, когда доказано, что несколько сотен отказников и дезертиров сидели в концентрационных лагерях Бухенвальда и Миттель-Дора, 15 мая 2001 года (в международный день отказника) открыт мемориальный камень впервые в немецком концентрационном лагере. Надпись на камне гласит: ***«В память о жертвах нацистского военного правосудия, которые отказались служить в армии, так как не хотели служить криминальному режиму. За период с ноября 1944 года по март 1945 года несколько сотен обвинённых военным судом были посланы в концентрационный лагерь Бухенвальд. Почти все из них были отправлены отсюда в концентрационный лагерь Миттель-Дора. Многие не выжили».***

"Армия Добра", № 2 (20) апрель-июнь 2001 г.

Перепечатывается с разрешения автора.

Из Википедии: Нацистское военное правосудие практиковало жестокое преследование тех, кто больше не хотел участвовать в этом преступлении. С приходом к власти национал-социалистов в 1933 году религиозные организации, не допускавшие для своих членов службы в армии: Свидетелей Иеговы, адвентистов-реформистов и др. были запрещены, а их подпольная деятельность преследовалась. В настоящее время в подавляющем большинстве европейских стран, в том числе и в России, право на отказ от военной службы и замену её на альтернативную гражданскую службу является конституционной нормой.

Международный день отказника от военной службы по убеждениям совести (англ. The International Conscientious Objectors' Day) был учрежден на первой международной встрече отказников от военной службы **в Копенгагене в 1981** году.

15 мая 1994 года на Тависток-сквер в центре Лондона был поставлен камень «в память тех, кто отказывался и отказывается проходить воинскую службу по своим убеждениям во всем мире и во все времена, добиваясь тем самым права не убивать». (см. фото)

15 мая 2000 года на месте концлагеря Маутхаузен был открыт мемориал в честь 20 тысяч немецких солдат, приговоренных к смерти за отказ воевать.

В России:

2002 год. В **Москве** российские антимилитаристы встретили этот день публичной акцией, а военные — открытием специальной общественной приемной по вопросам призыва. «Если защита Родины состоит в том, чтобы убить [в Чечне] 20 тыс. стариков и детей, то мы призываем к отказу от такого „гражданского долга“, — заявил председатель Антимилитаристской радикальной ассоциации Николай Храмов. — Лучше иметь неприятности, чем участвовать в этой войне, лучше рисковать, стать дезертиром, чем соучастником военных преступлений».

2003 год: В **Перми** сторонники альтернативной гражданской службы отметили этот день, собравшись в Центре поддержки демократических молодёжных инициатив.

2004 год: К этой дате «Молодежное Правозащитное Движение» подвело итоги опроса о ситуации с соблюдением прав призывника. Исследование проводилось в рамках кампании правозащитного движения и называлось — «Твое право не воевать». Опрос проводился в 7 городах России: **Воронеже, Ростове-на-Дону, Москве, Ставрополе, Владимире, Калуге и Нижнем Новгороде.**

2005 год: В **Москве** на Тверском бульваре группа активистов анархистских организаций «Автономное действие», «Хранители радуги» и «Еда вместо бомб» — около 20 человек — провела акцию против войны в Чечне, против планов Минобороны отменить отсрочки в армии и увеличить к 2008 году число призывников, вообще армии как института государственной власти и за отказ от воинской службы. Символом акции стал трехметровый макет балалайки, установленный на Тверском бульваре. «Министр обороны предложил начать с людей творческих профессий — „талантливых балалаечников“. Именно поэтому мы сделали балалайку символом нашего сопротивления милитаристскому безумию!» — говорится в листовке, распространяемой в ходе акции. Кроме того, на месте проведения акции была организована бесплатная раздача вегетарианской еды, а также «удостоверений балалаечников». Позже демонстранты направились к кинотеатру «Художественный», который находится рядом с Генштабом, и продолжили акцию там.

В **Санкт-Петербурге** 17 мая группа из семи человек — активистов «Единой народной партии солдатских матерей» — с криками: «Нет призывному рабству!» бросила в Неву бутылку с «посланием потомкам», в котором содержался протест против войны в Чечне, армейской реформы и увеличения военного бюджета и было поведено о тех, кто ещё пытается с этим бороться. В надежде на то, что наступит время, когда о призывном рабстве будут вспоминать так же, как сейчас о крепостном праве.

В **Самаре** молодые антимилитаристы отметили этот день уличной акцией по раздаче листовок против войны в Чечне. Затем состоялся кинопоказ документальных и учебных фильмов о нарушениях прав человека в российской армии и процедуре защиты прав призывников. Акцию снимала местная телекомпания СКАТ.

2008 год: В **Новокузнецке**, активисты «Молодёжного агентства гражданского просвещения», вышли на Театральную площадь города. За час было роздано около двухсот листовок.

В **Самаре** вскоре после начала акции были задержаны её организатор и участники. В правоохранительных органах заявили, что задержанные нарушили Закон о проведении митингов.

Карельское отделение Молодёжной правозащитной группы обратилось с открытым письмом к президенту России Д. А. Медведеву с призывом отменить в стране всеобщую воинскую повинность. Они напомнили руководителю государства, что ещё в 1996 году первый президент РФ Борис Ельцин в своем предвыборном указе намеревался упразднить всеобщую воинскую обязанность с 2000 года.

2009 год: Представители «Автономного действия — **Уфа**» и сочувствующие девушки у входа в военкомат Орджоникидзевского района поставили фотографию с траурной лентой и подписью «Здесь может оказаться любой призывник»: собирательный образ призывника-солдата, тех, кто погибает в ходе боевых действий, учений или в войсковых частях. Были возложены цветы и зажжены свечи. Рядом разместили плакат с надписью «Провожаем на время, теряем навсегда»... Было роздано порядка 150 листовок.

В **Самаре** прошла символическая акция «Наш сапог снят!» — торжественное снятие и сожжение на берегу Волги кирзового солдатского сапога.

В **Саратове** 16 мая, у памятника Чернышевскому более десятка участников акции, представляющие СД «ВПЕРЕД» и «Антикризисное народное сопротивление», выступили за отмену принудительного призыва и статьи УК РФ за уклонение от призыва, полной амнистии всех осужденных по этой статье и немедленного прекращения облав на лиц, уклоняющихся от призыва. В руках они держали плакаты, смысл которых заключался ровно в противоположном: «Стройбат — гордость Российской армии!», «Требуем увеличить срок службы до 25 лет!» и т. п.

На Радио «Свобода» прошла беседа «Альтернативная служба в России» с участием руководителя проекта «Гражданин и армия» Сергей Кривенко.

В **Ярославле** 22 мая, на пл. Юности состоялся пикет против «призывного рабства» и нарушения прав человека в российской армии. Участниками были члены СД «ВПЕРЕД», СоцСопра, СКМ и ряда анархистских организаций Ярославля.

Памяти Нильса Кристи

27 мая 2015 года умер Нильс Кристи. Его имя настолько мало известно в нашей стране, что у читателей невольно возникнет вопрос: а кто это? И чем он для нас близок?

Нильс Кристи, норвежский юрист и криминолог, родился 24 февраля 1928 года в Осло. Пережил немецкую оккупацию Норвегии. Изучал социологию в Университете Осло. В 1953 году получил степень магистра социологии за исследование об охранниках концлагерей; в 1960 — ученую степень за работу в области молодежной преступности в Норвегии. В 1966 стал первым профессором криминологии в Норвегии. Профессор

Университета Осло, член Академии наук Норвегии и Швеции, директор норвежского Института криминологии и уголовного права Университета Осло, президент Скандинавского Совета по криминологии, член редакционного совета международного журнала «Теоретическая криминология», лауреат премии норвежской организации «Свободное слово» 2001 года.

Так чем же он для нас интересен и близок?

Нравственное сознание людей, развиваясь, идет в сторону уменьшения насилия. И как солнце, поднимаясь все выше и

выше, освещает сначала один объект, затем другой, ранее остававшийся в тени, — так и объектом внимания нравственного сознания человеческого общества становятся одни явления, затем другие, ранее остававшиеся незамеченными и не считавшиеся ранее чем-то недопустимым. Слово «аболиционизм» (движение за отмену чего-либо) когда-то означал борьбу с рабством, потом борьбу за отмену смертной казни, сейчас пришло время борьбе за отмену, за демонтаж самой системы наказаний.

Было время, когда за отмену смертной казни выступали только сектанты и еретики: вальденсы, социниане, квакеры. Все же остальные считали, что мир рухнет, если пойти на такую меру. Но пришел свой срок, и мысль о том, что смертная казнь недопустима, распространилась настолько, что возникло широкое движение ее противников. А сейчас мы видим, что почти во всех европейских странах смертная казнь отменена. Очередь за США и Китаем.

Мы хорошо помним, как Лев

Толстой выступал против судебной системы наказаний, считал ее недопустимой и не только принципиально противоречащей христианскому отношению к грешникам и обидчикам, но и, в большинстве случаев, бессмысленной с точки зрения общественной пользы. Многим запомнилось в романе «Воскресение» описание того, как судьи с важным видом судят несчастного воришку, укравшего старые половики, которые стоят в сто раз меньше, чем пойдет на оплату работы этих судей, и которые самому хозяину этих половиков уже давно не нужны.

Кропоткин в свое время написал замечательный доклад «Узаконенная месть, именуемая правосудием». Тот же взгляд выразил и Леонид Андреев в рассказе «Христиане».

Но всё это были взгляды отдельных людей, пусть и известных. Время широкого движения за отмену уголовного наказания тогда еще не пришло. На повестке дня тогда была отмена телесных наказаний (см. статью Л. Н. Толстого «Стыдно»), смертной казни («Не могу молчать»), введение альтернатив-

ной службы («Письмо к шведам»).

В настоящее время аболиционизм в криминологии, т. е. стремление к полному отказу от института тюрьмы, а в более широком смысле и к отмене уголовного права, — это полноценное движение, до определенной степени признанное общественным мнением и даже государством. И Нильс Кристи играл в нем главную роль.

Он последовательно выступает против смертной казни, за гуманизацию наказания и сокращение «тюремного населения». А отмену, демонтаж системы уголовного наказания он предлагал проводить плавно, постепенно. Не так как поступал в свое время Н. И. Махно, когда, при взятии его вооруженными отрядами городов, он первым делом взрывал тюрьму и выпускал на волю всех уголовников из тюрем. По мысли Н. Кристи начать нужно с отмены наказания за небольшие преступления. Нужно иметь в виду цель не мести обидчику, не взимание штрафа в казну, не заготовление для государственных нужд бесплатной рабочей

силы в лице отбывающих наказание — а примирение, восстановление человеческих отношений между обидчиком и пострадавшим и минимизация причиненного вреда. Человек совершает преступление не перед Законом, Государством, а перед такими же людьми, значит и основной целью наказания должно быть восстановление, возмещения того ущерба, который он нанес пострадавшим. Потому и не государство должно определять вид наказания и способ его исполнения, а совместно преступник и пострадавший или их близкие.

Признавая, что уголовное наказание сдерживает преступность, Нильс Кристи утверждает, что совершенно несостоятельна попытка увязать степень суровости наказания с уровнем преступности, так как статистика ясно показывает отсутствие какой бы то ни было связи между тяжестью и количеством преступлений, с одной стороны, и тяжестью наказаний — с другой.

Кристи также пишет, что мы сможем полностью ликвидировать преступления, создав об-

щества, основывающиеся на совершенно иных принципах, чем наши обычные государства. Он ставит в пример стихийно, самостоятельно возникшие объединения людей: общины, кооперативы, коммуны, в которых люди учатся разрешению конфликтов без применения уголовного наказания, без узаконенной системы причинения боли.

Неслучайно, это движение распространяется в первую очередь в небольших северо-европейских, скандинавских

странах, где власть государства не так сильна, а традиции подлинной демократии, то есть уважения к себе и другим, давние и крепкие. Известные криминологи-аболиционисты: В Норвегии — Нильс Кристи и Томас Матисен, в Нидерландах — Герман Бианки и Люк Хюльсман. И движение это уже добилось определенных практических успехов в своих странах. В Норвегии и Швеции созданы Национальные комиссии по примирению.

Книги Нильса Кристи.

«Удобный враг». Люди, стоящие во главе государства, должны оправдывать свое привилегированное положение, свое право отбирать деньги у тех, кто занят производительным трудом. Традиционно это была оборона, подготовка к войне с соседними державами. Правители старались изображать положение дел так, что все народы, за исключением собственного, только и заняты приготовлением к захватнической

войне. Так что армии и дипломатии едва удается сдерживать стремления всех этих врагов. Поэтому никакие расходы народных средств на армию и госаппарат не могут считаться излишними. Но последние 70 лет, по причине изобретения ядерного оружия, полноценная война между европейскими странами стала невозможна. Следовательно, и подобное оправдание собственного положения и траты народных

средств тоже стали невозможны. И тогда перед властью имущими возникла проблема поиска, изобретения такого врага, который бы оправдывал их привилегированную жизнь. Удобный враг — это такой враг, пишет Нильс Кристи, который был бы ненавидим народом, «сильным и грозным на вид, но слабым в действительности». В настоящее время таким врагом стала преступность вообще и распространение наркотиков в особенности.

В книге «Борьба с преступностью как индустрия. Вперед к ГУЛагу западного образца?»

Н. Кристи рисует нам картину разрастания системы тюрем и лагерей, как в России, так и в США. Происходит это по одной и той же причине: превращение заключенных в бесплатную рабочую силу для государства привело к тому, что стало очень выгодно признавать преступниками как можно большее число людей, признавать преступными как можно большее число поступков.

В частности, это происходит и в сфере борьбы с наркотика-

ми. То, что употребление наркотиков — зло, мы все согласны. Но борьба с этим злом с помощью насилия, с помощью разрастания традиционных средств государственной системы наказаний, дает пользу в первую очередь самим борцам. Преувеличивая эту разновидность зла, записывая в список наркотических веществ те, которые ранее наркотическими не считались, они требуют для себя из народных средств, из государственного бюджета, все большей и большей доли.

А как же не сажать, как же не увеличивать количество тюрем и лагерей, если статистика показывает увеличение количе-

ства преступлений год от года? Нильс Кристи доказывает, что этот взгляд слишком поверхностный. Количество преступлений увеличивается в первую очередь за счет того, что поступки человека, ранее не считавшиеся уголовным преступлением, или считавшиеся не тяжким преступлением, теперь превращены в таковое. Ведь деление поступков на преступные и не преступные — достаточно произвольно и зависит от воли законодателя. И определение меры наказания — тоже довольно-таки произвольно. В свое время вешали всего лишь за кражу платков из кармана.

Государство пользуется мстительностью людей, чтобы получать себе бесплатную рабочую силу и оправдывать свое привилегированное положение. Опасаться нужно не столько

преступности, сколько последствий насильственной борьбы с ней.

В книге *«По ту сторону одиночества: сообщества необычных людей»* показано, насколько относительно привычное деление людей на нормальных и ненормальных. И наиболее перспективным видит проживание людей с разными психическими и поведенческими отклонениями не в больнице, а в отдельных деревенских общинах, в естественном общении с людьми и природой — и несколькими наблюдающими за ними волонтерами. В Норвегии уже много лет существуют такие поселения, а при активном участии Н. Кристи такая деревня была открыта и в Ленинградской области России.

Кроме написания книг и общественной деятельности, Нильс Кристи входил в редакцию журнала *«Неволя»*. Именно там я первый раз прочитал интервью с ним. И не просто заинтересовался, а почувство-

вал определенную близость взглядов. И его язык: простой и ясный, человеческий язык, а не юридический или научный. Тут же пошел в книжный магазин, купил все его издания, которые там были, и не разочаровался,

прочтя их одну за другой. Все они были изданы московским «Центром содействия реформе уголовного правосудия».

В 2013 году, в Москве, я встречался с Л. С. Левинсоном, обсуждал с ним работы Н. Кристи и деятельность современных аболиционистов. Был обрадован, узнав, что теперь у меня есть с этим замечательным автором общий знакомый. Лев Семенович общался с Нильсом,

когда тот приезжал в Россию и помогал в его деятельности. На прощание Л. С. подарил мне и все остальные книги Нильса Кристи, вышедшие на русском языке, которые я тоже прочитал на одном дыхании.

Еще раз хотелось бы с благодарностью вспомнить жизнь и творчество покойного. Нильс Кристи был настоящим явлением в нашей современной жизни.

В. Адаменко

Из книги **«Удобный враг»**:

«Война — это не обязательно зло, особенно для тех, кому не приходится платить своей жизнью за участие в военных действиях. Враг — это не обязательно только опасность, враг может быть очень и очень полезен. Существование врагов способствует объединению противоположных лагерей внутри общества, благодаря врагам можно изменить общественные приоритеты, привлечь внимание к одному маленькому фрагменту существующего положения вещей и отвлечь от всего остального...

Идеальным для любого правителя было бы такое состояние государства, при котором каждый год на горизонте возникал какой-нибудь враг. Новый враг, ненавидимый народом, который был бы сильным и грозным на вид, но слабым в действительности».

«Идеальный враг должен соответствовать определенным требованиям. Ниже мы даем семь важнейших его признаков:

1. Социальная проблема — это та проблема, которую люди воспринимают как социальную. Однако далеко не все мнения принимаются в расчет. Только те проблемы, на борьбу с которыми поднимаются обладающие властью и правом голоса группы общества, становятся официальными социальными проблемами...

2. Враг должен выглядеть опасным, лучше всего чудовищным, бесчеловечным... Невозможно вести войну хладнокровно, на аналитическом уровне. Важный элемент борьбы — общественное негодование. Практически всегда предвоенная пропаганда наполнена преувеличениями и картинами ужасов, и чем страшнее война, тем шире их применение. В идеале хорошо бы выделить группу индивидов, воплощающих в себе самые худшие качества образа врага. Такая однородная группа с одинаковыми свойствами и становится представителем архетипа зла.

3. Несущие ответственность за борьбу с врагом должны чувствовать себя уверенно. Всякая критика откладывается до победы. Их нельзя трогать, иначе они не смогут собрать народ для борьбы. Они нуждаются в полном доверии, даже если слегка переусердствуют и прибегнут к некоторым преувеличениям, как в описании врага, так и по поводу характера проблемы. Врага необходимо представить настолько сильным, чтобы это оправдывало предоставление властям чрезвычайных полномочий.

Одним из способов обеспечить подобную неприкосновенность в военное время является частичная отмена действия обычных механизмов контроля, препятствующих злоупотреблению властью. Другим средством является то, что те, кто ведут военные действия, в значительной степени сами определяют, что является победой, а что поражением. В военное время цензура мешает гражданам адекватно оценивать ход военных действий. То же самое можно наблюдать и в официальных сводках, освещающих борьбу против какой-либо социальной проблемы...

4. Удобный враг — это тот, кто никогда не умирает. Генералы стремятся к победам, но далеко не всегда — к миру. Если потери войны не особенно велики, лучше всего постоянно поддерживать горящий огонь войны и по мере сил отдалять полную капитуляцию противника. В стратегическом плане это осуществляется следующим образом: постоянно сообщается о военных успехах и небольших победах, но враг настолько могуществен и хитер, что опасность для отечества по-прежнему сохраняется. Чтобы добиться еще больших успехов в войне, генералам необходимо добавить ресурсов в виде материальных средств и чрезвычайных полномочий.

5. Чтобы народ как можно меньше вмешивался в ведение воен-

ных действий, образ врага должен быть максимально расплывчатым, чтобы было не разобрать, становится ли он сильнее или слабее... Идеальный враг постоянно терпит поражение, но никогда не исчезает.

6. Но неясность образа врага не должна переходить определенных пределов...

7. Фантазия тоже не должна переходить определенных границ... Нельзя совсем уж преуменьшать силу врага. Враг существует, его можно увидеть каждый день, хотя он и не обладает такой мощью и таким размахом, как утверждают генералы, да и действия его не отличаются той целеустремленностью и осмысленностью, какими представляются».

Из книги **«Борьба с преступностью как индустрия»**:

«Недавние исследования, посвященные концентрационным лагерям и ГУЛАГу, привели нас к новым важным идеям. Проблема не в том, как это могло случиться. Проблема скорее в том, почему это не случалось чаще, а также когда, где и как это произойдет в следующий раз».

«Тюрьма — это деньги. Большие деньги. Строительство, оборудование. Деньги на содержание тюрьмы».

«Когда закончилась холодная война, военно-промышленный комплекс забеспокоился. Но долго это не продолжалось. Появился новый враг — враг в собственном доме».

«Рост количества заключенных в России связан и с тем, что многие реформаторы с Запада призывают Россию бороться с преступностью, особенно с употреблением и распространением наркотиков, так же, как борются они сами...».

«Правители, а в демократических странах — политики, всегда пытаются создать впечатление, что перед ними стоят рациональные задачи и утилитарность мышления важна и необходима. Мы, работники культуры, или, как сказали бы жители Восточной Европы, представители интеллигенции, выдвигаем противоположную задачу: разрушить этот миф и вернуть происходящее в сферу деятельности культуры».

Из лекции **«Современное преступление»**:

«Стандартная мера числа заключенных — это количество за-

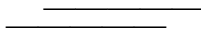
ключенных на 100 тыс. населения. В Скандинавии на 100 тыс. населения — «сидит» 60-70 человек. В Западной Европе — около 100 человек. Это было в Западной Европе, за исключением Великобритании, т. е. Англии и Уэльса, — к их стыду, поскольку они более, чем в 2 раза превышают скандинавский показатель, — около 150 человек на 100 тыс. населения. А вы знаете, сколько у вас в России? Эта цифра сильно увеличилась, за последние два года опять выросла до 600 человек (вместо 60!) на каждые 100 тыс. населения. Я считаю, что это моральная катастрофа. Почему у вас должно быть так много заключенных? Может быть, вы знаете, только одна страна обогнала вас в этом — США. У них 730 заключенных на 100 тыс. населения».

Из статьи **«Примирение или наказание»**:

«Способствуют ли уголовные суды примирению?

После Второй мировой войны не было предпринято попыток предложить альтернативу уголовному суду. В то время мы не могли даже помыслить о создании Комиссии согласия и примирения. Но теперь такие комиссии существуют, и, как следствие, мы можем задавать важные вопросы. Например, уголовный суд являет блестящий пример мастерства по части причинения боли и страданий преступникам. Но большой ли от него будет прок, если нам требуется восстановить в обществе согласие, а не сводить этот процесс лишь к обузданию чувства мести? И — что еще важнее — способен ли уголовный суд помочь враждующим сторонам добиться взаимного примирения? Или же имеет место как раз обратное: что суд скорее углубляет пропасть между конфликтующими сторонами, поддерживая версию одной из сторон и отбрасывая версию противной стороны? И не получается ли так, что сила уголовного суда как инструмента согласия оборачивается его слабостью в тех случаях, когда требуется примирение?

Я думаю, что так оно и есть».

В интернете, в открытом доступе, можно найти основные сочинения Нильса Кристи, если начать с его страницы в Википедии.

И. Ф. Наживин

Забастовка

I

Было холодное, непогожее октябрьское утро. Сильный ветер гнал по низкому небу тяжелые, темные тучи, сеявшие без конца мелкий спорый дождик. Этот дождь развел невылазную грязь на лесном складе купца Никифорова; телеги с товаром вязли по ступицу в немощеных проездах между высокими, нахмурившимися под дождем и потемневшими штабелями. Тем не менее, несмотря на эту погоду, прервать работу в складе никак нельзя было: с Волги пришли балки и до заморозков их необходимо было, во что бы то ни стало, убраться в склад.

Дело это очень сложное и тяжелое, даже в хорошую погоду, так как балки сыры, покрыты грязью и скользкою слизью и от долгого пребывания в воде

очень тяжелы. Справляться с ними очень трудно, — чуть оплошает рабочий, балка скользит, летит вниз, с треском ломая стойки, и в результате поломанные руки, ноги, а часто и смерть какого-нибудь зазевавшегося поденщика. А в эту невылазную грязь, под холодным ветром, от которого коченеют руки, под дождем, эта работа становится прямо каторжной. Своей опасностью, трудностью, спешностью она доводит нервы приказчиков и рабочих до крайнего напряжения...

Возов тридцать бесконечной линией протянулись у склада, мешая уличному движению. Рабочие, с нахмуренными лицами, озлобленные на этот тяжелый труд, на погоду, быстро снимали балки с колес и осторожно поднимали их на штабеля.

— Юзом, юзом!.. — кричал

батырь* . — Та-ак... Стой!.. Отдохни...

Рабочие остановились, вытирая одной рукой потные лбы, а другой придерживая балку.

— Васька, черт!.. Чего рот-то разинул, дьявол?.. Видишь, назад пошла. Держи рычаг крепче!..

Васька оторопел и ухватился за рычаг обеими руками.

— Ну, берись!.. Все берись!.. Кантуй!.. Еще кантуй!.. Юзи!.. Пошла, пошла!

— А пошла, пошла, пошла-а!.. — нестройным хором затанули поденщики, изо всех сил толкая вперед громадную, почерневшую от сырости, балку.

— Стой!.. Есть!..

Балка с глухим стуком упала на штабель.

— Другую!.. Берись, живо! — скомандовал приказчик.

— Чего: берись? — сумрачно ответил батырь. — Дайте вздохнуть хоть минутку...

— Черт, я те повоздыхаю!.. Не видишь, что ли, тридцать

лошадей ждет?.. Вдыхатели, черти!..

— Да чего вы лаетесь-то?.. Чай, видите, не в игрушки играем... Не разорваться...

Рабочее глухо загудели. В другое время это понуканье не произвело бы на них никакого впечатления, но теперь оно выводило их из себя.

Главный приказчик, Петр Иванович, — разжиревший русак, с большой бородой и заплавленными, свиными глазками, в теплой поддевке и прочных сапогах с калошами, — под наблюдением которого совершалась эта опасная работа, и который был ответствен за всякий несчастный случай, происшедший в громадном складе, — и рвал, и метал. С реки торопят, — потому заморозки близко, с улицы полиция гонит, так как обоз мешает проезду, тут того и гляди, голову кому-нибудь оторвет балкой, — в каторге словно лучше... Всю душу вымотало...

Противоречие рабочих вывело его из себя.

— Говорю, берись все!.. — закричал он со злостью. — Не чеши бока-то!..

Рабочие, еще более нахму-

* „Батырь" — рабочий, распоряжающийся работами артели, получающий расчет для нее и служащий посредником в ее сношениях с нанимателем, — лицо, большею частью, выборное.

рившись, взялись за следующую балку и с громким криком водворили ее на штабель.

— Давай!.. — крикнул Петр Иванович следующему извозчику. — Берись!..

Не успела эта балка подняться на штабель, как опять:

— Давай!.. Берись!..

Оборванные, покрытые вонючей грязью с ног до головы, промокшие до костей, полуголодные поденщики, уже измученные этой работой в течение двух недель, чувствовали, что это „берись“ все большее и большее бьет их по нервам. Что ж они собаки что ли?.. Выгнали на работу в эдакую погоду, минуты вздохнуть не дают, по колена в грязи, — да что же это такое?.. Темное, злобное чувство росло и крепло в их душах...

— Берись!.. Живо!..

— Стой, не берись, ребята!.. Отдохни! — отвечал батырь. — Ну их к дьяволу и с балками-то...

— Знамо... Что ж?.. Не собаки... Надо тоже понимать...

И рабочие остановились, вынули промокшие кисеты из рваных штанов и стали — одни набивать трубки, другие свер-

тывать „собачью ножку“.

— Эй, кто там есть, убирайте лошадей с улицы, говорю!.. — раздраженно прокричали с тротуара помощники пристава в сером гуттаперчевом плаще. — В сотый раз говорю... Протокол составлю!

— Сейчас, сейчас, вашескородие... Сию минуту, — отвечал Петр Иванович, почтительно снимая намокший картуз. — Ну, вы, лодыри; живо! Слышали?

— Чего: слышали?.. Это не наше дело... Не разорваться... — послышались голоса.

— Что?.. Не ваше дело?.. А-а, так-то, стервецы?! — совсем разъярился приказчик. — Ну, так вот вам мой сказ: с сегодняшнего дня работу буду считать сдельно, а не поденно. Я вас, чертей, живо подтяну!.. У меня... У меня не шути...

— Чего? На сдельную?.. На кой ты нам!.. Ишь ты, гусь какой выискался!.. Га!.. Сдельно!.. — загалдели возбужденные рабочие, зная, что, вместо семидесяти копеек поденно, сдельно им не заработать и сорока при этой трудной работе и дешевых сдельных ценах.

— Какой умный!..

В другое время, когда в складе работы было не много, поденщики были рабами, с которыми все можно сделать, и так разговаривать с приказчиком они не смели бы тогда и подумывать. Теперь же, когда от них зависело все, они не позволяли лишних притязаний со стороны приказчиков.

— Сдельно!.. Так мы и стали работать на тебя... Мало ты нашей крови-то сосал... Нет, буда...

— Молчать, не разговаривать! — загремел Петр Иванович, надеясь этим криком, как это бывало не раз, сразу покорить протестующую „золотую роту“, но на этот раз момент был выбран плохо: рабочие были сильно возбуждены, устали и голодны.

— А-а, ты вон как запел! — закричал батырь, — Бросай работу, ребята!

С сердитыми лицами, громко переговариваясь, рабочие отошли от балок, вытащили из-под штабеля досок свои убогие лохмотья и начали одевать их на продрогшие плечи. Петр Иванович понял, что сделал промах...

Лучше бы пообещать на вод-

ку... Но отступать было нельзя: это значило отдать себя на долгое время в их власть.

С мостовой опять кричал околодочный, требуя, чтобы убрали возы.

— Ну, так погодите, сукины дети!.. Узнаете вы у меня потом — весь дрожа, прокричал Петр Иванович. — Ввози!.. Вали прямо на землю.

Одна за другой въезжали лошади в склад, и извозчики валили балки прямо в грязь.

Скоро весь проезд был завален ими так, что ни один воз не мог проехать тут.

Петр Иванович послал одного из своих помощников, чистяка и красная Матрешина, сказать скорее по телефону, чтобы с реки не посылали более балок, но оттуда отвечали, что хозяин строго настрого приказали вывозить скорее, потому что сзади шла еще барка, а заморозки были не за горами. Петр Иванович ругался на чем свет стоит.

Рабочие вышли под навес большого сарая и курили там, возбужденно переговариваясь:

— Ну, вот что, Никита... Иди, скажи ему, толстобрюхому, ежели даст восемь гривен, станем на работу, а то так, как зна-

ет... решили рабочие.

Никита, батырь, смело по-
дошел к Петру Ивановичу и, не
снимая шапки, как это он делал
в другое время, проговорил:

— Ежели, значит, желаете
восемь гривен, мы будем рабо-
тать, а то как хотите... И чтобы
без пенянья... А не...

— Прочь, мерзавец!.. — за-
кричал приказчик. — Вон все из
склада!

Прогоняя рабочих и останав-
ливая тем дело, Петр Иванович
терял несравненно более, чем
если бы прибавил всем рабочим
не по гривеннику, как просили
они, а по рублю в сутки, но
уступить было нельзя. Это было
принципом в складе: никогда
этим дьяволам не уступать, а то
они такую волю возьмут, что
волком взвоешь.

И он не уступил.

Рабочие разделились на две
партии. Одна из них, шесть че-
ловек, которые в складе работа-
ли постоянно, решили упор-
ствовать; другие же, человек
десять, попавшие случайно в
склад только на время усилен-
ной работы, набранные „с бору
да с сосенки", хотели продол-
жать работу, так как им надо
было есть, а значит, нужно бы-

ло теперь же иметь деньги на
это, тогда как постоянных рабо-
чих знали в соседнем трактире
и оказывали им небольшой кре-
дит. Между этими двумя груп-
пами произошел оживленный
обмен самых грубых руга-
тельств и угроз „переломать ре-
бра", но вторая партия решила
все-таки остаться и заявила об
этом приказчику. Это, впрочем,
дела не меняло, так как ставить
новичков к балкам, — значило
идти на страшный риск, на
убийство, или, по меньшей ме-
ре, на увечье одного, а то и не-
скольких человек.

Покорившиеся были беспо-
лезны теперь для хода дела, но в
пику тем, возмущившимся, Петр
Иванович оставил их в складе,
приставив к другим работам.

— И вечером, при расчете,
всем по пятаку на водку!.. —
нарочно громко крикнул он.

— Валяй!.. — злобно отозва-
лась другая партия, удаляясь.

И даже среди оставшихся это
обещание не вызвало большого
оживления. Они сознавали, что
Петр Иванов зря тормозил ра-
бочих, зря не уступил; и они
ушли бы, если бы жрать не
надо...

Молча они разошлись по

складу к разным штабелям.

Старики же, шлепая одетыми на босую ногу опорками по глубокой грязи, придерживая срываемые ветром убогие картузишки и нагнувшись поди дождем, медленно пошли в соседний трактир.

II

Сутки поденщиков делятся на две, почти равные части: большую часть они проводят в складе, меньшую — в трактире, где едят, пьянствуют, отдыхают. Если их нет в трактире, они в складе, если их нет в складе, они в трактире. Ночь они проводят тоже большею частью в складе и летом и зимой, несмотря на жестокие морозы; беспаспортные, они боятся ночлежек, где того и гляди полиция изловит.

И теперь, когда Петр Иванович выгнал их из склада, они, естественно, направились в трактир, так как больше идти было некуда; все эти оборванные, голодные люди не знали, что такое свой угол.

Вонючая, промозглая и теплая атмосфера трактира показала им необыкновенным бла-

гополучием после сырости и холода склада. Сняв шапки и оставляя мокрые следы на грязном полу, усыпанном опилками, они прошли в одну из средних комнат, где было потешнее, и, ругая анафемскую погоду, сели за стол, на котором лежал не-возможно грязный утиральник. Половой с рябым испитым лицом, чрезвычайно грязный, не спрашивая, подал рабочим бутылку водки, миску отвратительных щей, ковригу хлеба, — он уже знал их привычки. Покончив со щами, рабочие, всё так же молча, нахмурившись, принялись за жареную картошку, издававшую противный запах пригорелого лука. Еда и водка разогрели и несколько развеселили их.

— Посиди-ка вот теперь без нас!.. — рассмеялся Титехтур. — Балочки-то, он тебе покажут, как Кузькину мать звать...

— Небось, сдастся...

— Сам прибежит.

— Проси, ребята, по рублю, а меньше ни-ни... — предложил Митька Завей-Горе.

— Ну, чего зря-то?... Сказано восемь гривен, и дело с концом... — сердито отозвался Никита Зверь, батырь, — Водить

люли-то тоже не больно сладко, как посидишь нежравши денек.

— А с восьми гривен не уступать...

— Это ни в жисть... — энергично мотнул головой Ванька Кот.

Обед кончился. Подумав, рабочие решили спросить еще водки — что же без дела-то зря сидеть?

Началась выпивка...

При первом знакомстве с толпой поденщиков, все эти люди кажутся удивительно одинаковыми. Их грязные лохмотья, пьянство, грубость, озлобление, все это нивелирует их и заставляет сливаться в однообразную серую массу. Только приглядевшись, можно различить под грубой оболочкой личность человека с ее особенностями. Все это неудачники, побежденные в жизненном бою. Многие из них так и на свет появились голодными и оборванными, другие жили раньше в иных, лучших условиях и до этого состояния дошли не сразу.

И те и другие не любят говорить о своем прошлом; первые потому, что и говорить-то равно не о чем, вся жизнь их сплошной голод, холод и унижение;

вторые потому, что они стараются забыть это прошлое, они давят в себе все, что могло бы напоминать им о нем, чтобы настоящее не было так тяжело, так больно.

Так, например, Никита Зверь, батырь, — кто он был, откуда, и как попал в это положение, никто об этом не знал ровно ничего. Зверь не только не говорил об этом прошлом, но и вообще, говорил чрезвычайно мало, ограничиваясь на работе лишь распоряжениями, подкрепленными ужасными ругательствами. В минуты отдыха они тоже или молчал, или только ругался. Красное, одутловатое лицо его с щетинистой ярко-рыжей бородой отекло от постоянного пьянства и бессменно носит выражение бесконечной злобы ко всему и ко всем. Делать зло всему живому, по-видимому, доставляет наслаждение Никите, которому за это и дали кличку Зверева или просто Зверя. Увидит Зверь забежавшую на склад кошку и тотчас засвистит, сзывая собак; начинается травля, в которой Никита принимает самое деятельное участие и результатом которой бывает всегда несколько исцарапанных

собачьих морд и растерзанная кошка... Сидит Никита у ворот, покуривает, собака подходит к нему, ласкаясь. Тотчас пинок ногою в бок, затем кирпич летит вслед испуганному животному.

— Ишь ты, дьявол шляется!..
— рычит Никита.

Не лучше обращается он и с людьми; пред сильными он смиряется, ругаясь с ненавистью, со злобой; слабых сам тиранит и опять ругается. Казалось, что Никита все время мстил всем и всему за что-то, скрытое в его прошлом...

Рядом с ним сидит Степка Титехтур*, — тщедушный старик с козлиной бородой и лысиной во всю голову. Титехтуром его прозвали за большие способности к рисованию, и необыкновенную страсть ко всяким изобретениям. Напившись до известной степени, Степка начинает всегда плакать и жаловаться на судьбу, на людей, которые сгубили его. Когда-то он был машинистом на железной дороге и хорошо зарабатывал. Вдруг над ним стряслась

беда: жена, которую он любил, спуталась с дорожным мастером. Пошли дома скандалы, Степан стал пить и вскоре потерял место. Постепенно спускаясь, он дошел до положения поденщика и из Степана Ивановича превратился в Степку, „из кобыл да в клячи“, по его выражению. Работник теперь Степка плохой, так как силенки в нем осталось немного — пятьдесят уж стукнуло, — да и пьянствовал он часто, но его держали в складе за его необыкновенные чудачества и за рисунки, которыми он потешал приказчиков и рабочих. Рисовал он мастерски, хоть руки и дрожали от постоянного пьянства. Приказчики тащили ему бумагу и карандашей и его произведениями украшали свои комнаты, лепя их по стенам, рядом с лубочным „Петром Великим на Ладожском озере“ или с картиной, носящей название „Во саду ли в огороде“. Степка изображал приказчиков, контору, кур, поденщиков, собак, монастырь, и все находили, что „здорово, собака, свое дело знает“. Когда Степка были пьян, в нем начинала говорить жилка изобретателя и, лежа в складу среди со-

* т. е. архитектор.

бак на опилках, он думал о таком колесе, которое могло бы всегда вертеться без воды и без ветра, — „раз чтобы пустил его в ход, и чтобы не останавливалось никогда". Но колесо это не удалось, — конечно, теоретически, так как практически Степка и не пробовал испытать его. Тогда, он оставлял колесо и выдумывал аппарат для обваривания кипятком неприятеля при штурме крепости. Этот аппарат удался и проект его откладывался в сторону, на время, пока Степка был занят паровозом, который ходил бы „без огня, а пружиной, как часы". Завел на одной станции и лети до другой без хлопот: ни водокачек, ни угля не надо...

Напившись, Степка начинал чинить свои лохмотья, потом вытаскивал из-под штабели досок небольшую коробку, вынимал из нее истрепанный галстук, бывший когда-то черным, и воротничок, бывший когда-то белым, надевал и, под общий хохот, уходил из склада, чтобы идти к „генералу" на железную дорогу. Он хотел предложить этому генералу или идею заводного паровоза, или аппарат для обваривания кипятком неприятеля.

Но на беду Степки генерал жил далеко, а по пути был добрый десяток мест, где можно было „хватить для смелости, — с генералом-то разговаривать, ведь, не тютю облизать". К вечеру Степка так набирался смелости, что для вырезвления попадал в участок или же падал и спал где-нибудь в канаве или на огороде. Так генерал и оставался без заводного паровоза и без обварителя. Но Степка не унывал и, „по слабости кишки" валя через пень колоду на складе, потешал всех своим воротничком, подводными лодками, воздушными шарами и рисунками...

Был на складе и еще один рабочий, прошлое которого было известно всем, во-первых, потому, что он был еще молод, в „золотую роту" попал очень недавно и любил бахвалиться своим прошлым, а во-вторых, потому, что часть его жизни прошла на глазах всех рабочих. Звали его раньше Дмитрием Моргуновым, а теперь Митькой Завей-Горе. Митьке около тридцати лет. Он высок ростом, строен, красив; пьянство еще не успело наложить на него свою печать. Он выглядит пока заху-

далым мещанином, так как любит „содержать себя в порядке“, насколько это, конечно, возможно. Он одет в рваный, клетчатый пиджачишко и рубаху-косоворотку; из бокового кармана болтается медная, ярко начищенная цепочка от часов, которые отданы в починку, как уверяет Митька вот уже второй год.

Митька был сыном богатого, по-деревенски, мужика. Когда ему только что исполнилось двадцать пять лет, и он едва успел прийти домой из солдат, умер его отец, оставив его полным хозяином всего, — старший брат отделился еще при жизни старика; мать умерла еще раньше. И Митька начал хозяйничать. Избалованный солдатчиной, узнавший все прелести московской жизни, он запер свой дом в деревне и отправился в Москву. Там, поосмотревшись, он купил небольшую колониальную лавочку и стал торговать. Но торговля шла плохо, и по неопытности хозяина, и главное, потому, что большую часть своего времени он проводил по циркам и трактирам с мамзелями. Одевался он щеголем, ходил не иначе, как брюки

„на выпуск“, в сапогах „со скрипом“, а зимой и в лисьей шубе... Ничто не доставляло Митьке такого удовольствия, как похвастать перед народом тем, что у него денег много. Подвыпив, Митька разыскивал какого-нибудь оборванца.

— Эй, ты, шентрапа!.. Сколько возьмешь, чтобы я тебя по рылу съездил?.. — спрашивает он умышленно громко.

— Изо всей силы, аль только так, для виду?

— Га!.. За свои деньги мы можем получить и полное удовольствие...

— Кады так — рупь...

— Ну, держись...

Оборванец летит с ног.

— Ты сколько сказал? — спрашивает его Митька громко, как бы забыв.

— Рупь... — сумрачно отвечает тот, держась за лицо.

— Получай три!.. — говорит Митька, выбрасывая зелененькую, и гордо удаляется, наслаждаясь сознанием произведенного эффекта.

Дела в лавке шли хуже и хуже, и Митька, наконец, прикрыл ее. Он накупил лошадей и стал работать на лесных складах с таким успехом, что через два

года у него не было ни лошадей, ни денег, ни лисьей шубы, — его обманывали все, кто только мог, да и „мамзели" приложили немало стараний, чтобы очистить карман тароватого хозяина.

Бить по рылу, ездить по трактирам и циркам было уже не на что. Митька дошел до того, что поступил в работники к одному извозчику, а потом попал и в золоторотцы. Но фонфаронства своего он не бросал и, блестя медной цепью, рассказывал о своем прежнем величии.

И над рассказами, и над сказчиком хохотали, но он не унывал: стоит обращать внимание на мужиков необразованных! Он был уверен, что это положение, в котором он теперь находится, только временное, а потом все опять как-нибудь уладится, и он снова будет ходить в лисьей шубе и разъезжать по циркам и трактирам, где расторопные половые будут услужливо подавать ему „Листок" и „Будильник", которые он „обожал".

— Жисть, бывало!.. — говорил он мечтательно, — Выйдешь это из цирка, извозчики со

всех сторон к тебе летят: „господин купец, со мной ездили! Господин купец, пожалуйста! Фу ты, того гляди, раздавят... Ну, припалишь это в трактир, закажешь, что следует, и сейчас тебе „Будильник" там или „Стрекозу"... Купца там тебе брюхатого нарисуют, как он на масляной блинов обожрался, или жулика с дубиной, как он у барина часы отнимает, или там извозчика-Ваньку... Потеха...

— Это для чего же? — спрашивает Гаврила.

— А чтобы смеялись...

— Неча сказать, дело!.. — встряхивает Гаврила головой.

— А то „Листок"... Про пожар, про убийство, про суд... Особенно ежели какое-нибудь занятное дело, да с хорошими адвокатами, — и-и, шут-де дери, какой шум эти газеты поднимают!.. И-и-и!..

И Митька даже глаза закрыл, вызывая в своем воображении столь приятный ему газетный шум.

— И то дело!.. — опять отозвался Гаврила. — Драть бы тебя надо еще, вот что...

— Руки коротки!.. — отпарировали Митька и задумался, очевидно, о своем блестящем

прошлом.

И Гаврила тоже задумался, но невеселы были его думы. Два года уж ломает он спину здесь, а когда еще конец будет?..

Гавриле за пятьдесят; своею наружностью он походил бы на Микель-Анджеловского Моисея, если бы не был так испит и издерган, если бы на лице его не лежало выражение постоянной тревоги и заботы...

Года два с чем-то тому назад, в глухую полночь, вспыхнула, как костер сухого хвороста, его Голодаевка, а к утру от нее не оставалось ничего, кроме обгорелых бревен и груд пепла, над которыми, с раздирающим душу воем, как скорбные тени, ходили женщины, разыскивая, не уцелело ли что среди разрушения. Но ничего не уцелело, сгорели избенки, вся утварь, у большинства сгорела вся одежда, — едва сами-то выбрались. У многих, в том числе и у Гаврилы, погиб в огне весь скот и уже обмолоченный хлеб. Разорение было полное, остались просто в чем мать родила. Поплакали, погоревали, но слезами горю не поможешь, надо как-нибудь изворачиваться.

Семья Гаврилы пошла „в ку-сочки", а сам он отправился собирать „на погорелое место" в Москву, наслышавшись, что там много „благодетелей". Но дело шло плохо.

Москвичи не верили Гавриле, думая, что он врет о „погорелом месте", желая разжалобить. „Много тут вашего брата шляется!" — говорили они и гнали Гаврилу прочь. Кроме того, с полицией не раз выходили неприятности, — просто хоть беги. В это время попал случайно Гаврила на лесной склад купца Горбунова, как всегда прося подаяния ради Христа.

— Ну чего там ради Христа!.. Вместо того, чтобы христарадничать, иди-ка лучше в склад да работай, — сказал ему хозяин, находившийся в хорошем расположении духа. — Шесть, семь гривен заработаешь в день, и дело...

— Да, батюшка, я всей душой... Дай тебе Господи!.. — обрадовался Гаврила, которого так тяготила роль нищего, преследуемого и оскорбляемого всеми. — Да я век за тебя молить буду...

— Ну, это там твое дело... — отозвался хозяин. — Работай

как следует, дело-то лучше будет...

С этого дня Гаврила начал свою работу в складе и скоро привык к этой каторге: к чему мужик не привыкнет! Заработок был небольшой: зимой пятьдесят, шестьдесят копеек, потом когда дни длинней, семьдесят, восемьдесят, а иногда и девяносто копеек. Гаврила урезывал во всем, питаясь почти одним хлебом и водой. Дрожал над каждым медяком и все копил и копил деньги, чтобы снова понемногу обзавестись хозяйством. Дома у него был тридцатилетний сын, которого он не пустил в город из боязни, что он там избалуется, и который бился теперь над землей, занимая и семена, и инвентарь, и лошадь по соседям...

И вот теперь Гаврила сидел в трактире и грустно думал о том, что зря эту канитель затеяли, что работу бросили; день прошел — сорок копеек, а то и весь полтинник из кармана. Противиться же общему решению он не мог, потому что ему обещали „переломать ребра, ежели что". Его и так поденщики не очень долюбивали за его суровость, да за то, что он все в стороне от

них стоит. И он покорился и высчитывал, сколько ему еще придется оставаться в этом аду, думая о своей Голодаевке и о письме, которое пришло оттуда неделю тому назад. Старуха его все болеет, — с самого пожара эта хворь с нею приключилась, не то с испугу, не то холодом-то ее охватило. Ночь была ветреная, осенняя, а выскочили все в одних рубахах. Сын кончает постройку избы и думает скоро перейти в нее из амбарушки, в которой он ютился с семьей. А там еще лошадь надо, корову, — ведь все огонь порешил, до нитки... Гаврила глубоко и тяжело вздохнул...

Рядом с Гаврилой за столом сидел Ванька Благой, который так же, как и его товарищ, Ванька Кот, представлял типичного золоторотца без роду, без племени, рожденного где-нибудь в канаве или под поленницей дров, там же получившего воспитание, там же живущего и там же кончающего свою жизнь, если какой-нибудь счастливый случай не поместит его на казенные харчи в острог, где, по крайней мере, маломальски тепло да как ни на ест кормят. Ванька Благой от ран-

него пьянства и разврата был уже теперь, к тридцати годам, полуидиотом. Обыкновенно он был очень тих и молчал, установив в пространство бессмысленный взгляд и полуоткрыв рот, из которого висела слюна. Иногда он вдруг от пустяка приходил в необыкновенную ярость и готов был перервать горло всякому, — если бы у него была сила, но он был слаб, и его ярость разрешалась ужасным нервным припадком. Он катался по земле, рычал; бил себя по лицу кулаками, рвал волосы... Благой был большим вором и воровал все, что попадалось под руку, даже у своих товарищей; за что и бывал бит до потери сознания.

Его товарищ Ванька Кот, высокий, худой, жилистый парень с испитым, неприятным лицом, украшенным жидкими белобрысыми усами и огромным синяком под глазом, свое прозвище Кота получили за то, что долго служил в притоне самого низкого разряда, который посещался золоторотцами. Кот был почти всегда голый, так как пропивал немедленно всякий грош, который попадался ему.

Вот эти-то разные люди, со-

бранные голодом в одно место, и сидели теперь в трактире, не зная, что делать. Всех одинаково грызла забота о завтрашнем дне — жрать-то, ведь, надо будет. Одних эта мысль приводила в ярость как Никиту Зверя, и они сыпали страшными ругательствами, обращаясь мысленно к тем, которые поставили его в это положение. Гаврилу эта забота повергала в глубокую печаль и задумчивость. Ваське Благому было, пожалуй, все равно; он сидел и глядел в пространство, ни о чем не думая. Ежели что, так и спереть можно что-нибудь, а то так скандал устроить, чтобы в участок взяли. Степка, под влиянием выпитой водки, начал воодушевляться, и голова его усиленно работала над проектом тормоза, который может остановить в одну секунду курьерский поезд на полном ходу. Он уже подумывал сходить в склад за своим галстуком и воротничком, чтобы идти к генералу сообщить об этом тормозе... Завей-Горе сильно опьянел и клевал носом...

Уже вечерело... Дождь все лил, как из ведра... Гаврила, съев ломоть хлеба с квасом,

пошел в ночлежный дом. Митька подумывал устроиться сегодня у своей любовницы, полупрачки, полупроститутки, которая снимала „угол". Он думал идти к ней, а пока что ораторствовал о своем былом величии.

— Лошади какие у меня были, все отдай и мало!.. — рассказывал он. — Бывало, заложешь Ворончика, тулуп лисий напялишь. „Садись, Дуня!.." Эх, Дуня!.. Уж и девка же была, леший ее задави! Огонь, черт, а не девка... Посадишь ее в сачочки. „Держись, Дуня, крепче!.. Помахивай, Ворончик!.." Ф-фу ты, пыль какая!..

Митька вытягивал руки вперед, как-бы держа вожжи, и жмурился, отвернув лицо в сторону, — так шибко бежали Ворончик, инда смотреть впереди из-за снежной пыли нельзя...

Слушатели — золоторотцы, ломовые извозчики, половые, — хохотали и не то с насмешкой, не то с завистью смотрели на воодушевившегося рассказчика. Этому хоть тем, что было, похвалиться можно. Глуп, глуп, а пожил-таки в свое удовольствие.

Понемногу пришла ночь. Пьяный шум в трактире утихал;

посетители расходились. Приняв деятельное участие в скандале, в выпроваживании из трактира расшумевшихся ломовых, рабочие заметили, что пора бы и предпринять что-нибудь. Мелькнула было мысль о том, что бы украсть в складе несколько досок, продать их одному столяру, не раз покупавшему у них краденое, а затем на эти деньги устроиться на ночь в ночлежке, как они изредка делали. Но сегодня приходилось оставить такую мысль: было ясно, что эту ночь склад будут особенно стеречь, так как приказчикам было известно, что у рабочих нет ни гроша, значит, можно надеяться на их визит ночью. Стерegli они склад, хозяйское добро не потому, что им были дороги четыре, пять досок, — на это наплевать, — а потому, что ловля жулика, поимка его, избивание, — все это доставляло им чрезвычайное удовольствие, внося разнообразие в их убийственно монотонную жизнь. Поимка жулика в складе всегда была чем-то вроде праздника... Поэтому мысль о досках была оставлена.

Митька пошел к любовнице; у нее он застал другого мужчи-

ну, который и был общими усилиями Митьки и его половины прогнан с позором; Митька отколотил неверную и лег спать.

Остальные четверо, соблюдая тысячи предосторожностей, пробрались в склад и залезли под штабель, где на опилках, под рогожами, вместе с собаками и провели ночь. Титехтур за поздним временем и дурной погодой отложил свой визит к генералу до другого раза...

III

Наутро с рассветом рабочие проснулись и первой мыслью их было: что делать? Вслед за этим тотчас же мелькнуло смутное пока раскаяние в том, что бросили работу. Как ни вертись, ведь все равно уступишь, те выдержат, и день-то сегодня помытаришься-таки. Пойти искать работы на других складах было бесполезно, так как комплекты рабочих в это горячее время, — балочный сезон, — были повсюду полны; кроме того поденщики редко и очень неохотно расстаются со складом, где они долго работали, — точно их что привязывает к нему. Они раскаивались, но

уступить тоже не хотели, и теперь, когда вспышка раздражения остыла, в их упорстве играло главную роль не желание добиться своего, требуемой надбавки, — они слишком хорошо знали по предыдущим опытам, что результаты будут как раз обратные, — теперь уступить им не позволяла их гордость, хотя они и знали, что чем больше „пробунтуют“, тем сильнее придется поплатиться за это потом.

Этот душевный разлад делал их чрезвычайно озлобленными; не успев встать, как следует, они уже все переругались. Как на зло, погода стала как будто разгуливаться. Хотя небо и хмурилось и дул сильный ветер, но дождя, по крайней мере, не было... Работать бы славно по холодку.

Митька пришел от своей любовницы, Гаврила из ночлежного дома. Все встретились у ворот и молча, озлобленные, пошли в трактир завтракать, — в долг, так как денег уже не оставалось ни гроша. Завтрак их состоял из ситного и отвратительной бурды, которая подавалась им под именем чая. Покончив с этим, они остались сидеть в

трактире, так как делать было нечего. Кот намекнул было опять о водке, и Зверь уж хотел было встать, чтобы ходатайствовать перед хозяином об отпуске ее в долг, как вдруг дверь с улицы отворилась и в трактир вбежал один из приказчиков склада, чистяк и краснобай Матрешин, развязный и наглый, как всегда. У рабочих екнуло сердце и дух их сразу поднялся, — они думали, что он прибежал за ними, что управляющий сдался, — но тотчас же их постигло жестокое разочарование. Матрешин глянул на них с усмешкой и, поскрипывая ярко начищенными сапогами, прошел за прилавок к трактирщику, с которым и стал что-то шептаться, кивая головой на поденщиков, которые опять нахмурились в ожидании какой-нибудь новой пакости. Трактирщик, смеясь, кивнул головой в знак согласия, и Матрешин убежал. Было несомненно, он приходил сюда с тем, чтобы просить трактирщика ничего в долг рабочим не отпускать и, таким образом, голодом вынудить их скорей вернуться в склад. Трактирщик, который ровно ничем не был обязан хо-

зяину склада, охотно согласился на это на том основании, что лесник человек богатый, и к тому же сосед, — почему не оказать ему любезности? А эти, шентрапа-то, народ известный... Их не подтянешь, так они тебе на шею сядут, живым съедят тебя... И он согласился.

Предчувствуя, что их просьбу встретит отказ, рабочие не решились ходатайствовать об отпуске водки и вышли из трактира.

Какая-то неведомая сила тянула их к складу, и они пошли туда и, злые до последней степени, стали слоняться от одних ворот к другим.

Опять стал накрапывать дождь, который припускал все сильнее и сильнее. Поденщики жались под навесы штабелей, под сараи, стараясь защитить себя от дождя. Управляющий Петр Иванович, пивший от нечего делать уже одиннадцатый стакан чая, увидел их из окна и послал Матрешина выгнать их из склада, „чтобы не отсвечивали“...

— Небось, не съедим склада-то... — отвечал, хмурясь, ба-тырь, — Чего тебе помешали?

Приказчик посмотрел на них

насмешливо, улыбнулся и, ничего не сказав, пошел обратно в контору, осторожно, чтобы не запачкать своих блестящих сапогов, ступая по грязи. Управляющий тоже не настаивал и тоже усмехнулся: он знал, что это уже начало конца.

— Ну-ка, Василий, налей-ка мне еще стаканчик! — проговорил он, протяжно рыгнув. — Эх, дела, дела...

Рабочие неподвижно стояли под дождем, среди невылазной вонючей грязи, под ударами холодного ветра. Вдали загудел свисток на фабрике, и в его могучем реве слышалась какая-то насмешка: своим сытым ржаньем он напоминал голодным об обеде...

— Ну, идемте, что ли... — буркнул батырь.

Все опять гуськом направились к трактиру и робко, боком протискались в дверь.

— Насчет обеда бы... — смотря в землю, проворчал Зверь. — Двенадцать уж...

— А деньги есть? — спросил хозяин.

— Чего деньги? Не в первый раз... Заплатим... — глухо заговорили все рабочие.

— Н-ну, это, братцы, не ру-

ка... Нету денег, нету и обеда... Кто не работает, тот не достоин пропитания.

— Да, говорят, отдадим завтра...

— Ну, завтра и пообедаете...

Страшная злоба поднялась в этих измученных душах. Рабочие готовы были растерзать этого равнодушного, пухлого мужика с желтым, безволосым лицом, но они должны были смириться. Силой тут не возьмешь ничего...

— Афанасий Гаврилович, что ж, нюжли не жрамши сидеть?.. Смилуйтесь... ведь не впервой... За нами не пропадет, сами знаете...

— Нет, миляки. Сказано: нет и нет, не прогневайтесь, — равнодушно отвечал трактирщик. — Сходите к хозяину, принесите от него записку, что, дескать, можно в долг отпущать, так тогда мне что? Хоть на четвертной билет отпущу.

Пред ними стояла каменная стена, о которую разбивались все их усилия. Бессильная злоба клокотала в сердцах, сказываясь в холодном блеске глаз, в крепко сжатых челюстях, в стиснутых кулаках, но — надо терпеть, надо затушить и эту злобу,

и голод, разбуженный запахом чего-то жарящегося в кухне.

— Ну, возьми хоть наши пинжаки в заклад до завтра, как раньше... — предложил Кот, решившийся, несмотря на холод, расстаться с последней одежкой.

— Завтра выкупим... — подхватили рабочие.

— Нет, и это не пойдет...

В наступившем коротком молчании было что-то страшное, в нем, казалось, нашла выражение вся драма, совершавшаяся в этих душах! Даже трактирщик почувствовал ее и невольно приподнялся с табурета.

— Так не дашь? — вдруг резко взвизгнул Ванька Благой и, прежде тем трактирщик успел ответить, он схватил с прилавка какую-то бутылку, и вдребезги рассадил ею ближайшее окно. — Н-на, дьявол, выкуси! — повторял он, бледный, весь дрожа. — Веди теперь в участок!.. Там авось накормят...

На крик сбежались половые и некоторые любители скандала. Трактирщик выпрямился за стойкой с искаженным злобой лицом.

— В участок?! На казенные харчи?! А-а, нет, голубчики, не

на такого напали... За окно мне заплатит твой хозяин, а с тебя он это вычтет... А теперь... ребята, в шею его!.. — вдруг закричал он во все горло.

Половые только и ждали этого, и толпой бросились на Ваньку. Удары градом посыпались на его исхудалое тело. Ванька ревел, извиваясь, нанося удары своим врагам. Вдруг один из половых громко вскрикнул и отскочил в сторону, махая окровавленной рукой, которую Ванька глубоко прокусил.

Через секунду Ванька вылетел за дверь и, упав, ударился носом о скользкие от дождя камни тротуара.

— Вон и вы! Чтобы и не пахло здесь вами!.. — закричал хозяин остальным рабочим, которые хотели бы заступиться за Ваньку, но не могли, — враги их были слишком многочисленны: все половые, ломовики, многие из посетителей, все стали на сторону не избитого, голодного Ваньки, а трактирщика, и были готовы защищать его своими кулаками.

Поденщики, как затравленные звери, готовые укусить наступавшего сзади врага, ози-

раясь, медленно вышли из трактира... У крыльца они нашли Ваньку, который, хныкая, старался остановить текущую из носа кровь. Он посмотрел на них своим тупым светлым взглядом и, должно быть, желая улыбнуться, как-то жалко искривил лицо... Рабочие отвернулись.

Дождь лил, как из ведра, подгоняемый порывистым, холодным ветром. Поденщики оглянулись вокруг, как потерянные... Что делать? Нечего было делать... Надо вернуться и просить прощение. Но одна мысль эта приводила их в негодование. Нет, покориться нельзя, сердце не позволяет...

Они прошли пять шагов и опять стали... Идти некуда... Вдруг Гаврила поднял голову; на лице его были видны следы душевной борьбы.

— Ну, что ж... — проговорил он с трудом. — Недохнуть же с голоду. Пойдемте, я хлебушка куплю, поедим да чайком запьем...

Рабочие молчали, но им теперь показалось, что и ветер не так холоден, что кругом не так все грязно, сыро, тоскливо. Они знали, какие лишения терпит

Гаврила, знали, для чего он их терпит, и вот теперь этот Гаврила, этот бородатый мужик, с печальным лицом, с лихорадочно блестящими глазами хочет накормить их... Что-то ясное и теплое повеяло в их души и согрело их. Но они молчали, не двигаясь с места.

— Пойдемте в другой трактир... — прибавил Гаврила и повернулся, чтобы идти. — А там пойдем, покоримся. Что-ж, с сильным не борись...

— Га, это там видно будет!.. — воскликнул Кот.

— Мы им, дьяволам, покажем... Небось, это дело-то и им тоже пахнет... Мы им нос-то тоже утрем...

Но эта угроза не нашла отклика в товарищах, да и сам он хорошо знал, что все это пустое. Они рады бы, всей душой рады „показать" тем, причинить им всякое зло, возможное и невозможное, но они знали, что сделать они ничего не могут.

Закусив, вместо обеда, несколькими ломтями хлеба с чаем, купленными Гаврилой, рабочие опять поднялись. Гаврила вынул из платка несколько медяков и долго пересчитывал их, прежде чем отдать половому.

Видно было, как ему жаль расстаться с этими медяками...

Они знали, что трудно будет вернуть их — где уж! В том трактире должны, пить, есть опять надо, одеженку какую ни на есть купить надо, — зима-то вот она. И он платил эти медяки, и их было мучительно жаль, так как они представлялись ему не бессмысленными кусочками металла, а частичками лошади, овцы, коровы, жердью, семенами, в которых была такая нужда там, в семье...

Глубоко вздохнув, он вышел вслед за рабочими. Титехтур оглянулся на озабоченное лицо Гаврилы, и в его глазах что-то засветилось... Он хотел что-то сказать, но ничего не сказал, а только потрепал легонько Гаврилу по плечу неуклюжим жестом, полным ласки и тепла....

Зверь покосился на него, но не сказал ничего, не выругался...

Опять все на дожде, на холодном ветру, который так и щиплет тело сквозь бесчисленные дыры пиджаков и порток; босые ноги ноют... Посиневшие, сторбившиеся рабочие опять потрусили к складу, к этому источнику их убогой жизни, вле-

комые туда невидимой силой.

— Сдается неприятель... — усмехнулся Петр Иванович, увидя их. Пардону хочет просить...

Приказчики сочувственно хмыкнули, довольные, что „неприятель сдается". В этих изможденных, голодных людях они тоже видели врагов, от которых надо защищаться. Хозяйское добро им не дорого, они сами не раз и не два делали маленькие и большие покушения на это добро; но раз они замечали, что это покушение делают еще и другие, они озлобленно защищали его. Тут не долг говорил, а слепой инстинкт, какой говорит в волке, когда он скалит зубы на своего собрата, собирающегося произвести покушение на то же стадо, на которое метит и он. Овец в стаде много, обоим им хватило бы, но волки оскаливаются, лязгают зубами и вот-вот вступят в ожесточенный бой, которым, может быть, воспользуется пастух для того, чтобы оглушить их обоих, ослепленных яростью, дубиной или затравить собаками...

Прижавшись к стене сарая, рабочие хмуро смотрели в землю, и каждый ждал, что вот-вот

кто-нибудь из товарищей скажет нужное слово, и каждый сердился на других за то, что они не говорили этого слова.

— Ну, надо пойти посмотреть на неприятеля-то, сколько еще в ём силы осталось... Ха-ха-ха!.. — засмеялся управляющий и, взяв зонтик, пошел в склад.

Проходя мимо рабочих, он равнодушно осматривал штабелю по сторонам, делая вид, что не замечает поденщиков. Те робко, с затаенной надеждой, украдкой взглядывали на него, ожидая того слова, которого они напрасно ждали друг от друга, но толстый Петр Иванович не сказал этого слова и, убедившись, что „силы в ём уже нет“, пошел было к конторе, где его ждал самовар...

Страшная тоска охватила поденщиков, — неужели же это не конец?... Да когда же?..

— Здравствуй, батюшка, Петр Иванович!.. — грустно поклонился ему Гаврила.

— Здравствуй, коли не шутишь, брат Гаврила, — отвечал тот, не снимая шапки. — Отдыхаешь?..

— Что за отдых, батюшка!.. — махнул тот рукой.

Слово сказано, первый шаг

сделан.

— Петр Иванович, прикажите работать!.. — глухим, хриплым голосом проговорил батыйрь. — Не жрамши сегодня...

— Это уж дело ваше, жрамши али не жрамши... — ответил Петр Иванович. — Это ваше дело.

— Прикажите работать, — повторил Кот.

Наступило короткое молчание, — точно Петр Иванович нарочно хотел продлить эти минуты унижения рабочих в отплату за все, что они причинили ему: и выговор от хозяина, и протокол околодочного за неисполнение его требования об освобождении улицы от балок, — за все.

— Ну, что ж, работайте, пожалуй... — наконец, проговорил он. — Только семи гривен я теперь не дам... Шесть гривен...

— Петр Иванович, да побойтесь вы Бога-то!.. — невольно вырвалось у Кота. — Таких цен и не бывало...

— Знаю, что не бывало... — отвечал невозмутимо Петр Иванович. — Поучить вас маленько желательно мне, чтобы в другой раз вам, подлецам, неповадно было, чтобы вы, сукины дети,

знали, что мы-то без вас обойдемся, а вы без нас с голоду содохнете...

Управляющий разгорячился и осыпал рабочих невозможной бранью. Они молчали, покорно опустив головы.

— Ну, согласны на шесть гривен, марш на работу...

— Петр Иванович не обижайте... Ведь, дождь, грязь...

— Полтинник и ни гроша больше!.. — заорал управляющий, выведенный из себя противоречием.

— Кто хочет полтинник, становись на работу, кто не хочет — к чертовой матери!..

И он ушел в контору.

Рабочие неподвижно остались на своих местах. Теперь в них даже злобы не было на управляющего. Они устали злобствовать, им было холодно, хотелось есть, хотелось покончить с этим несносным положением, выйти из него скорее, скорее...

К складу опять подъехал обоз с балками. Матрешин выбежал из конторы, чтобы указать место, где сваливать товар. Первая лошадь только было начала въезжать в ворота, как забрала несколько в сторону,

одно колесо соскочило с узкой мощеной дорожки и по ступицу ушло в грязь.

Завязывая трехъярусные ругательства и осыпая лошадь ударами ногой по животу и кнутовищем по морде, извозчик употреблял все усилия, чтобы выбраться из беды, но напрасно. Тяжелая балка не трогалась с места, точно ушедшее в грязь колесо было припаяно к земле. Двое приказчиков схватились за оглобли, помогая. Сзади воз толкали другие возчики, — балка не трогалась с места.

— Что же, надо помочь, — проговорил Гаврила. — Ишь лошадь-то как бьется...

— Что ж... Пособим... не сломаемся, — пробормотали поденщики и мялись: это была сдача без условий.

Управляющий заметил их колебания.

— Да вы что, дьяволы, не видите, что ли? — загремел он. — Или руки-то у вас отсохли?.. А?.. Н-ну, живо!

Рабочие бросились к лошади, обступили колеса, сами уйдя по колени в грязь, и через минуту балка вкатилась в склад.

— Берись за рычаги, живо!.. — командовал Петр Иванович.

— Ставь стойки!.. Поворачивайся!..

Рабочие быстро исполняли его приказания...

Скоро балка была на штабели, а не в грязи, как те, которые были привезены в отсутствие рабочих.

За ней полетела вверх другая.

— Юзи... Стой!.. Заводи тот конец... Стой!.. — командовал Зверь. — Кантуй!.. Еще раз!.. Стой!.. Юзи, все разом!.. По-ошла!..

— По-ошла, пошла, пошла-а-а! — закричали рабочие, и в голосах их звучала радость.

— Следующую!.. Живо!.. — возбужденно кричал Петр Иванович. — Митька, ты чего, черт, рот-то разинул?..

И он дал зазевавшемуся Митьке в шею; тот, едва устояв на ногах, бросился к рычагу, чтобы подхватить балку.

— Следующую!..

— А по-ошла, пошла, пошла-а-а!..

IV

Вечер... Зверь робко протискался в контору, сняв шапку еще на лестнице, и молча оста-

новился у порога.

— Ты что, Зверев? — спросил Петр Иванович, не поднимая глаз от газеты и прихлебывая чай.

— За расчетом, Петр Иванович...

— А-а!.. Это можно... В день полтинник, работали с двух часов, — значит по двугривенному получаете...

— Петр Иванович... — начал было умоляюще батырь.

— Молчать!.. Не дыши!.. Еще слово и без гроша выгнью... — вскипел управляющий — Получай рупь двадцать на шестерых... Марш!.. И завтра, чтобы во время быть на работе... Моли Бога, что я еще терпелив: другой на моем месте тебе, стервецу, всю морду раскровянил бы за твои пакости...

— Да что ж я?.. Не один...

— Молчать!.. Знаю я тебя, мерзавца... Марш!.. Смотри у меня, ежели еще что...

Зверь взял деньги и торопливо вышел.

— Сколько? — спросил кто-то из темноты.

— По двугривенному — буркнул Зверь.

— Живодеры проклятые!.. — проговорил тихо Кот.

— Сволочь!.. — сказал Митька.

И все побежали в трактир, но не в соседний, где Благой разбил окно, а в другой, подальше. Там они заложили свои пиджаки за тридцать копеек каждый до завтрашнего вечера, и все напились вдребезги, за исключением Гаврилы, который ограничился куском хлеба с чаем.

На утро все работали в одних рубашках на пронизывающем ветру, а к вечеру Благого ухватило.

Он валялся на опилках между двух высоких штабелей досок и то покрывался рогожей, стараясь согреться, то отбрасывал ее, мучимый жаром. По временам он задыхался и с широко открытыми в ужасе глазами ловил ртом воздух... Степка просидел около него всю ночь, подавая пить, а утром, на заре погожего осеннего дня, вокруг Ваньки, тайком от приказчиков, собрались поденщики... Они скрывали его, потому что иначе его, беспаспортного, отправили бы в участок и тогда ему было бы много бесполезной возни с полицией в случае выздоровления. „Авось отлежится" — думали они. Но Благому не суж-

дено было отлежаться. Он уга-сал на их глазах...

Очнувшись от бреда, он уставился глазами на грустное лицо Гаврилы, и в этих обыкновенно тупых, идиотских глазах зажглась слабая, неясная мысль. Гаврила невольно придвинулся ближе к умирающему.

— Издыхать... видно... пора пришла... — прохрипел Ванька. — Должен тебе за хлеб да... за чай... Надысь нам... по... купал... Так... возьми картуз мой да... пинжак... Все... двугривенный... вы... ручишь...

Гаврила взглянул в большие, серьезные глаза умирающего, остановившиеся на нем со строгим выражением, и вдруг у него защекотало в горле, и он торопливо отвернулся.

— Ну, чего там... — сказал он тихо. — Господь с тобой... Надо тоже по-Божьи...

Ванька обвел глазами по сумрачным лицам товарищей, как бы прощаясь с ними, глубоко, судорожно вздохнул и вытянулся...

— Кончился... — тихо проговорил Зверь.

— Царство ему небесное... — истово перекрестился Гаврила.

Он поглядел на этого бедно-

го покойника в лохмотьях, на его посиневших от холода, изможденных товарищей, стоявших над ним с серьезными лицами, и вдруг глубокая, бесконечная жалость к этим людям залила его душу, и ему стало, как будто, стыдно того, что у него есть и семья, и какой ни на есть угол, и того, что в пиджаке у него зашиты одиннадцать рублей... А у этих нет ничего на белом свете... Как собаки бездомные... Слезы жгли его глаза, но он удержался и только пока-

чал головою и глубоко вздохнул...

А через полчаса управляющий разносил поденщиков за то, что они скрыли умирающего Ваньку. Теперь возни с полицией не оберешься, — легкое ли дело, беспаспортный умер на складе... Рабочие молчали, но в душе были рады: повозись-ка вот теперь!..

Скоро за Ванькой приехал городской и увез его куда-то на ломовом извозчике под рогожей...

И. Наживин. Забастовка. Издание «Посредника» № 644. М., 1906.

Иван Федорович Наживин (1874-1940) — известный в свое время русский писатель, долгое время разделявший взгляды Л. Н. Толстого, автор воспоминаний о нем. Отец писателя был лесоторговцем, из крестьян, так что описываемая в рассказе обстановка Наживину была хорошо знакома.

В издательстве «Посредник» в свое время был выпущен целый ряд рассказов Наживина: «Братья», «В стенах», «В сумасшедшем доме», «Соседи» и др., переводы стихотворений Э. Кросби, составленные им сборники «Голоса народов», «Кто такие сектанты». Л. Н. Толстой высоко ценил его роман «Менэ...Тэкел...Фарес...» (1907). Основал свое издательство «Зеленая палочка» в толстовском духе; здесь вышли: сборник статей Э. Карпен-тера «Цивилизация» (1906), «Моя исповедь» (1912) и др. Позже отошел от толстовских взглядов. В последнее время в России возродился интерес к И. Ф. Наживину, но исключительно к его поздним историческим романам, написанным уже в эмиграции. Роман «Распутин» (1925), высоко оцененный Т. Манном и С. Лагерлеф, выдвигался на Нобелевскую премию.

И. А. Белоусов

На воле

Сбылися надежды: родимые нивы,
Я вас увидал наяву, не во сне!
Как сердце спокойно, душа отдыхает,
Как дышится вольно в родной стороне!

Забыто, что прожито в долгие годы
Средь лести, коварства, обмана и лжи.
Далеко от шумной и душной столицы,
Здоровый и бодрый, стою у межи.

Как море волнуется желтая нива;
Росистое утро лежит над землей;
Красавица-зорька полоской огнистой
Чуть рдеет за дальнего леса грядой.

В лицо ветерок мне прохладой дышит,
Душистой волной набегая с полей;
Туман над землей поднимается выше,
Зоря разгорается шире, ясней...

Привет вам от сердца, родимые нивы,
Где пахарь так много труда положил,
И ждал, и молился, и верил глубоко,
Нуждою забитый — надеждою жил!..
.....

Стою у межи я; душа отдыхает, —
И только лишь дума тревожит одна:
Как много людей есть, которым навеки
Столичная жизнь суждена.

Погляди

(Из Б. Гринченко).

Погляди, — весна вернулась,
Сыплет пышными цветами;
Песни птичек голосистых
Раздаются над лугами!

Погляди, — в просторе неба
Солнце весело сияет;
В поле землю-мать сырую
Пахарь плугом поднимает!

Погляди, — все вновь проснулось
И взялося все за дело...

Помолись — и за работу
Принимайся бодро, смело!..

* * *

Отворил я дверку клетки,
Птичку выпустил весной, —
Как взвилась, как полетела, —
Скрылась в выси голубой.

Хорошо на вольной воле
Птичке малой будет жить, —
Будет песней славить Бога,
Будет деток выводить.

И когда приду, усталый,
В темный лес я отдохнуть, —
Песней звонкою утешит
И меня когда-нибудь!..

В мае

Первой вешнею грозою
Май веселый прогремел,
По траве зазеленевшей
Теплым ливнем прошумел.

Светлой, ласковой улыбкой
Улыбнулись небеса;
Нежной зеленью оделись
Вновь ожившие леса...

В зеленеющее поле,
Полон светлых, чудных дум,
Я, душою отдыхая,
Вышел слушать вешний шум.

Вон над нивою зеленой
В блеске солнечных лучей
С песней вьется жаворонок,
Серебром звенит ручей.

Пчелы вьются над цветами,
Собирая сладкий мед;
Мотылек блестит нарядный,
В норку черный жук ползет.

Пахарь выехал на пашню
И родимой полосой
За лошаdkою шагает
Он с кормилицей-сохой...

Я дивлюсь; легко на сердце!
Набегает на глаза

Счастья, радости, довольства
Благодарная слеза:

Рад за тех я, кто зимою
В душных хатах изнывал,
Дней тепла — весны прихода
Кто так долго, жадно ждал.

Знаю я, что эти люди
Тяжело зимой живут!
Урожай пошли им, Боже,
За терпенье и за труд!

Иван Алексеевич Белоусов (1863-1930) — поэт из крестьян.
Белоусов И. А. «На воле». М., «Посредник», № 341, 1899.
(переиздано в 1903, 1905, 1910 гг.)

Основные издания «Посредника»*

История

ВЕЛИЧКИНА, В. Очерки истории инквизиции. Описание свободных религиозных течений.

ГОРБУНОВ, И. Освободители черных рабов.

ГУСЕВ, Н. Рассказы об инквизиции.

ЖИЛИНА-ДЬЯКОНОВА, Е. Царство фараонов. Рассказы по истории Египта.

КОЛЧИН, М. Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря (в XVI-XIX веках). С пред. А. С. Пругавина.

ЛУКЬЯНСКАЯ, В. Тысячи лет тому назад. О великих войнах и мирной жизни греческого народа и о греческих мудрецах.

ПРУГАВИН, А. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством.

ПРУГАВИН, А. Религиозные отщепенцы.

Вып. I: 1. Сютаевцы. 2. Апостол Зосима. 3. Еретики.

Вып. II: 1. Немоляки. 2. Медальщики. 3. «Вредные секты»: Бегуны. Неплательщики. Лучинковцы. 4. Новая секта (секачи). 5. Штунда среди великороссов. 6. Белоризцы. 7. Интеллигентная секта («Десное братство»).

ПРУГАВИН, А. Старообрядческие архиереи в Суздальской крепости.

СУЛЕРЖИЦКИЙ, Л. В Америку с духоборами.

ЮВАЧЕВ, И. Шлессельбургская крепость. Записки бывшего узника. С пред. И. И. Горбунова-Посадова.

* Продолжение, начало см. в предыдущем выпуске Альманаха.

Часть изданий можно найти в библиотеке «Вне насилия»:
<http://antimilitary.narod.ru/tolstoism.htm>.

ДУРЫЛИН, С. Крепостные дети.

ПЕСНИ О ВОЛЕ И НЕВОЛЕ. Собрал И. Горбунов-Посадов.

Биографии

Александр Македонский, знаменитый завоеватель, прозванный Великим.

БИРЮКОВ, П. Лев Николаевич Толстой. Биография. Том I, II, III.

БИРЮКОВ, П. Краткая общедоступная биография Л. Н. Толстого.*

БИРЮКОВ, П. Греческий мудрец Диоген.*

Великий греческий мудрец Сократ.*

В. Чаннинг, апостол бесконечного совершенствования человека.

ГОРБУНОВ-ПОСАДОВ, И. Живая любовь. Рассказ о том, как жил, трудился и умер Дамиан де-Вестер, друг прокаженных.

ГУСЕВ, Н. Два года с Л. Н. Толстым. (Из дневника бывшего секретаря Л. Н. Толстого).

ГУСЕВ, Н. Великий борец за правду Иероним Савонаролла.

ГУСЕВ, Н. Народный укр. мудрец Григорий Саввич Сковорода.*

ГРЕКОВ, К. Елизавета Тюрингенская.

ДЖОНСОН, В. Шри-Шанкара-Ачария, мудрец индийский.

ДОСЕВ, Х. Вблизи Ясной Поляны: 1907-1909 гг.

ЖИЛИНА-ДЬЯКОВА, Е. Борец за правду: славный учитель Ян Гус

ЛЕБРЕН, В. Толстой (Воспоминания и думы).

ЛУЧИЦКИЙ, И. Проповедник религиозной терпимости XVII века.

МИКУЛИЧ, В. Встреча со знаменитостью. (О Ф. М. Достоевском).

МОРРИСОН-ДАВИДСОН, В. Предшественники Генри Джорджа.

МОРОЗОВ, В. Воспоминания о Л. Н. Толстом ученика яснополянской школы.

ОРЛОВСКИЙ, С. Железные дороги и Георг Стефенсон.

НИКИФОРОВ, Л. Джон Рёскин. Его жизнь, идеи и деятельность.

НИКОЛАЕВ, С. Великий борец за освобождение земли Г. Джордж.

ОВСЯННИКОВ, Н. Эпизод из жизни Толстого.

ПАССЕК. Свет Азии. (Будда). Индийское сказание. По Арнольду.*

ПРУГАВИН, А. Предполагавшееся заточение Л. Н. Толстого в

Суздальский монастырь.

Р., В. Князь Георгий Александрович Дадияни.

СВЕШНИКОВА, Е. Франциск Ассизский.

САБАТЬЕ, П. Жизнь Франциска Ассизского.

СТОРОЖЕНКО, Н. Апостол гуманности и свободы Теодор Паркер.

УКРАИНСКИЙ. Как помогал Толстой.

ЧЕРТКОВ, В. Римский мудрец Эпиктет. *

ШЮКЕ, А. Ж.-Ж. Руссо.

ДУРЫЛИН, С. Детские годы В. М. Гаршина.

ОРЛОВСКИЙ, С. Жизнь Диккенса, рассказанная детям.

РУБАКИН, Н. История маленького человека. Биография Гренвиля Шарпа.

РУБАКИН, Н. Ян Амос Коменский.

См. также раздел «Религия и философия» в предыдущем выпуске и некоторые художественные произведения.

Экономические и общественные вопросы

А-РИН, Г. Сетлементы, или Народные культурные поселки.

БОНДАРЕВ, Т. Торжество земледельца, или трудолюбие и тунеядство. С пред. Л. Н. Толстого.

Возвращения единомышленников Л. Н. Толстого к воюющим народам

ГЕРД, Ф. Вопль детей. (Эксплуатация детского труда).

ДЖОРДЖ, Г. Земельный вопрос. Его сущность и его единственное решение.

ДЖОРДЖ, Г. Избранные речи и статьи: Биография, сост. С. Николаевым. Об изучении политической экономии. Моисей.

Преступность бедности. Земля и налоги. «Не укради». «Да при-

* Переизданы в 1991 г. издательством «Бук Чембер Интернешнл».

идет царствие Твое». Земля для народа. Справедливость – цель, налог – средство. Что такое единый налог. Причина застоев в промышленности и торговле. Положение трудящихся. Приложение: Окружное послание папы Льва XIII по вопросу о положении трудящихся.

ДЖОРДЖ, Г. Общественные задачи. С пред. Л. Н. Толстого.

ДЖОРДЖ, Г. О вознаграждении земледельцев при уничтожении права частной собственности на землю.

ДЖОРДЖ, Г. Покровительство отечественной промышленности или свобода торговли?

КЛАРК, А. Фабричная жизнь в Англии.

КРОПОТКИН, П. Поля, фабрики и мастерские.

ЛЕВ, Д. Наша политическая экономия с точки зрения японцев.

НИКОЛАЕВ, С. В защиту проекта земельной реформы Генри Джорджа. С пред. Л. Н. Толстого.

НИКОЛАЕВ, С. Об уравнительном землепользовании.

ПРУГАВИН, А. Голодающее крестьянство. Очерки голодовки 1898-99 г.

ПРУДОН. Бедность как экономический принцип.

Резолюция о войне Группы христиан-депутатов.

РЁСКИН, Д. Последнему, что и первому. Очерки по рабочему вопросу.

СЕМЕНОВ, С. Нужды и недостатки крестьянских обществ.

СПЕНСЕР, Г. Право собственности на землю.

ТОЛСТОЙ, Л. О голоде. Так что же нам делать. Царство Божие... Ряд статей по крестьянскому вопросу и др.

ТРЕГУБОВ, И. Земля Божия, или христианско-социалистический способ решения земельного вопроса.

ТРЕГУБОВ, И. «Мир мой даю вам, не так, как мир дает».

УСПЕНСКИЙ, П. Об истинной веротерпимости.

ШИРАРД, Р. Белые рабы в Англии.

(Продолжение следует).

Сост. В. А.

Календарь литературных дат на МАЙ

2 мая 1611: Впервые опубликована разрешенная английским правительством версия Библии — «Библия короля Якова».

3 мая 1993: Генеральная Ассамблея ООН объявила этот день «Днем свободы печати».

5 мая 1846: р. польский писатель Генрик Сенкевич. Романы «Без догмата», «Семья Поланецких», «Камо грядеши», рассказ «Бартек-победитель», «Янко-музыкант» и др. Ноб. премия 1905 года.

5 мая 1849: арестован Ф. М. Достоевский вместе с другими членами революционного кружка петрашевцев. Позже приговорен к каторге, которую описал в книге «Записки из мертвого дома», наиболее ценимой Л. Н. Толстым в его творчестве.

5 мая 1852: погиб Хаджи-Мурат, один из последователей горца Шамиля, герой повести Л. Н. Толстого.

5 мая 1902: ум. американский писатель Брет Гарт (р. 1836). «Счастье ревущего стана», «Рождественская ночь», «Идиллия».

6 мая 1862: ум. американский писатель Г. Д. Торо (р. 1817). «Уолден, или Жизнь в лесу», «О гражданском неповиновении».

6 мая 1880: ум. русский крестьянский поэт И. З. Суриков (р. 1841). Основатель известного «Суриковского кружка» — поэтов из крестьян и простолюдинов. Стих. «Детство», «Вот моя деревня...».

8 мая 1744: р. журналист и издатель-просветитель Н. И. Новиков (ум. 1818). Издавал учебники по истории и географии, азбука, книги для детей, книги по медицине, педагогике, сельскому хозяйству, сочинения русских и европейских писателей. Всего было выпущено более 1000 наименований. Подвергался преследованиям.

8 мая 1880: ум. французский писатель Гюстав Флобер (р. 1821). Роман «Госпожа Бовари».

Календарь литературных дат

9 мая 1805: ум. немецкий поэт и драматург Фридрих фон Шиллер (р. 1759). Пьесы «Разбойники», «Дон Карлос», ряд стих.

9 мая 1917: Временное правительство России объявило о полной ликвидации цензуры печати. «Посредник» выпустил 63 издания ранее запрещенных сочинений Л. Н. Толстого, В. Г. Чертков стал выпускать журнал «Голос Толстого и Единение».

10 мая 1860: ум. американский богослов и противник рабства Теодор Паркер (р. 1810). «О вопросах религии».

10 мая 1889: ум. русский писатель М. Е. Салтыков-Щедрин (р. 1826). «Современная идиллия», «Господа Головлевы», «Рождественский рассказ», «Бедный волк» и др. сказки.

10 мая 1917: основана Российская книжная палата.

10 мая в Германии отмечается День книги в память о сожжении книг нацистскими студентами в 1933 году. 20 тысяч книг было предано огню только в Берлине.

11 мая 1920: ум. Уильям Дин Хоуэллс (р. 1837), американский писатель-реалист (романы «Энн Килберн», «Неведомая страна» и др.) и литературный критик, автор ряда статей о Л. Н. Толстом.

13 мая 1840: р. французский писатель Альфонс Доде (ум. 1897). «Крушение корабля», «Смерть дофина», «Три ворона», «Два отца».

13 мая 1851: р. сербский писатель Лаза Лазаревич (ум. 1891). Расск. «У колодца».

14 мая 1912: ум. шведский писатель Август Стриндберг (р. 1849). «Укоры совести».

16 мая 1817: р. Н. И. Костомаров (ум. 1885), украинский историк и писатель. Легенда «Сорок лет» с окончанием Л. Н. Толстого.

17 мая 1912: ум. русск. писатель П. В. Засодимский (р. 1843). «У потухшего камелька», «Черные вороны», «Весь век для других».

18 мая 1910: ум. польская писательница Элиза Ожешко (р. 1841). «Братские узы», «В зимний вечер», «Колдунья», «Торгаш Гedaли», пов. «Хам», «Юлианка».

19 мая 1912: ум. польский писатель Болеслав Прус (р. 1847). «Простая душа», ром. «Фараон».

20 мая 1799: р. французский писатель Оноре де Бальзак (ум. 1850). «Евгения Гранде» и др.

20 мая 1903: ум. русский писатель К. М. Станюкович (р. 1843). Автор рассказов о моряках: «Бесшабашный» и др.

20 мая 1922: Ульянов (Ленин) поручил Дзержинскому подготовить план высылки за границу «контрреволюционных» писателей. В их числе был и В. Ф. Булгаков, секретарь Л. Н. Толстого.

22 мая 1885: ум. великий французский писатель Виктор Гюго (р. 1802). Романы «Отверженные», «Собор Парижской Богоматери», «Девяносто третий год», «Человек, который смеется», стих. «Бедные люди», «Гражданская война», расск. «Неверующий» и мн. др.

23 мая 1842: р. польская писательница Мария Конопницкая (ум. 1910). «Мариська», «Со взломом», «Затравленная», «Мендель Гданский», «Криста», «Убийца», «Фабричный дым» и др. расск.

24 мая 1879: ум. Уильям Ллойд Гаррисон (р. 1805), основатель «Американского общества борьбы с рабством», секретарь «Общества непротивления» в Новой Англии, автор «Декларации».

25 мая 1803: р. Р. У. Эмерсон (ум. 1882) — американский мыслитель-трансценденталист. «Высшая душа», «О доверии к себе».

28 мая 1916: ум. укр. писатель И. Я. Франко (р. 1856). «К свету», «Девушка из этого дома».

30 мая 1778: ум. Вольтер (наст. имя Ф. М. Аруэ), французский философ и писатель (р. 1694). Филос. пов.: «Микромегас» и др.

30 мая 1862: р. и 30 мая 1911 ум. русский поэт К. М. Фофанов.

31 мая 1819: р. американский поэт Уолт Уитмен (ум. 1892). Книга белых стихов «Листья травы», особенно стих. «Город».

31 мая 1937: русский писатель А. И. Куприн вернулся на родину. Расск. «Ночная смена», «В цирке», «Вечерний гость», «Allez!», «Корь». Л. Н. Толстой считал А. И. Куприна самым талантливым из современных русских писателей.

31 мая 1945: ум. художник Л. О. Пастернак (р. 1862). Илл. к романам «Воскресенье», «Война и мир», портреты Л. Н. Толстого.